

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ЦЕНТР ИСЛАМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ
МИРЕ

КАЗАНЬ
Фолиант
2017

УДК 325

ББК 66.3 (2 Рос) 3

В92

Печатается по решению Ученого совета Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
(протокол № 17 от 13.06.2017)

Издание подготовлено при финансовой поддержке
РФФИ и Правительства Республики Татарстан
в рамках научного проекта № 17-46-161013

- В92** Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография. – Казань: Фолиант, 2017. – 232 с.

ISBN 978-5-6040420-0-7

Монография подготовлена по итогам Международной научно-практической конференции «Россия и исламский мир: поиски ответа на глобализацию экстремистских движений», которая состоялась в Казани 17-18 ноября 2016 года. Предметом монографии выступают проблемы религиозного экстремизма в современном мире. Глобализация усиливает взаимосвязи и взаимозависимости различных обществ и государств, а влияние религии на социально-политические процессы неуклонно возрастает. Основное внимание в монографии уделено вызовам псевдоисламского экстремизма, в том числе, идеология и деятельность различных организаций радикального толка. Монография будет полезна политологам, исламоведам и всем заинтересованным в изучении проблем религиозного экстремизма.

Научные редакторы:
Р.Ф. Патеев, В.Т. Сакаев

Рецензенты:

Нуруллина Р.В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исламоведческих исследований АН РТ;

Мухаметшин Р.М. – доктор политических наук, ректор Болгарской исламской академии, член-корреспондент АН РТ.

Корректор – Атнагулова Д.Р.
Компьютерная верстка – Прыгановой В.В.

ISBN 978-5-6040420-0-7

© ЦИИ АН РТ, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© ООО «Фолиант», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
РОЛИ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	7
ИСЛАМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	7
НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ XXI ВЕКА ПО МИНИМИЗАЦИИ КОНФЛИКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ	19
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ: ВЗГЛЯД МУСУЛЬМАНОК	29
РАЗДЕЛ 2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ:	
ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ	37
ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ»	37
К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ	44
ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	50
ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	58
ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОМ ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	63
СЕКУЛЯРИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НУРСИЗМ КАК ФАКТОР ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920–1960 гг.)	74
РАЗДЕЛ 3. ДЖИХАДИЗМ КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА ...83	
ДЖИХАДИСТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА	83
СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДИЗМА В ОБЩЕСТВАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ МОБИЛИЗАЦИИ	94
ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ САЛАФИТСКОГО ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ СИРИИ	115
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	121

РАЗДЕЛ 4. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА.....	133
«ИГИЛ»: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ.....	133
«ИГИЛ» НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.....	144
УЧАСТИЕ ГРАЖДАН СТРАН ЗАКАВКАЗЬЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	161

РАЗДЕЛ 5. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ.....	169
ПРОГРАММЫ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ.....	169
ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕС)	177
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (ДГУНХ)	183
ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ МОЛОДЕЖНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА	187
МУСУЛЬМАНСКИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ В ТАТАРСТАНЕ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА	195
ЭКСТРЕМИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АГНИ)	206
КРАТКИЙ ОБЗОР РАБОТЫ СЕКЦИЙ КОНФЕРЕНЦИИ	216
РЕЗОЛЮЦИЯ. МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПОИСКИ ОТВЕТА НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ».....	223
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	226

ПРЕДИСЛОВИЕ

17-18 ноября 2016 г. в г. Казани состоялась Международная научно-практическая конференция «Россия и исламский мир: поиски ответа на глобализацию экстремистских движений», организаторами которой выступили Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир», Академия наук Республики Татарстан, Центр исламоведческих исследований АН РТ, Ресурсный центр по развитию исламского и исламоведческого образования ИМОИиВ КФУ, Казанский институт евразийских и международных исследований.

Основной темой конференции стал феномен религиозного экстремизма в современном глобализирующемся мире. Глобализация усиливает взаимосвязи и взаимозависимость различных обществ и государств во всех без исключения сферах жизни, а также усиливает опасность глобальных вызовов, включая угрозы международного терроризма. При этом неуклонно возрастает влияние религии на социально-политические процессы, причем эта тенденция наблюдается в большинстве регионов мира, будь то постсоветское пространство, страны Ближнего Востока или государства-члены Европейского Союза. Во многих странах, к сожалению, уже столкнулись с вызовом религиозного экстремизма, который всего несколько десятилетий назад казался достоянием Средневековья. Поэтому в рамках конференции обоснованно были вынесены на обсуждение такие вопросы как формы проявления религиозного радикализма на Ближнем Востоке и других регионах мира, религиозный экстремизм в России и странах СНГ, опыт противодействия и профилактики религиозного экстремизма. Внимание было уделено и таким вопросам, как феномен глобализации радикальных движений на мусульманском Востоке и его влияние на другие регионы мира, в том числе, в политическом, богословском и социально-психологическом аспектах. Важное место в дискуссии заняли вопросы противодействия и меры профилактики распространению

идеологии экстремистских движений в современных условиях, был рассмотрен практический опыт в этом направлении различных регионов Российской Федерации.

Вышеперечисленные аспекты исследуемой проблемы вынесены на страницы представленной монографии. Монография включает в себя пять разделов с главами как теоретического, так и прикладного характера. В частности, в них рассмотрены вопросы роли ислама в современном мире, специфики исследования проблем религиозного экстремизма, особенностей джихадизма как формы религиозного экстремизма, геополитические аспекты его распространения, а также методики и инструменты профилактики и противодействия религиозному экстремизму.

Авторами монографии стали сотрудники Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан и ведущие ученые-исламоведы из ряда регионов России (Республика Татарстан, Чеченская республика, Республика Дагестан, Севастополь, Ростовская область и др.), а также зарубежные коллеги.

Надеемся, что монография будет полезной широкому кругу исследователей проблем экстремизма в современном мире. Важно подчеркнуть, что она не претендует на полное и всестороннее раскрытие всех аспектов феномена религиозного экстремизма, а лишь пытается выделить и рассмотреть некоторые ключевые темы. Мы ожидаем продолжения научной дискуссии по представленным в монографии проблемам.

От редакторов

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ИСЛАМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

И.С. Мавляутдинов, Х. Озтюрк

Процессы глобализации, усиливающие взаимопроникновение различных культур, заставляют ученых, политиков, общественных и религиозных деятелей искать компромиссы, направленные на смягчение противоречий между исламской и другими цивилизациями. Общей целью этих поисков является стимулирование диалога и взаимного изучения, межцивилизационного взаимопонимания. Создание концепций, отражающих и усиливающих тенденции сближения, использование теоретических основ, которые позволят определить единый язык межцивилизационного диалога, представляется не просто важным и актуальным, а жизненно необходимым.

Исламский мир следует понимать не только как сообщество стран, в которых распространен ислам, но и как нелокализованный, наднациональный социально-культурный и религиозно-политический феномен. Этот мир объединяет людей, осознающих свою принадлежность к единой историко-духовной общности при всем различии в культуре, менталитете, национальных и региональных традициях. Умма – это не только локальная община мусульман, а глобальная общность, сотни миллионов людей, образ жизни которых пронизан исламом, его ценностями, нормами и установками.

Ислам ориентирован на мир как данность, представляя собой уникальную социальную философию повседневности. Спо-

собен ли ислам полноценно влиться в русло глобальных мировых тенденций? Для нас ответ однозначен – безусловно. Ислам – чрезвычайно рациональное учение, а глобализация, проникая в исламский мир, усиливает деградацию изживших себя политических систем. Деструктивный, на первый взгляд, характер воздействия глобализации на исламское общество при ближайшем рассмотрении является очищением ислама от накопившихся противоречий между ним, как социально-философской концепцией особого образа жизни мусульман, и реально сформировавшейся в силу разных причин социально-политической системой мусульманских стран. Основа этих противоречий состоит в том, что ислам реализует общинную идентичность в противоположность персональной или национальной идентичности современных мусульманских государств.

Большинство мусульман негативно воспринимает глобализацию еще и потому, что она несет с собой свой собственный пласт социальной философии, целый поток противоречивых, с позиций ислама, идей, претендующих на изменение массового сознания. По образному выражению Р. Коллинза¹, формируется социально-философская сеть, по отношению к которой ислам в настоящее время находится в оппозиции. Это противостояние возникает уже на уровне подходов к решению проблемы толерантности: чтобы быть толерантным к иной культуре, нужно понять её, наставляют идеологи глобализации – чтобы понять её, нужно быть толерантным, отвечает ислам. И тем не менее ответной реакцией ислама на усиливающуюся глобализацию стала его фундаменталистская политика, основанная на классической исламской доктрине. Именно исламский фундаментализм стал основным идеологическим противником Запада и НАТО после окончания холодной войны. Современный исламский фундаментализм реакционен постольку, поскольку является порождением целого комплекса причин: от тяжелого экономического положения и политических разногласий до роста населения и неудач попыток интеграции на национальной

¹ Коллинз Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Пер. с англ. И. С. Розова и Ю. Б. Вергейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.

основе. Главные идеи исламского фундаментализма такие же естественные, как и идеи глобализации и в целом совпадают с её основными принципами, именно поэтому исламский фундаментализм стал в мусульманских странах альтернативой и политическим ответом ислама вызовам глобализации. Следует отметить, что ислам изучается преимущественно историками и религиоведами и в меньшей степени философами. В связи с этим преобладают исторические либо доктринальные трактовки ислама как явления, ограниченного духовной сферой человека.

Важнейшей чертой современного мирового социального процесса является глобализация как особый вид интернационализации, обусловленный взаимопроникновением потоков информации и ресурсов. Этот естественный процесс западные страны и особенно США пытаются использовать в виде политики, направленной на установление как идеологического, так и экономического контроля над остальным миром. Объявляя либерально-демократические ценности общечеловеческими, Запад проводит последовательную политику унификации культуры и цивилизации под стандарты западной модели либерализма и установления однополюсного мира во главе с США.

В то же время наметилась и очевидная тенденция к построению многополюсного мира. Исламский мир претендует на место одного из таких полюсов, противостоящих западной модели глобализации. Исламский мир не противостоит естественным процессам глобализации, эти процессы не противоречат общему вектору развития исламской цивилизации. Ислам болезненно реагирует именно на попытки навязывания чуждой ему идеологии, противостоя западной либеральной модели глобализации.

Чтобы понять всю глубину процессов, происходящих в современном исламском мире, необходимо ознакомиться с социальным учением ислама, его пониманием человека, семьи, общества, представлением о взаимоотношении полов. Необходим объективный социально-философский анализ таких феноменов исламского общества, как фикх и шариат, рациональность и толерантность, семья и отношение к женщине, целью которого

является снижение невежества в отношении ислама и разрушение стереотипов, формирующих превратное представление об исламе в целом.

Процесс нормализации межконфессионального, культурного и политического диалога между исламом и другими цивилизациями требует активности всех сторон, и современный мир остро в этом нуждается. Особенно актуален такой диалог на фоне проблемы определения роли, места и отношения ислама к таким тенденциям, как секуляризм, постмодернизм, деление мира на традиционные и технологические общества, миграция и связанная с ней адаптация к новым условиям жизни. Специальные исследования, анализирующие исламский взгляд на социально-философские проблемы: межцивилизационные отношения, сущность и предназначение человека, женский вопрос и взаимоотношения полов, место и роль семьи в обществе – стали проводиться в мусульманских странах и на Западе начиная с конца XIX века. Однако комплексных работ, охватывающих весь круг социально-философских проблем, рассматриваемых с точки зрения ислама, крайне недостаточно. Здесь следует оговориться, что в науке доминируют две основные точки зрения на ислам и его социальную доктрину. Согласно первому подходу, ислам – это одна из религий, возникшая на определенном этапе развития человечества в силу определенных экономических и политических причин; согласно другой точке зрения, которая отстаивается авторами-мусульманами (и, нужно отметить, что тут их мнения совпадают вне зависимости от направлений: реформаторы, сторонники возрождения, традиционалисты), ислам – это совсем не новая религия, а возвращение к профетической традиции строгого монотеизма, в свое время исповедуемая всеми пророками.

В силу различных причин европейские ученые долгое время не признавали высокую степень развития философии среди российских мусульман, представленных, в частности, татарами и башкирами. Содержание их философии не стало предметом тщательного изучения, как, например, философия мусульманских мыслителей Ближнего Востока. Считалось, что россий-

ские мусульмане разрабатывают исключительно теологические вопросы и проблематику.

Следует особо отметить тот небольшой, но яркий период расцвета татарской социальной философии, основанной на принципе рационального осмыслиения всех сторон человеческой деятельности, включая ислам. Именно тогда, на рубеже XIX-XX веков выдающимися татарскими реформаторами были сформулированы основные идеологические положения адаптации мусульманского мировидения к европейской социокультурной реальности. Ключ к решению многих социокультурных проблем эти мыслители (Р.Фахретдинов, А.Х.Максуди, М.Бигиев, З.Камали, З.Кадыйри и др.) видели в гармоничном развитии человека и общества. Их идеи представляют собой вполне удачную попытку оптимального осмыслиения природы человека в единстве его различных статусов: и как существа мыслящего, иррационального, и как социально интегрированного субъекта исторического процесса, и как биологического организма со своими необходимыми функциями и потребностями.

Это направление татарской философской мысли стало кульминацией всей татарской социальной философии в целом и было обусловлено прежде всего процессами перехода татарского общества на путь развития капитализма. Эволюция мысли сопровождалась серьезным идеологическим противостоянием традиционалистов – сторонников привычного уклада, и тех, кто считал, что татарскому обществу необходимо динамично развиваться. По сути, речь шла о переосмыслинии заложенных в исламе взглядов на проблему человека и его роль в социуме. Мы выделим их основную социально-философскую концепцию.

Рассуждая традиционными для ислама категориями, татарские реформаторы, которые имели религиозное образование, были хорошо знакомы с содержанием учений о человеке, разработанных в рамках трех направлений арабо-мусульманской философии – калама, перипатетизма и суфизма. Располагаясь в европейском и русском культурном окружении, они начали активно перенимать их элементы, а также принимать во вни-

мание идеи и открытия бурно развивающейся науки, техники и философии позитивизма.

Концепции татарских джадидистов представляли собой синтез переосмысленных положений, изложенных в Коране и Сунне, арабо-мусульманской философии, европейской и русской культуре, при этом они настаивали на необходимости сохранения мусульманских духовных ценностей для современников в качестве фундамента динамичного развития человека и социума. Поэтому, несмотря на то, что татарское общество испытывало влияние западной культуры, эволюция его мировоззренческих представлений осуществлялась в категориях мусульманских традиций. Новые идеи или научные открытия принимались джадидистами через поиск наиболее близкого им соответствия, либо прямого подтверждения в собственном культурном наследии различных исламских источниках, Коране и Сунне. Такой подход позволял гармонично и безболезненно вплетать все новое в традиционное мусульманское мировоззрение, а татарские реформаторы убедительно продемонстрировали гибкость ислама и его рациональность.

Характеристике процессов глобализации как естественного социального явления, обострившись в настоящее время межнациональным и межконфессиональным противоречиям посвящены исследования А. Тойнби, О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, С. Хантингтона, З. Бжезинского, Дж. Сороса, И. Валлерстайна, Г.П. Мартина, Х. Шуманна, Ж. Кипеля, А.И. Уткина, М.Г. Делягина, Ф.Д. Бобкова, З.И. Левина, А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко, И.П. Добаева и других.

По мнению А.С. Панарина, мировой порядок – это не столько имманентная структура, сколько результат внешнего контроля со стороны крупных государств – организаторов единого глобального пространства. Глобализация – это не столько продукт либерально-демократического комплекса, связанного с идеологией свободы, равенства, братства, терпимости и консенсуса, сколько наследие старой римской идеи контролируемого пространства².

² Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М., 1995. С.21-22.

Движение информационных и финансовых потоков, капитала, миграция людей и их социальная мобильность, массовая культура и развитие науки влекут за собой интенсивную интернационализацию общественной жизни, выходящую за пределы национальных границ и требуя растущей экономической, социальной и политической интеграции. По существу, дискуссия по проблемам глобализации в настоящее время переходит в практическую плоскость поиска адекватных линий поведения в условиях глобализации. При всех своих издержках глобализация может принести исламским странам несомненную выгоду, но в выигрыше при этом будут только те из них, которые смогут сформировать адекватную стратегию взаимодействия с другими субъектами глобализации.

В своей начальной реализации глобализация представляет собой процессы глобальной экономической, политической и культурной стандартизации отдельных обществ по западным образцам. Наиболее ярко эти процессы выражены в виде торговой либерализации, активизации роли капиталистического сектора и институтов гражданского общества.

Прозападная политика глобализации вызывает резко отрицательную реакцию мусульман именно по этой причине, поскольку в исламе нет разделения религиозного и мирского, и любое идеологическое давление, навязывание иных ценностей расценивается как покушение на саму религию. Усилившееся в последнее время давление Запада провоцирует появление радикальных организаций, выступающих от имени ислама. Однако нужно особо подчеркнуть, что нельзя отождествлять ислам и реакцию определенных политических сил в исламском мире, использующих недовольство мусульман. Запад умело использует внутренние противоречия исламского мира в своих целях, захватывая контроль за стратегически важными источниками полезных ископаемых, а экономика мусульманских стран оказывается полностью зависима от западного потребителя. Ислам на Западе в основном воспринимается как абсолютный проти-

вовес любой рациональной программе развития, как надстройка к «азиатскому способу производства»³.

В исламском мире идентичность человека, как правило, формируют религия, традиции, семья, история, община. Имея отличную от навязываемых неолиберальной модернизацией и гегемонистскими устремлениями США систему ценностей и мировоззрений, ислам воспринимается как препятствие для установления нового миропорядка, стремящегося утвердить культ потребления, основанный на воспроизводстве продуктов западной по своей природе массовой культуры.

Фрэнсис Фукуяма, один из известных американских политологов, провозгласивший полное торжество западных либерально-демократических ценностей, признает, что «базовый конфликт, перед которым мы стоим, гораздо шире и затрагивает не только небольшие группы террористов, но и всю общность радикальных исламистов и мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие политические ценности»⁴.

Кроме того, на Западе опасаются, что политическая доктрина ислама станет в нынешних условиях локомотивом идеи «мировой революции», прида на смену «мировой коммунистической революции» IV Интернационала и маоизма. Ряд политологов считает, что особенность ислама в этом смысле состоит в отсутствии у него единого центра цивилизации, с которым можно было бы заключать некие договоренности. Это делает ислам идеальным инструментом для радикального преобразования мирового порядка, как и отсутствие в умме клерикального духовенства, церкви, иерархической системы, которую можно было бы использовать в политических целях.

Зона распространения ислама оказалась в центре глобальных геополитических противоречий еще и потому, что обладает огромным и нереализованным экономическим и сырьевым потенциалом. Все более или менее значимые участники мировой политики стремятся заполучить контроль над запасами

³ Кудряшова И. А. Ислам и глобализирующийся мир / Материалы международной конференции «Ислам – религия мира». М., 2005. С. 20–25.

⁴ Фукуяма Фрэнсис. Началась ли история опять? URL: <http://old.russ.ru/politics/20021112-fuku.html> (дата обращения: 12.01.2012)

углеводородного сырья. К тому же ислам противопоставляет-
ся всей глобальной экономической системе, так как отрицает
экономику, построенную на ссудном проценте и финансовых
спекуляциях.

Исламский мир пугает Запад также высоким уровнем пас-
сионарности с одновременным ростом числа мусульманского
населения в мире, прежде всего за счет высокой рождаемости.
К тому же после окончания холодной войны Западу необходим
был образ geopolитического врага, для борьбы с которым мож-
но было бы мобилизовать ресурсы для защиты собственных ин-
тересов. Этим врагом был объявлен ислам.⁵

Однако глобализация порождает и позитивные перемены.
На лидирующие позиции в умме выходят мусульманские диа-
споры стран Запада, которые развились именно благодаря про-
цессам глобализации. Их представители высокообразованные
активные мусульмане, знакомые с реалиями жизни Запада и
способные критически осмыслить с позиций ислама наследие
западной культуры и философии имеют все шансы сформули-
ровать адекватный ответ ислама на современные вызовы. Со-
знание этих «новых улемов» характеризуется глобальностью и
неприятием традиционалистских форм исповедания религии,
критическим осмыслением как мусульманского, так и западно-
го наследия⁶.

В результате процессов глобализации активизируется ин-
теграция мусульманского мира на новых принципах, снижа-
ется изолированность и усиливается влияние российской мусульманской общины в исламском мире, идет формирование у
мусульман транснационального политического самосознания.
Глобализация ведет мусульманские страны к модернизации
и интеграции в мировое сообщество, научно-техническому
развитию и культурному обогащению, инициирует развитие
диалога с внешним миром. Во многих частях мусульманского
мира уже сегодня происходит интеллектуальная исламская ре-

⁵ Султанов Ш.З. Запад против ислама. В мусульманских странах гомосексуалистов сжигали на огне! // Газета «Завтра». 23 ноября 2005. № 47 (627). С. 4.

⁶ Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремле-
ния / Под ред. Бухари Захида, Нянга Сулеймана, Ахмада Мумтаза, Эспозито Джона.
М., 2005. С. 94–135.

воляция, осуществляемая отнюдь не террористами, а духовными и культурными деятелями, общественными активистами и проповедниками⁷. Исламские экономические институты, банки и предприятия начали выработку механизмов включения в мировую экономику. В свою очередь, в исламский банкинг активно включаются мировые финансовые структуры, и запрет процентного кредитования уже перестает быть для них препятствием. Однако в массовом сознании мусульман глобализация воспринимается все-таки крайне негативно, а Запад представляется главным препятствием на пути к возрождению мусульманской цивилизации. Многие исламские общественные и политические деятели убеждены, что США в своей политике по отношению к мусульманам руководствуются концепцией С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций»⁸. Основная проблема диалога цивилизаций, по их мнению, заключается в том, что исламская политическая модель, опиравшаяся на веру, противостоит на ценностном уровне неолиберальной модели, провозглашающей приоритетом способность зарабатывать.

Глобальная культура не существует как данность и обоснованное явление, в лучшем случае можно говорить лишь о симбиозе общностей локальных и региональных культур. Многие исследователи, например Т.П. Волков⁹, приходят к заключению, что вряд ли в обозримом будущем можно ожидать становления глобальной культуры как таковой и тем более глобальной культуры, основанной на механизмах американизации и капитализма, которые уже сейчас находятся в глубоком онтологическом, кризисе. Несостоятельность и противоречивость капиталистической системы являются причиной выдвижения новых глобальных проектов, самым перспективным из которых является ислам.

⁷ Зыгарь М. А. Взаимодействие и взаимовлияние западных и арабских СМИ / Материалы международной конференции «Ислам – религия мира». М., 2005. С. 25–29.

⁸ Аль-Бенджами Мунир Ибрагим. Необходим диалог двух цивилизаций // Независимая газета. № 208 (2518). 6 ноября 2001. С. 6.

⁹ Волков Т.П. Социально-философские аспекты современной глобализации и проблема трансформации культуры // Автореферат диссерт. на соискание уч. степени канд. философ. наук. М., 2010. 27 с.

Потребительская культура, навязываемая современной глобализацией и лишенная какого-либо духовного наполнения, диссонирует с культурой в традиционном смысле. Проникновение консюмеризма во все сферы жизни социума крайне отрицательно оказывается на них. Влияние потребительской культуры должно быть ограничено разумными действиями со стороны членов общества, и именно такое ограничение предлагает ислам¹⁰.

Ислам сегодня выражает надежды и чаяния самых широких общественных слоев мусульман, поэтому неизбежно появляются и крайне радикальные формы реакции. Феноменом экстремизма очень умело пользуются в политических целях, объявляя его процессом адаптации исламского мира к глобализации, бунтом варваров против прогресса, хотя международный терроризм как явление инициирован реалиями современной международной расстановки сил и служит инструментом политики и средством разрешения внутри – и межэлитных противоречий в различных странах. В сознании западного обывателя складывается настолько негативный образ мусульман, что даже сами идеологи глобализации предупреждают о возможном выходе ситуации из под контроля. В частности, известный американский политолог З. Бжезинский отмечает, что в сознании обычных американцев ислам, арабы и терроризм уже неотделимы друг от друга и это угрожает глобальной безопасности¹¹. Исламский мир не отрицает глобализацию как таковую, он выдвигает свой проект глобализации, свою альтернативную модель цивилизации, требующую от Запада кардинальных изменений. Механизм встраивания исламского мира в формирующийся миropорядок однозначно потребует широкий диалог, компромисс и уступки с обеих сторон.

Обобщая варианты развития событий, можно свести их к следующим формам контактов исламского мира и глобализации:

¹⁰ Ransome P. Work, Consumption and Culture: Affluence and Social Change in the Twenty-first Century. Sage Publications, London, 2005. 213 р.

¹¹ Бжезинский. З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 71.

- 1) Силовое навязывание исламскому миру западных либеральных стандартов.
- 2) Постепенное и относительно мягкое поглощение исламского мира во вновь формируемую международную систему через воспитание и заигрывание с элитами, воздействие в культурной и экономической сферах.
- 3) Конвергенция как взаимопроникновение и взаимная трансформация исламского мира и современных глобализационных процессов.

4) Коррекция курса глобализации в интересах ислама¹².

По мнению З. Бжезинского, ислам и демократия не являются абсолютно несовместимыми, но, тем не менее, задача «поглощения» исламского мира будет чрезвычайно сложной и сопряженной с локальным применением силового варианта.

По нашему мнению, произойдет конвергенция исламского мира и Запада, которая в процессе реализации будет принимать разные формы, в том числе и формы силового противостояния. Только через драматическую взаимную адаптацию будут формироваться новые общие представления о совместном развитии и о таком миропорядке, в котором будет происходить взаимообогащение сторон. Противостояние перейдет в конвергенцию тогда и только тогда, когда будут учтены социально-философские проблемы и Запада, и исламского мира. Этот конфликтный диалог, при ведении которого исламский мир будет авангардом всех мировых сил, выступающих за изменение существующей модели глобализации, может стать самым весомым вкладом мусульман в развитие человеческой цивилизации.

В ответах исламского мира на глобализацию формируются две характерные тенденции: традиционалисты требуют рассматривать местные традиции выше глобальных, а реформаторы отстаивают либеральный религиозный ответ, отличающийся гибкостью и толерантностью. Эти тенденции структурируют различные стороны современного исламского дискурса при

¹² Мухаметов Р. XXI век: конвергенция или война с Западом? // Проблемы современной экономики. № 3(15). 2005. С. 8-12.

обсуждении проблем глобализации в мусульманском мире¹³. Таким образом, глобализация имеет парадоксальный и противоречивый характер, основным неожиданным эффектом которого явилась пробуждение модернизация уммы на основе социальной философии ислама, развивающейся в новое глобальное политическое самосознание, ментальность и идентичность мусульман. Причина преобладания в различных мусульманских сообществах того или иного понимания ислама кроется не в слабости религиозной традиции, да и вовсе не в исламе, а в интересах и нуждах людей, его исповедующих, для которых ислам становится надежным и единственным возможным ответом на вызовы времени.

НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ XXI ВЕКА ПО МИНИМИЗАЦИИ КОНФЛИКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Г.Г. Файзуллин, А.А. Гафиятова, И.И. Мухаметгалиев

Международное право было организовано для улучшения, сохранения, соблюдения прав, как государства в целом, так и отдельного индивида. Многочисленные попытки прийти к общему диалогу приводят к двум вариантам последствий: беспокойство и идея разрешения различных конфликтов приняты во внимание или игнорированы сторонами.

Поддержание всеобщего мира и сохранение международного порядка для всех субъектов правоотношений в данной сфере должно стать приоритетной. В этом контексте неукоснительное соблюдение международных договоров минимизирует потенциальные конфликты между договаривающимися сторонами и способствует устойчивому развитию современного социума.

¹³ Вагабов Н.М. Ислам и глобализация современного мира: Социально-философский анализ процессов адаптации и эволюции мусульманских религиозно-правовых доктрин // Диссертация доктора философских наук. Махачкала, 2005. 433 с.

В Уставе ООН констатируется: «Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов»¹⁴.

Общеизвестно, основной целью создания ООН по инициативе лидеров антигитлеровской коалиции трех государств – союзников (СССР, США и Великобритания) после Второй мировой войны было предотвращение третьей мировой войны, что нашло свое закрепление в первой преамбуле Устава ООН: «Мы, народы Объединённых Наций, в полной решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, стремимся вновь утвердить веру в основные права и свободы человека»¹⁵. Из этого следует, что основной задачей ООН, в состав которого на данный момент входит 193 государства, является разрешение международных споров исключительно мирными средствами.

В преамбуле Всеобщей Декларации прав человека говорится: «Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией»¹⁶.

Согласно международному праву все люди имеют право жить в стабильности. Решение прийти к внешнему и внутрен-

¹⁴ п. 4 ст. 1 Устава ООН

¹⁵ Преамбула Устава ООН

¹⁶ Преамбула Всеобщей Декларации прав человека

нему контролю над происходящими конфликтными ситуациями является действием, который заслуживает уважения. В современном обществе никто не может отдельно существовать. Страны, которые создают условия для диалога между разными народами и культурами, активно участвуют в мировой интеграции.

Многообразие идей и взглядов приносит плоды только тогда, когда работает на компромиссной основе. Разнообразие культур, обычаев, взглядов должны дополнять друг друга, а не уничтожать посредством насилия и власти. К сожалению, в сознании многих людей современного мира есть нерешенные вопросы, которые вынуждают применять давление по отношению к другим и осуждать их действия. Как известно, для того чтобы создать мирные условия существования, необходимо придерживаться общепринятых принципов поведения и соблюдать правила в рамках международного права. Во многом по указанным выше причинам появляются новые видения мира в глазах большинства населения, неправильные стереотипы и предрасудки по отношению к определенным этническим, конфессиональным и социальным группам.

Главной целью участвующих сторон при соглашении мира следует считать: «Прийти к взаимопониманию и к оптимальному решению конфликта, без разрушающих последствий и скрытых влиятельных процессов». В достижении данной цели могут помочь переговоры по урегулированию ситуаций происходящих во всем мире. И сегодня мы можем наблюдать, несмотря на определенные проблемы именно ООН стал тем глобальным организационно-правовым механизмом, благодаря деятельности которой более 70 лет в мире не допущена третья мировая война.

Как показывает прошедшее двадцатилетие, не в полном объеме удалось достичь синхронного взаимодействия по обеспечению соблюдения указанных принципов всеми странами, входящими в ООН. По мнению исследователей, из-за эгоистического отношения отдельных сверхдержав в мире были созданы более благоприятные условия для экономического развития богатых держав за счет использования природных ресурсов и зависи-

мого положения отстающих стран. Это привело к нарастанию дисбаланса в мироустройстве - небывалой поляризации богатства и бедности, обострению этнических конфликтов, усилению экологического кризиса, подрыву системы социальной защиты, разрушению традиционных укладов хозяйствования в ряде стран неевропейской цивилизации. Поэтому при всей объективной неотвратимости она неизбежно привела к подрыву устойчивого развития. В связи с тем, что постсоветская Россия по объективным причинам, вызванных переходным этапом национальной экономики, и допущенных немалых просчетов в первом десятилетии преобразований экономической и политической системы страны, медленно интегрируется в мировое хозяйство. С вступлением России в ЕС, ВТО и иные международные сообщества становится очевидным необходимость формировать процессы модернизации во всех сферах жизнедеятельности нашего общества.

Вслед за мэтром экономической науки академиком Л.И. Абалкиным, известный специалист в области математического моделирования сложных систем, директор Института Океанологии РАН, лауреат Государственной премии, академик Р.И. Нигматуллин писал, что «России вполне под силу войти в мировое хозяйство конкурентоспособной и стать в будущем социальным государством». Это произойдет тогда, когда она сумеет направлять свои усилия для достижения «сбалансированности экономики и, в первую очередь, баланса цен и затрат, баланса фонда оплаты труда» и стоимости товаров потребления в валовом продукте. При этом автор полагает, что один из важнейших факторов роста экономики – повышение доли валового продукта на оплату труда за счет некоторого сокращения больших доходов богатых. Нам надо менять многое в нашей внутренней политике, из-за которой больше половины населения живет материально и духовно очень тяжело, а каждый четвертый бедствует. И это, когда 5 % роскошествует, тратя огромные ресурсы страны. Мы обязаны выпрямить курс России на благо ее народа и прогресса¹⁷», – писал ученый еще восемь лет тому

¹⁷ «Трансформация национальной экономики постсоветской России в мировое хозяйство: правовой аспект» // Евразийская адвокатура № 4 2013 с.90-95

назад. Чрезвычайно важно следовать одной из главнейших задач экономической политики России - создание конкурентоспособной экономики, что обусловлено необходимостью перехода от постсоветской модернизации экономических процессов к инновационному развитию. На это направлено усилия политического руководства Российской Федерации.

Сегодня можно услышать разного рода трактовок отдельных журналистов и политиков, страдающих правовым нигилизмом. К сожалению, они в средствах массовой информации применяют порой некорректные термины, не способствующих консолидации современных цивилизаций. На наш взгляд, совершенно не является применимым в лексиконе у ответственных политиков такого правового термина как «исламское государство», поскольку такого субъекта признанного как субъекта международного права в статусе члена ООН нет. Если мы начнем называть любую террористическую группу, куда входят люди, не признающие государства и право, причем возвеличивая их «исламским», «православным» или «иудейским» значит, мы не имеем правовую культуру, тем самым становимся по ни воле провоцирующей потенциальный конфликт между мировыми религиями. Это в свою очередь приводит к распространению невежественных идей. К сожалению, за последние десятилетия благодаря пропаганде мировых СМИ, многие стали убеждены, что террор и насилие являются «богоугодными» в исламе. Кроме того, появились целые слои населения, которое считает, что путем насилия и террора можно обрести счастливую жизнь после смерти. Они не желают учиться, трудиться, созидать и преодолевать трудности, а хотят сразу получить все: убедительную идеологию «праведного» насилия, оружие с лицензией на убийство и свободный доступ к чужому имуществу и противоположному полу. Это не просто криминальная идеология со своими понятиями, а намного более опасное оружие замедленного действия, способное привести к конфликту цивилизаций.

В психологии, когда отдельному индивиду необходимо помочь с его внутренними психологическими проблемами, опытный специалист, в первую очередь помогает обрести душевное

равновесие специально подобранными терминами. Специфическими словами можно повлиять на общее понимание, воображение, мысли человека. Как говорится в любых источниках, термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии.

Президент РФ В. В. Путин в своей речи, который он произнес на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркнул важность слов и их значение в международном праве: «Нельзя играть и манипулировать словами. В международном праве, в международных делах каждый термин должен быть понятен, прозрачен, должен иметь единообразно понимаемые критерии»¹⁸.

Законы должны быть написаны, соблюдая все нормы и правила, потому что любого рода ошибки и неясности могут привести к неправильному пониманию и толкованию. Для этого тщательно разрабатывается текст, путем осмысливания каждого составляющего, для наиболее полной передачи правильного смысла текста.

В Коране говорится про смуту, которая может порождаться в обществе «Он (Всевышний) низвел тебе Книгу [Священный Коран], в которой есть аяты (строки) ясные и понятные, они составляют основу Книги, а есть неясные (непонятные). Те, в чьих сердцах болезнь (отклонение) [удаленность от золотой середины], следуют за тем, что неясно (сложно, сомнительно) [при этом стараясь дать свою личную трактовку]. Их цель – посеять смуту и истолковать в свою пользу. А полный и истинный смысл этого [этой немногочисленной части аятов] известен лишь Творцу. Люди знающие (ученые мужи, сведущие в науке) говорят: «Мы уверовали в это [нет смысла в полемике, спорах и изощренных толкованиях на этот счет], все [весь Священный Коран от первой буквы и до последней] от нашего Господа». Внемлют этому лишь рассудительные люди¹⁹ (Сура 3, аят 7).

¹⁸ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 30.04.2016)

¹⁹ Аляутдинов Ш.Р. Перевод смыслов Священного Корана – Диля, 2012, с. 306

Безусловно, необходимо осторожно относится к тому, что говорят, и как преподносят информацию. Анализ и рассудительные выводы могут привести к верному истолкованию любого потока сообщений, которые в свою очередь могут послужить эффективным средством в развитии общественного мнения. Но есть и специально навязанные средствами массовой информации, такие понятия как «исламский терроризм» и «исламское государство». Несколько лет назад об этих терминах никто возможно и не слышал, а сегодня об этом не просто говорят, а утверждают на уровне многих мировых СМИ, хотя на самом деле нет никакой правовой и законной основы поступать таким образом.

Роль мусульманских богословов в борьбе против данной проблемы довольно велика. Но, следует отметить, что влиятельные СМИ заглушают их голос, несмотря на то, что они уже давно говорят о несоответствии всего этого мусульманским канонам и ценностям. Крупным СМИ намного выгоднее показывать вещи в таком свете, в котором им навязывают более крупные игроки политической системы мира. Чтобы держать свой рейтинг на высоком уровне и получать прибыль за счет заказных новостей, они «вынуждены» заниматься подобными вещами.

Экстремисты – это малая часть всего мусульманского мира. И будет несправедливо, если по их поступкам и неблагородным действиям остальные будут судить о религии, впоследствии чего ее истинная ценность будет искажена. Такое нельзя допустить ни в коем случае. Нужно вести оздоровительную пропаганду реальных исламских ценностей, чтобы обезопасить других людей от вируса псевдоисламского терроризма. Для этого в обществе, в СМИ больше необходимо говорить о том, что религия ислам против насилия и экстремизма и что на самом деле в основе своем ислам несет любовь, терпимость и уважение к другим конфессиям и национальностям.

ООН сегодня призывает всех людей объединиться против цивилизационного конфликта. На 70-ой Генеральной ассамблее ООН выступили лидеры мировых государств, с призы-

вами о толерантности, терпимости по отношению друг другу. Стоит особо отметить речь Короля Иордании Абдаллы II, который предложил семь шагов для эффективной борьбы с современным терроризмом. Под этими шагами он подразумевает такие действия, как:

- 1) возврат к общему духу и сущности между религиями;
- 2) изменение языка религиозной проповеди, освободив ее от насилия, страха и гнева;
- 3) укрепление принципов и ценностей исламской религии в повседневной жизни;
- 4) возвеличивание голоса умеренности;
- 5) раскрытие обмана и фальши, связанного с террором;
- 6) принятие ясной и открытой позиции против экстремизма, какого бы вида и формы он не был;
- 7) объединение всего человечества вокруг одной проблемы.

Данные шаги являются наиболее практическими и эффективными на сегодняшний день в борьбе с экстремизмом. По мнению короля Иордании, все эти современные конфликты можно назвать Третьей мировой войной, которая требует от нас коллективных действий. Он считает, что «главная война идет в наших душах и умах, и в этой войне мы должны объединиться». «Исламистские экстремисты – это капля яда в колодце мусульманского мира. Мы обязаны вести борьбу с теми, кто искажает ислам. Мы должны нетерпимо относиться к нетерпимости и тем, кто ее насаждает»²⁰, – подчеркнул Абдалла II в своем выступлении.

Эти тезисы можно взять как основу при решении конфликтов глобального масштаба в современном мире. Король правильно подметил, что главная война должна идти в наших душах и умах. Пока мы смотрим на все это нейтрально или безразлично, то ситуация будет только ухудшаться. Мы просто обязаны нетерпимо относиться к нетерпимости и тем, кто ее насаждает. В данном случае, ни о какой толерантности и терпимости по от-

²⁰ Семь шагов короля Иордании для борьбы с террористической угрозой – URL: <http://muslimpolitic.ru/2015/09/sem-shagov-korolya-iordanii-dlya-borby-s-terroristicheskoy-ugrozoj/> (дата обращения: 28.04.2016)

ношению к тем, которые обращаются несправедливо к другим, и ущемляют их права, не должно быть и речи.

Одним из последствий халатности отношений к международному праву является развитие военных действий внутри страны, что мы часто можем наблюдать в современном мире. Основной причиной возникновения таких конфликтов является притеснение и нарушение прав определенных социальных групп по их национальной, конфессиональной или расовой принадлежности, что приводит к ответной реакции и агрессии. Чтобы избежать таких конфликтных ситуаций, следует учитывать права и интересы не только большинства населения, но и национальных, конфессиональных меньшинств общества.

Международное право основывается, прежде всего, на соблюдении международных правовых норм на государственном уровне, поскольку чтобы эти нормы нормально функционировали в международном масштабе, необходимо чтобы они в полной мере реализовывались внутри каждого государства, которые являются субъектами международных правовых отношений. Внутри каждого государства должны быть созданы условия для нормального существования каждого индивида, чтобы человек чувствовал себя комфортно в пределах этого государства, чтобы у него не было страхов насчет соблюдения его прав, независимо от его национальной, конфессиональной и расовой принадлежности. В государстве на законодательном уровне должна регламентироваться идея свободы личности и личной неприкосновенности, что показывает необходимость свободы, как фундаментальной основы, для построения нормально функционирующего общества. В Конституции РФ в статье 19, закреплены эти права граждан РФ: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной,

языковой или религиозной принадлежности»²¹.

Чтобы в обществе был порядок, взаимопонимание и уважение прав друг друга, необходимо чтобы в сознании каждого человека были заложены истинные ценности толерантности и терпимости по отношению к другим людям. Чтобы изменить ситуацию в обществе в целом нужно для начала каждому из нас изменить свое отношение к этому миру. Преобразование внутреннего мира человека, его мировоззрения в лучшую сторону лежит в основе стремления преобразования общества, его стабильного и умеренного развития. В Священном Коране Всевышний сказал: «Воистину, Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя»²² (сура «Ра’д», 10-11 аяты). Поэтому любое изменение должно исходить не снаружи, а изнутри каждого отдельно взятого человека. Ведь не случайно правам отдельного человека отводятся специальные статьи в законах. Если нарушаются права одного члена общества, то это будет иметь свое влияние и к другим членам общества, поскольку мы взаимосвязаны между собой.

Каждый человек имеет право на свободу совести и на свободу вероисповедания. Ни у кого нет прав, чтобы запрещать или приуждать следовать какой либо религии. Сегодня довольно часто мы можем увидеть необоснованные нападки на религии мира со стороны людей, которые недостаточно осведомлены об этих религиях. Оскорбительные высказывания о любой религии всегда направлены не только на саму религию, но и на всех людей, которые придерживаются данной религии. Любая неаккуратно высказанная критика может очень сильно подействовать на чувства верующих людей, придерживающихся данной религии.

Роль международного права в данном случае сводится к устраниению и минимизации всякого рода радикальных идей и группировок, притесняющих права всего общества, в том числе и верующих людей. Чтобы жить в гармонии и согласии друг с другом, люди должны в первую очередь наработать у себя терпимость, дружелюбие и любовь по отношению к другим людям. Если каждый будет нетерпимо относиться к нетерпимо-

²¹ Конституция РФ, ч.2 ст. 19

²² Аляутдинов Ш.Р. Перевод смыслов Священного Корана – Диля, 2012, с. 524

сти и делать все от себя зависящее для предотвращения любого рода радикальных идей, то жизнь в этом мире станет намного легче и безопаснее.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ: ВЗГЛЯД МУСУЛЬМАНОК

Г.И. Галиева

В современных условиях глобализации происходят процессы миграции и усиливаются транскультурные контакты, в связи с чем обостряется проблема сохранения этнической и конфессиональной идентичности. Все эти процессы, в частности, способствуют и увеличению количества межэтнических и межконфессиональных браков.

Для обозначения смешанных браков ученые разных поколений используют многообразные понятия – «межнациональный брак»²³, «межэтнический брак»²⁴, «межконфессиональный брак»²⁵, «межкультуральные семьи», «национально-смешанные

²³ Дробижева Л.М. Сближение культур и межнациональные отношения в СССР// Советская этнография. 1977. №6. С.11-20; Тер – Акопян Н.Б. О национальном аспекте браков в Армянской ССР: по материалам загсов // Советская этнография. 1973. №4. С.89-95; Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик, 2006. С.352 с.; Шахбанова М.И. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социс. 2008. №11. С.72-76.

²⁴ Коростелев А.Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам 2006, 2007 и 2008 гг.) //Этнографическое обозрение. 2010. №6. С.78-93; Уалиева С., Эриен Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. №6. С.234-244; Худавердян В. Межэтническое взаимодействие в российской семье // Вестник МУ Сер. 18. Социология и политология. 2007. №3. С. 80-92; Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. №3. С.21-24.

²⁵ Касымова С.Р. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. №3. [электронный ресурс]. URL: <http://puma/article/n/rasshiryaya-granitsy-mezhetnicheskie-i-mezhkonfessionalnye-braki-v-postsovetskem-tadzhikistane-na-primegere-brakov-tadzhikskih#ixzz4RNXiS4c5> (дата обращения 28.10.2016)

семьи»²⁶, «бинациональные браки», «бикультуральные браки»²⁷, «интернациональные семьи»²⁸, «полиэтнические семьи», «разнонациональные семьи»²⁹ и т.д. Но самое распространенное из них, наверное, «смешанный брак».

В социологической энциклопедии смешанный брак интерпретируется, как брак между людьми разных национальностей, и разных рас. Однако в других источниках трактуется, как брак между представителями разных конфессий. Для более точной интерпретации в нашем исследовании будет использоваться термин «межконфессиональный брак», то есть брак между представителями разных конфессий (христиан, мусульман, иудеев, индусов).

Конфессиональная семья – самый настоящий маленький «храм». Во-первых, как и большой религиозный храм (церковь, мечеть, синагога и др.) она состоит из верующих людей. Только, помимо веры, они соединены еще и узами родства. Во-вторых, в верующей семье выполняются религиозные предписания, которые исполняются регулярно. В-третьих, как и в храмах члены семьи имеют ту же самую главную цель в своей жизни – поклонение Богу.

Семья является одной из важнейших институтов общества. Сегодня институт семьи и брака переживает не лучшие времена. За последние десятилетия ценность семьи значительно снизилась. Подобно тому, как современное российское общество преодолевает кризис не только экономический, но и кризис духовный, современная семья также оказывается в зависимости от

²⁶ Евстигнеев Ю.А. Национально-смешанные браки в Махачкале // Советская этнография. 1971. №4. С.80-85; Козенко А.В. О стандартизации методик изучения национально-смешанной брачности // Советская этнография. 1978. №1. С. 72-76; Бусыгин Е.П., Столярова Г. Р. Культурно-бытовые процессы в национально-смешанных семьях (по материалам исследований в сельских районах Татарской АССР) // Советская этнография. 1988. №3. С.27-36; Наумова О.Б. Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.) // Советская этнография. 1987. №6. С.91-100; Смирнова Я.С. Национально-смешанные браки у народов Карабаево-Черкесии // Советская этнография. 1967. №4. С.137-142; Сусоколов А.А. Национально-смешанные семьи и браки в СССР. М.: АНСССР. 1990. С.142.

²⁷ Андреева Т.В. Бикультуральные браки // Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. М.: АСТ. 2010. С. 192-228.

²⁸ Богачева И. Ощутить единство мира: [интернациональные семьи]. Культурный центр «Новое лицо» // Кабардино-Балкарская правда. 2012. 1 фев.

²⁹ Левкович В.П. Особенности супружеских взаимоотношений в разнонациональных семьях // Психологический журнал. 1990. № 2. С.25-35.

этих общественных процессов. Общеизвестно, наше общество не однородно, оно представлено различными этническими, конфессиональными и социальными группами, которые постоянно взаимодействуют между собой. В основе этих взаимоотношений находятся личные амбиции, экономические, политические интересы, а также этноконфессиональные различия.

Этнические и конфессиональные группы издавна стремились сохранить свою самобытность. В условиях глобализации, которая способствует возобновлению диалога между народами, сближению культур и сплочению человеческой цивилизации происходит аккультурация, в результате которых тяжело сохранить самобытность, традиции, обычай. Происходит утрата этнических и религиозных ценностей, что способствует с одной стороны к толерантному отношению к соседним этносам, конфессиям, с другой – к созданию межконфессиональных и межэтнических браков.

По самым приблизительным подсчетам, количество людей, рожденных в межэтнических браках уже к 1990 г. превышало миллиард человек. Это больше, чем численность любого современного народа на Земле³⁰. В России, в частности Республике Татарстан такие браки в 2010 году составляли 21-23% от количества всех ежегодно заключаемых союзов, а разводятся, такие пары в 2 раза реже, чем моноэтнические семьи³¹. В настоящее время наблюдается тенденция снижения количества регистрации межэтнических браков, так в 2015г. в республике зафиксировано 5544 межнациональных браков, что составило 18% от общего количества зарегистрированных семей³².

По мнению психолога, старшего научного сотрудника Института психологии РАН Ольги Маховской, межконфессиональные браки в России имеют немалый потенциал устойчивости, так как людей сближают не только элементы «общего

³⁰ Андреева Т.В. Бикультуральные браки // Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. М.: АСТ. 2010. С. 192

³¹ Межконфессиональные и межнациональные браки: взгляд Москвы и Казани // Благовест-инфо, Москва. 16.07.2010. [Электронный ресурс]. URL: muslem.ru/межконфессиональные-и-межнациональные/ (дата обращения: 27.10.2016)

³² Итоги работы Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан за 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_435733.pdf (дата обращения: 14.11.2016)

советского прошлого» (язык, образование и т.д.) но и «очень похожие семейные модели». Как для православной, так и для мусульманской модели характерен авторитет мужа в семье, правда, в первом случае чаще он «более формальный», тогда как во втором – скорее «реальный». У католиков же традиционной считается детоцентристская модель семьи, когда все внимание направлено на детей. А в протестантской модели все члены семьи равны и дети воспитываются как взрослые³³.

Что интересно, в отличие от других регионов, Татарстан является наиболее благополучным регионом для создания межэтнических и межконфессиональных браков, где достаточно спокойно воспринимают возможность межрелигиозного союза в исламе, правда со своими оговорками. Согласно исламу, молодые люди могут жениться на людях Писания, то есть верующих в Бога, на представительницах христианства или иудаизма: «Разрешено вам жениться на благочестивых (целомудренных, добродетельных) из числа мусульманок и благочестивых (целомудренных, добродетельных) из числа женщин людей Писания (христианок и иудейок)»³⁴. Что касается девушек-мусульманок, то они не имеют права выйти замуж ни за кого, кроме мусульманина. Анализ основных источников ислама позволяет сделать вывод о том, что аяты Корана запрещают браки между мусульманами и язычниками.

Создание межконфессиональных браков имеет много отрицательных и положительных сторон. С одной стороны – это брак, основанный на любви, страсти и кроме данных составляющих влюбленные никаких последствий не видят. С другой стороны, у данного брака в дальнейшем появляются много препятствий – мнения верующих родителей, которые настаивают на своем обряде бракосочетания (венчание или никах), вопросы выбора религиозной принадлежности своим детям (крещение по христианским обычаям или имянаречение, прочтение Азана

³³ Семенова А., Александрова А. Венец – делу начало // Новые известия от 12.02.2010 . [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/society/12-02-2010/121712-venec-delu-nachalo> (дата обращения: 10.11.2016)

³⁴ Коран 5:5

по мусульманским традициям), а также проведение других обрядов жизненного цикла и традиций, праздников своей религии.

Нами в 2016 году было проведено социологическое исследование среди мусульманок Республики Татарстан. В качестве респондентов были соблюдающие, практикующие религию ислам молодые девушки до 35 лет. На вопрос об отношении к межконфессиональным бракам были получены не однозначные ответы. Мнения мусульманок разделились на две противоположные группы.

Одни, несмотря на глубокую веру и свою конфессиональную принадлежность к исламу, относятся к таким бракам положительно и даже одобряют их, однако сами, скорее, в такой брак не вступили бы: «*Я знаю такие семьи, нормально*» (20 лет, узбечка, не замужем); «*Хорошо, если в семье есть взаимоуважение и взаимопонимание. Лично я знаю такую семью*». (28 лет, татарка, замужем); «*Себя замужем за представителем другой религии не представляю, но знаю много пар с разными религиями, которые вполне живут счастливо*» (25 лет, татарка, не замужем); «*Ислам уважает другие религии и относится к другим хорошо, благодаря этому хорошо живут*» (20 лет, таджичка, не замужем).

Человек вступая в брак с представителем другой религии, заранее готов ко многим предстоящим сложностям и склонен проявлять толерантность к непривычному. Кроме того, в этих случаях любовь могла пройти дополнительное испытание: решиться на семейный союз с человеком другой культуры, религии не всегда легко. Степень религиозности супругов влияет на устойчивость межконфессиональных семей: «*Если семья не соблюдающая, то хорошо уживаются. Если же соблюдающая, то тяжело, ведь каждый знает, как «правильно»*» (17 лет, татарка, не замужем); «*Только при условии, если человек не является сильно верующим*» (30 лет, татарка, замужем).

Среди положительных сторон межконфессиональных браков, можно отнести и достижение культурального баланса,

когда позитивные аспекты обеих культур соединяются в один новый, приемлемый для обеих супругов стиль жизни: «*Почитание обоих традиций*» (32 года, татарка, не замужем) «*Справляют праздники обоих религий*» (19 лет, татарка, не замужем).

Однако у некоторых респондентов возникают сомнения по этому поводу: «*Если они будут понимать друг друга и уважать другие религии, то жить будет им хорошо. Но в наше время мало толерантности*» (16 лет, таджичка, не замужем).

Культурное многообразие сегодня рассматривается как сохранение множества общечеловеческих культурных инициатив, их уникальности и неповторимости. Поэтому, те, кто решился на межконфессиональный союз, понимают, что невозможно пытаться доказывать, что одна религия лучше другой, что одни законы, правила и традиции являются более верными, чем другие. Они понимают и принимают свою «разность» и готовы на компромисс: «*Если они будут уважительно относиться друг к другу, к религии другого супруга, то жить будет им легче*» (21 год, метиска, не замужем); «*Когда муж – мусульманин, жена – христианка, или иудейка, при уважительном отношении друг к другу можно прожить*» (21 год, татарка, не замужем); «*Когда никто не вмешивается в дела другого*» (18 лет, узбечка, не замужем).

Единственное, чего они не учитывают, это величина компромисса и сколько придется вложить до нахождения удовлетворяющего обеих супругов равновесия: «*Это очень сложно, кому-то надо будет все время уступать, либо отказаться от своей религии*» (32 года, татарка, замужем).

Другая наибольшая часть респондентов, напротив, приводя множество аргументов, отзываются о таких браках негативно: «*Плохо, в семье должна исповедоваться одна религия*» (17 лет, татарка, замужем); «*Думаю, что очень плохо. Сложно найти женщину другой религии, которая бы исповедовала 100% и воспитывала детей в мусульманской религии отца*» (21 год, мать украинка, отец кряшен, замужем); «*Нет, только ислам без многобожия. Единобожие*» (34 года, татарка, разведена).

Первые проблемы возникают в межэтнических семьях уже на начальных стадиях коммуникации. Так как модели и образцы поведения в разных религиях далеко не одинаковы, интерпретация того или иного поведения может быть не только недостаточно точной, но и противоположной представлениям другого супруга: *«Не думаю, что такое возможно. Из этого следует отсутствие взаимопонимания в семье»* (17 лет, татарка, не замужем); *«Такое невозможно: более сильная сторона всегда подавляет более слабую, хотя супруги могут это не осознавать»* (18 лет, узбечка, не замужем); *«Нет, одна из религий все равно доминирует»* (22 года, татарка, не замужем).

Среди негативных сторон мусульманки выделяли частые конфликты в межконфессиональных браках: *«Думаю, в такой семье всегда ведутся споры»* (20 лет, татарка, замужем); *«Каждый будет исповедовать свою религию и это будет причиной для ссор»* (21 год, татарка, не замужем).

В условиях глобализации и смешения культур, вследствие межконфессиональных браков возникает ряд проблем, например, с воспитанием детей в духе исламского вероучения и прививанием им исламского мировоззрения. Немаловажен и демографический фактор: браки мусульман с женщинами-немусульманками в определенной степени уменьшают шансы мусульманок найти супруга-единоверца, вынуждая их выйти замуж за немусульман, что канонически не дозволено³⁵.

Основная проблема при заключении брака – вопрос воспитания ребенка. Родительское воспитание вносит значительный вклад в формирование религиозных устоев и взглядов нового человека³⁶. Часто один из супругов если христианин, то стремится крестить ребенка, а если супруг – мусульманин, то хочет совершить религиозный обряд имянаречения, прочтения Азана. *«До рождения детей все нормально, но потом и в старости каждый остается при своей религии»* (21 год, татарка, не замужем); *«Мне кажется это трудно, т.к. в будущем, если дети*

³⁵ Аль фикх аль-ислами ва адиллятух [Исламское право и его аргументы]: в 11 т. Дамаск: аль-Фикр, 1997. Т.9. С.6652

³⁶ Аляутдинов Ш. Он и она 3. – М.: Фонд «Мир образования», 2006. – С.26.

есть, то какой религии они будут?» (16 лет, татарка, не замужем); «Очень отрицательно отношусь к бракам с представителями других религий. После этого ребенку будет сложно выбирать» (21 год, татарка, разведена).

Однако и в данной проблеме супруги находят компромисс и оставляют выбор за ребенком, который должен сам выбрать ту или иную религию. Так, по мнению Председателя Союза мусульманок Татарстана Наили Зиганшиной о религиозной принадлежности детей представила совершенно бесконфликтный, отлаженный механизм: «Все решается на семейных советах, вместе с бабушками и дедушками. Но в итоге ребенок сам выбирает веру, когда вырастет. Ребенка никогда не призывают. Как правило, он, повзрослев, выбирает религию той части семьи, которая его больше любит, теплее к нему относится»³⁷. «Хоть всем кажется, что у них все хорошо, но на самом деле очень тяжко, ибо предпочтения и взгляды на жизнь разные, и детей нужно воспитывать» (17 лет, таджичка, не замужем).

Таким образом, благодаря культурному многообразию в межконфессиональных браках сохраняется толерантное отношение к вероисповеданию, обычаям, обрядам супруга. Выявлено, что семейные конфликты на религиозной почве, возможно избежать лишь при наличии взаимоуважения и почитания этно-конфессиональных традиций своего супруга. Менее конфликтными и более устойчивыми являются семьи, в которых религия не имеет важного значения. Однако, в семьях, где оба супруга стремятся сохранить и передать последующему поколению религиозные традиции, возникают конфликты, проблемы, связанные с выбором имени, вероисповедания ребенка, проведением обрядов жизненного цикла. Поэтому для избегания конфликтов на религиозной почве, сохранения доверительных и спокойных отношений в семье, выполняя религиозные предписания всеми членами, желательно создание моноконфессиональных семей.

³⁷ Межконфессиональные и межнациональные браки: взгляд Москвы и Казани // Благовест-инфо, Москва. 16.07.2010. [Электронный ресурс]. URL: muslem.ru/межконфессиональные-и-межнациональные/ (Дата обращения: 27.10.2016)

РАЗДЕЛ 2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ»

М.Р. Гибадуллина

Демонтаж колониальной системы, распад Советского Союза и Югославии, повлекли за собой глобальные трансформации многих мировых процессов, обусловленных увеличением объемов религиозной свободы в мире. Предполагалось, что кардинальные изменения должны произойти и в большинстве стран Юго-Восточной Европы, республиках бывшего Советского Союза, охваченных политическими конфликтами и ростом этноконфессиональной напряженности. Религия, получившая во многих странах свое легитимное место в социуме, должна была стать важным элементом гражданской идентичности. И действительно, она стала рассматриваться как составная часть этнической и гражданской самоидентификации. Активноеозвращение религии в общественно-политическую сферу и международные отношения обусловило рост этого фактора в конфликтах. Религия по-прежнему играет существенную роль в значительном количестве конфликтов современности. Она используется для оправдания насилия относительно приверженцев иных религий и «других» внутри одной религии. На сегодняшний день место и роль ислама в современных конфликтах становится главной повесткой для международного сообщества.

В тоже время анализ конфликтов показывает, что религия не всегда выступает основным источником конфликта, а часто используется лишь как инструмент создания и поддержания напряженности. В тоже время функциональную двойственность религии выделяет и С.М. Дударенок. Она отмечает, что религия, с одной стороны, может выступать как гармонизирующий, стабилизирующий фактор, способствующий сохранению статус-кво, укрепляющий положение властных структур общества. С другой стороны, процесс становления «нормальной» религиозной жизни сопровождается конфликтами и противоречиями, негативно сказывающимися на состоянии современного российского общества³⁸.

Религия глубоко интегрирована во все сферы общественной жизни – духовную, социальную, экономическую, политическую. Согласно статистическим данным, начиная с 2000 года 43% гражданских войн, имели в своей основе также и религиозную мотивацию. В то время как 1940-50х гг. эта цифра не превышала 25%³⁹.

Актуальность темы обусловлена отсутствием целостного понятийно-терминологического аппарата, необходимого для изучения видового многообразия конфликтов, в которых важную роль играет религиозный фактор. При этом такого рода конфликты в науке не всегда типологизируются как религиозный конфликт. На данный момент не существует единого определения понятия «религиозный конфликт». Авторы по-разному характеризуют его, исходя из разных научных парадигм, подходов и дисциплин. Так В.С. Глаголев определяет сущность религиозного конфликта конъюнктурно: с одной стороны, под ним он понимает «конфронтацию групп верующих и клира на основе религиозных мотивов в рамках одной церкви или религиозного объединения»; с другой, временное обострение либо

³⁸ Дударенок С. М. Конфликт как одна из составляющих религиозной жизни российского Дальнего Востока конца XX – начала XXI веков. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. докл. и материалов межрегион. практ. семинаров и конф. 2002–2004 гг. – М.: РОИР, 2004. – С. 263–275.

³⁹ Религиозная свобода: глобальные измерения // URL: <http://www.religion.in.ua/main/analitica/5607-%20religiznaya-svoboda-globalnye-izmereniya.html> (дата обращения: 11.06.2016).

состояние хронической напряженности в отношениях догматических и организационно самостоятельных церковно-религиозных структур, религиозных объединений и соответствующих групп верующих, идеологически мотивируемое религиозными соображениями каждой из противостоящих сторон»⁴⁰. Автор в понятие «религиозный конфликт» также включает такие понятия как «священная война», «крестовый поход». Г.И. Козырев под религиозно-политическим конфликтом понимает борьбу между представителями различных вероисповеданий или представителями различных направлений в одной религии за политическую власть и властные полномочия в обществе и мире⁴¹. В данном понимании религиозный конфликт возможен лишь между представителями различных вероисповеданий, а предметом конфликта выступает лишь политическая власть, не учитываясь множество иных вариантов структуры конфликта.

Анализ существующих определений показывает, что чаще всего под религиозным конфликтом понимается «внутрирелигиозные», конфессиональные иди догматические конфликты, т.е. с точки зрения религиоведения происходит сущностная подмена понятий.

Л.А. Баширов отмечает, что чисто религиозного или этнического конфликта не существует. Участниками крестовых походов двигало не только и не столько религиозные чувства. Не случайно вдохновитель крестовых походов (за освобождение гроба Господня) папа Урбан II говорил о богатствах, которые ждут на мусульманском Востоке участников походов. Другими словами, это были завоевательные, грабительские походы под религиозными лозунгами. Л.А. Баширов также отмечает тесную связь религиозного и этнического конфликтов⁴². Борьба между различными этносами за жизненное пространство, социально-экономические и политические интересы приобретают религиозную окраску. Это обусловлено тем, что между этносом

⁴⁰ Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 987–988.

⁴¹ Козырев Г. И. Политическая конфликтология: учебное пособие. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – С. 174.

⁴² Баширов Л.А. Религиозно-политический экстремизм и терроризм как угроза национальной безопасности России // Мир и согласие. – 2005. – № 1 (22). – С. 134

и религией существует онтологическая взаимосвязь. Следовательно, этнический конфликт приобретает религиозную окраску и, наоборот, религиозный конфликт – этническую. В основе обоих конфликтов лежат социальные, политические проблемы, которые не нашли мирного способа решения.

Военно-политические события в Афганистане, Ираке, Палестине и в других регионах мира часто характеризуются в категориях «священная война», «крестовые походы», Согласно средствам массовой информации, талибы и Бен Ладен не раз объявляли США джихад – «священную войну», а Дж. Буш назвал вторжение американских солдат в Ирак «крестовым походом». Другими словами, под понятие «религиозный конфликт» подпадают понятия «священная война», «крестовые походы», что, на наш взгляд, не всегда оправданно с точки зрения сущностного анализа конфликта.

Таким образом, во всех конфликтах, в основе которых лежат социально-экономические, политические и этнические факторы, религиозный фактор преподносится как негативный, формируя соответствующее восприятие. Это обусловлено не знанием представителей средств массовой информации, как основ религиоведения, так и конфликтологии.

Интересен опыт зарубежных исследователей к анализу религиозных конфликтов⁴³. Рассмотрим группу подходов, основанных на структурно-системной парадигме. Исследователи отталкиваются в своих размышлениях от видов возможных структурных связей. По их мнению, субъектами этих связей выступают – религиозные учреждения; государственные учреждения; оппозиционные группы и элиты. Например, Б.Линкольн (B. Lincoln)⁴⁴ в рамках своей теории прослеживает эволюцию развития религии в рамках одного общества. Так, его теория включает три типа религии: «религия статус-кво», религия-сопротивление, религия-революция. Эти три типа выражают три статуса состояния религии в обществе. «Религия статус-кво» в

⁴³ Fox J. Towards a dynamic theory of ethno-religious conflict // Nations and Nationalism. – 1999. – № 5. – P. 431–463.

⁴⁴ Lincoln B. Religion, Rebellion and Revolution. – London: Macmillan, 1985. – P. 145–157.

основном находится в состоянии аккомодации с государством, но религиозные элиты стремятся к идеологической гегемонии. Следующий вид – религия-сопротивление. Это состояние вызова идеологической гегемонии господствующей религии. В рамках данного типа религии основной целью религиозной элиты становится выживание религии, а не распространение ее влияния за пределами географической и социальной среды «своего» общества. Религия-сопротивление может стать религией-революцией в случае ухудшения объективных условий в обществе. В рамках данного типа может быть успешно сформулирована новая теория политической легитимности, которая позволит привлекать новых членов из приверженцев господствующей религии. В случае успеха религия-революция становится новой «религией статус-кво». В этой модели можно рассматривать развитие и смену светских идеологий. В переменных этой модели можно использовать не только религиозные доктрины, но и светские идеологии. Р.Старк (R. Stark), В.Бейнбридж (W. Bainbridge) отмечают, что религиозная монополия может быть лишь при абсолютной поддержки государства, которая будет кредитовать свою власть в обмен на лояльность церкви, которая имеет поддержку большей части общества⁴⁵.

Д.Ковалевский (D. Kowalewski) и А.Грейл (A. Greil) выделяют два фактора, определяющие поведение церкви в конфликте⁴⁶. Во-первых, это степень напряженности в обществе между государством и церковью; во-вторых, конфигурация социальных отношений между политическими и религиозными элитами. Чем более гармоничны отношения между церковью и государством, между религиозными и политическими элитами, тем больше церковь будет поддерживать существующий режим. Взаимоадаптивный договор позволяет обменивать поддержку режима на невмешательство и поддержку со стороны государства. Данная теория ограничена рассмотрением лишь взаимосвязи церкви и политической элиты. В ней нет места для иных возможных участников конфликта.

⁴⁵ Stark R., Bainbridge W.S. A Theory of Religion. – Bern: Lang, 1987. – P. 386

⁴⁶ Kowalewski D., Greil A. Religion as opiate: religion as opiate in comparative perspective // Journal of Church and State. – 1990. – № 32. – P. 511.

Логично данную теорию продолжает подход Коула Дарема (W. Cole Durham), в котором описывается взаимосвязь между правительством и религиозным институтом, учитывая уровень религиозной свободы⁴⁷. В рамках данной теории выделяются несколько режимов характерных для государства по отношению к институту религии: режим с официально принятой официальной церковью, одобренная правительством; режим с церковью, официально не подтвержденной, но определенная церковь занимает особое место в традициях страны; режим, в которых нет официально признанной церкви, но некоторые религии имеют государственный патронаж; режим приспособления, государство и религия отделены, правительство соблюдает благожелательный нейтралитет по отношению к одной церкви; режим, где государство и религия отделены, есть место враждебности правительства по отношению к религии; режим «непреднамеренное нечувствительности» («inadvertent insensitivity»), правительство не делает различий между регулированием религиозных и иных институтов; режимы с открытой агрессивной позицией по отношению к религии.

Отношение между этими типами режимов и религиозной дискриминацией образуют U-образную форму. Режимы, где государство поддерживает одну церковь, и те государства, которые агрессивны к религии в целом, одинаково враждебны ко всем религиям. Наиболее терпимы режимы, которые нейтрально относятся ко всем существующим религиям, которые не поддерживают определенную, единственную церковь. Автор теории учитывает лишь один фактор – одобрение государством религии. На наш взгляд, это лишь один из важных и возможных факторов в религиозном конфликте. Данная теоретическая модель не является универсальным инструментом для анализа конфликтов.

В рамках структурно-функционального подхода формирует свою модель религиозного конфликта отечественный ученый

⁴⁷ Cole Durham W. Perspectives on religious liberty: a comparative framework // Religious Human Rights in Global Perspective: legal perspectives. – Boston: Martinus Nijhoff, 1996. – P. 1–44.

М.М. Волобуева⁴⁸, выделяя объект, субъект, предмет конфликта и стратегии их поведения, которые могут вызвать конфликт. Особую роль в религиозном конфликте она отдает харизматическому религиозному лидеру, который имеет авторитет в религиозном институте и с которым, более вероятно, будут выстраивать диалог иные стороны конфликта. Данный подход характерен также и теории трансформации конфликта, которая говорит о том, что причинами конфликта являются реальные проблемы неравенства и несправедливости, выраженные через соперничающие социальные, культурные и экономические элементы.

Все эти теории ограничены, и динамичность их возможна лишь при объединении всех их в одну модель анализа конфликта. Д.Ковалевский и А.Грейл рассматривают религию лишь как институт, Б.Линкольн рассматривает религию как источник легитимности, Коул Дарем фокусируется на уровне одобрения государством религии. Эти теории склонны игнорировать общие теории конфликта, разработанные социологами и учитывать лишь один аспект участия религии в конфликте.

Подводя итог, можно отметить, что в религии находится огромный ресурс для управления конфликтами, особенно если религиозный и этнический факторы уже присутствуют в динамике или структуре конфликта. Поэтому, на наш взгляд, важно внимательно отслеживать и поддерживать миротворческие взаимоотношения с религиозными институтами.

Анализ зарубежной и отечественной литературы позволил выявить несколько подходов к определению роли и места религии в конфликте и охарактеризовать теоретико-методологические основы исследования религиозных конфликтов. Существующие теории подходят к пониманию сущности религиозных конфликтов с точки зрения лишь одной дисциплины, часто не учитывая существующие концепции в других отраслях науки. Каждый ученый, являясь специалистом в своей области и опираясь на нее, дает собственную интерпретацию понятия, что приводит к сужению понятия «религиозный конфликт». На наш

⁴⁸ Волобуева М.М. Религиозный лидер и религиозный конфликт // Известия Алтайского государственного университета. – 2003. – №4(30). – С. 17–19.

взгляд, это ограничивает применение данного термина по отношению к видовому многообразию конфликтов и вносит путаницу в понятийно-терминологический аппарат, что может привести к экспертным войнам. Религиозные конфликты представляют собой особый вид конфликтов, который не укладывается в отдельные объяснительные «социологические», «психологические» или «международные» традиции.

Таким образом, под религиозным конфликтом мы понимаем любое социальное противостояние, в котором религиозный фактор является одним из ведущих, то есть религиозность позиционируется как основной объект противоречия между участниками конфликта. В то же время типологизация конфликта по «сферам проявления» не имеет смысла и лишь ограничивает понимание феномена, так как выявить «чистый» религиозный, политический или экономический конфликт невозможно.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ

А.В. Касимова

Явления экстремизма начали набирать рост на рубеже конца XX–начала XXI в. В настоящее время экстремизм в различных формах его проявления представляет реальную угрозу безопасности личности, обществу и государству. И в этом отношении особо опасным предстает так называемый религиозный экстремизм.

Для отечественной научной мысли понятие «экстремизм» не новое, однако объектом психологических исследований экстремизм стал сравнительно недавно. Несмотря на то, что большинством исследователей отмечается необходимость единого подхода к определению данного понятия, на сегодняшний день согласованной definиции не существует. В частности в психологии представлен довольно широкий круг трактовок данного понятия, способствующих раскрытию сущности данного фено-

мена. К ним относятся понимание экстремизма как: формы отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей⁴⁹; «вызывающе-отличного жизненного стиля некоторых групп людей, создающих свою особую субкультуру, «свой мир», чьи значения и ценности вступают в резкое, осознанное противоречие с общепринятыми взглядами, моралью окружающих»⁵⁰; агрессивного поведения в отношении «чужих», обоснованного враждебными установками⁵¹; крайней формы интолерантности, соединенной с агрессией и насилием как методами выражения нетерпимости к другим⁵²; типа девиантного поведения, проявление кризиса идентичности⁵³ и другие.

В действительности, экстремизм есть явление сложное и неоднородное, еще более дискуссионной выступает проблема религиозного экстремизма. В научных кругах бытуют два противоположных мнения. Сторонники первой точки зрения говорят о религиозном экстремизме, как об одном из видов экстремизма (Е.А. Старосветский, Д.С. Глухарев, В.Г. Кокорев). Их оппоненты, напротив, отрицают его существование в принципе (Л.А. Баширов, М.И. Безбородов). Попытаемся внести ясность. На наш взгляд, для определения сущности религиозного экстремизма, прежде всего, необходимо выявить четкий критерий, позволяющий отличать его, во-первых, от различных проявлений религиозной жизни, которые характерны, нормальны для этой сферы и не представляют общественной опасности, во-вторых, от разнообразных действий, совершаемых в мире политики, но имеющих религиозную мотивацию или религиозный камуфляж.

⁴⁹ Некрасова Е.В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 3 С.93

⁵⁰ Красиков В. И. В экстреме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. – Москва, 2006. С.68

⁵¹ Маланцева О. Д., Дозорцева Е. Г. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи. // Психологическая наука и образование. 2012. №2. [Электронный ресурс]. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_2_2930.pdf (дата обращения 01.11.2016)

⁵² Баева Л.В. Проблема противостояния молодежному экстремизму в современной России // Информационное сопровождение геополитической безопасности территорий Юга России и прикаспийского региона: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 28 мая 2010 г.) Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2010. С.28

⁵³ Мурашenkova Н.В., Гриценко В.В. Экстремизм как социально-психологическое явление // Человек и гражданин в системе безопасности. Изд-во: «НБ-Медиа». С.340

Психология религиозного человека имеет ряд выраженных особенностей, которые следует обязательно принимать во внимание. Религиозное сознание⁵⁴ в известном смысле интолерантно изначально, поскольку основано на противопоставлении крайностей: добра и зла, добродетели и греха, совершенства и несовершенства, истины и заблуждения. Последователи религиозного учения склонны придавать своей вере сверхценное значение, поэтому видят некий долг в приобщении к ней других людей. Вот почему мы можем наблюдать порой достаточно навязчивую и даже агрессивную пропаганду религиозных идей. Тем не менее, перечисленное вписывается в общую парадигму функционирования религии. Иными словами, многие проявления, внешне похожие на религиозный экстремизм, на самом деле таковыми не являются.

Существует еще один класс явлений, которые также называют религиозным экстремизмом, хотя на самом деле к религии они имеют весьма косвенное отношение. Речь идет об экстремистских организациях, которые в своей идеологической работе для достижения противозаконных политических целей активно используют, вернее сказать, эксплуатируют отдельные доктринальные положения религии (в настоящее время широко используются исламские доктрины), – отсюда и складывается впечатление, что экстремизм такого рода является религиозным. В действительности это политический экстремизм с использованием религиозной риторики и атрибутики (У.А. Алиев, Э.К. Джамалова, Я.М. Ханмагомедов и др.). Например, при идеологическом воздействии на кандидатов в состав незаконных вооруженных формирований с псевдоисламской мотивацией упор делается на внедрение в их сознание идеи самопожертвования по следующему принципу. Вербовому внушается представление об окружающем его мире как о мерзком, погрязшем в грехе. Озвучивается необходимость его изменения, замены на справедливый, тот, который будет жить по законам Аллаха. Для

⁵⁴ Религиозное сознание определяется как одна из форм общественного сознания, в которой находит отражение религиозная жизнь общества; это совокупность теоретических и обыденных взглядов на природу религиозного, предполагающих осмысление специфики религиозных процессов.

повышения эффективности оказываемого воздействия часто применяется такой психологический прием, как использование авторитетного источника, а именно ссылки на Коран и в частности положения четвертой суры ан-Ниса – «Женщины», в которой имеется обещание Бога сразу же, до наступления судного дня, ввести в рай тех, кто будет убит, сражаясь на пути Аллаха. При истолковании этой суры вербовщики особенно акцентируют внимание на том, что принося себя в жертву, человек спасает не только свою душу, но и свой народ. Одновременно с этим в сознание данного человека внедряется ощущение его принадлежности к закрытому обществу (группе), на которое возложена весьма высокая миссия: оно призвано восстановить справедливость, достичь богоугодную, т.е. законную и благородную цель. Также зачастую навязывается представление о необходимости беспрекословного подчинения возглавляющему группу. Результатом подобной «обработки» становится появление боевика-смертника, готового без колебаний вести «священную войну», совершать различные акты насилиственного характера.

Как мы видим недопустимо считать однопорядковыми действия тех, кто обвиняет своих единоверцев в ереси за контакты с людьми других вероисповеданий или оказывает моральное давление на намеревающихся уйти из одной религиозной общинны в другую конфессиональную общность, и действия, подпадающие под статьи уголовного кодекса, которые предусматривают ответственность за переход государственной границы с оружием в руках с целью нарушения государственного единства страны или завоевания власти, за участие в бандформированиях, в убийствах людей, захвате заложников, даже если они мотивированы религиозными соображениями. Между тем и в специальной литературе, и в средствах массовой информации подобные выше приведенным примерам действия часто объединяются одним понятием «религиозный экстремизм».

На основании изложенного и ввиду того, что мировые религии в их традиционном каноническом ключе выступают против насилия и провозглашают базовые духовные, общечеловеческие ценности, то стоит усомниться в допустимости использо-

вания термина «религиозный экстремизм». С другой стороны, мы не можем игнорировать совершающиеся все чаще общественно опасные противоправные деяния в отношении людей в связи с их религиозной принадлежностью. Более того, данные факты необходимо как-то квалифицировать. Мы считаем, что уместно оперировать понятием «экстремизм с использованием религиозных чувств».

Причину обозначенного явления психологи усматривают в радикализации религиозного и личностного сознания. Как мы уже отмечали выше, религиозное сознание по своей сути интолерантно изначально. Тем не менее, доподлинно известно, что на путь экстремизма встает лишь малая часть от общего числа приверженцев различных конфессий, в то время как остальные исповедуют религию мирно.

Аналогично в личностном сознании каждого индивида имеется и активно функционирует смысловой конструкт «свой – чужой», что собственно не является чем-то аномальным. Противопоставление на «своих» и «чужих» есть древнейшая форма взаимодействия человеческих общностей. Появление в голове индивида представления о «них» фактически следует считать первым актом социальной психологии, без которого было бы невозможно формирование чувства «мы».

Таким образом, индивида вставшего на путь экстремизма с использованием религиозных чувств будет отличать радикализованная картина мира в ее религиозном и личностном аспектах. В сознании такого человека зиждется идея о том, что служить Всевышнему вполне возможно и с помощью экстремистского инструментария (насилия). Нормальная религиозная убежденность трансформируется в экстремистскую целемотивацию. «Чужие» в сознании такого человека предстают «врагами», которым необходимо противостоять во чтобы то ни стало. И он будет бороться не «за что-то», а «против кого-то». Первичным здесь является неприятие чужих: не столько «мы – хорошие» (как при внутригрупповом фаворитизме), сколько «они – плохие».

Когнитивную сферу экстремиста составляют предрассудки, предубеждения и стереотипы. Аффективная сфера (эмоцио-

нальная составляющая «образа врага») представлена сложным комплексом негативных эмоциональных проявлений. Его основу составляет чувство враждебности, включающее эмоции страха, отвращения и презрения к «чужакам» в их гипертрофированном виде. Доминирование той или иной эмоции в данном комплексе зависит от оценки силы врага, степени той угрозы, которую он якобы представляет. Если враг представляется сильным, несущим высокую опасность, то определяющим является чувство страха. Если же враг слаб, то основное чувство, испытываемое к нему, это презрение. Поведенчески экстремистская деятельность выражается в форме насильственных, разрушительных, агрессивных действий конкретного социального субъекта, включая различные способы самовредительства вплоть до самоуничтожения.

Очевидно, что перечисленное не является результатом размышления отдельного человека (в противном случае пришлось бы говорить о психопатологии экстремистов, что, в свою очередь, опровергается многими исследователями); они приобретаются в результате внушения, заражения и подражания. Разумеется, невозможно сформировать такие идеи, актуализировать подобные чувства и т.д. на «на пустом месте». Потенциально-го экстремиста должен отличать определенный психический склад личности (своебразные черты характера и особенности психики), делающий его предрасположенным к восприятию, усвоению и реализации экстремистской идеологии. Примерами таковых являются виктимность, психическая неустойчивость, акцентуации характера и т.д.

В заключении, необходимо отметить, что экстремизм с использованием религиозных чувств в большей степени, чем все остальные формы экстремизма, способен порождать террор, поскольку исполнителями в данном случае выступают религиозные фанатики, для которых нетерпимость к иноверцам (инакомыслящим) приобретает сверхценное значение, придает их жизни смысл. Более того, они готовы во имя этих принципов жертвовать не только ею, но и жизнями других людей.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

З.В. Силаева

В начале XX века актуализируется проблема исследования, лежащая в основе формирующейся религиозной идентичности динамики ценностей в условиях социально-политических трансформаций. Все более очевидным с научной точки зрения становится то, что процесс идентификации человека продолжается на протяжении всей его жизни и изменяется в ответ на вызовы времени. В то же время у всё большего количества преимущественно молодых людей сегодня наблюдается неустойчивая, противоречивая религиозная идентичность, сконструированная из различных представлений и осколков религиозных воззрений, которые нередко принадлежат различным религиозным системам, целенаправленно выстроенным под воздействием внешнего фактора и СМИ.

Все это обусловило проявление интереса к выявлению значимых социальных изменений через изучение сдвигов ценностных ориентаций и моделей поведения людей, идентифицирующих себя с традиционными и нетрадиционными религиозными группами. Особенно актуален данный вопрос в связи с ростом угроз национальной безопасности, в целом, и одной из основных ее составляющих – религиозной безопасности, в частности⁵⁵.

Среди наиболее часто встречающихся угроз современности можно выделить религиозный экстремизм, прозелитизм, угрозы потери религиозных традиций и ценностей народа России под воздействием внутренних и внешних факторов, а также деятельность нетрадиционных для российского общества религиозных или псевдорелигиозных объединений, имеющую деструктивную направленность. Все это, так или иначе, связано с

⁵⁵ Тарасевич И.А. Классификация угроз религиозной безопасности России: конституционно-правовой анализ // Проблемы в российском законодательстве. – 2013. – №6. – С. 23.

изменением религиозной идентичности и представляет угрозу как для государства в целом, так и для личности в частности.

Неслучайно ученые отмечают, что религиозная идентичность представляет собой своеобразную меру, позволяющую оценить и проанализировать социальную жизнь на рубеже веков, для которых характерна противоречивость в решении религиозного вопроса: от антирелигиозной пропаганды и потери религиозных ориентиров до расцвета различных новых религиозных течений. В то же время важно отметить, что активное включение в настоящее время религиозных и конфессиональных смыслов в политический дискурс демонстрируют исчерпание гносеологического потенциала секулярной парадигмы. Это значит, что поднятые в исследовании вопросы требуют дальнейшего изучения и применения новых теорий и методологий.

Традиционной теоретико-методологической базы сегодня оказывается не достаточно для выявления связи «религия-политика-конфликт». Это предопределило использование в исследовании междисциплинарного синтетического подхода⁵⁶. В его основе – интеграция анализа макрополитических процессов и их проекций на уровень индивида или целых сообществ, с которыми человек себя соотносит, выявление взаимосвязей между индивидуальным и коллективным самоопределением в условиях социально-политических потрясений, происходящих как самостоятельно, так и формируемых извне.

Следует отметить, что в рамках данного исследования происходит осознанный отказ от примордиалистской парадигмы и акцентирование внимания на применении инструменталистской и конструктивистской парадигм, а также на последствиях использования религии как инструмента в управлении конфликтами и создания угроз национальной безопасности извне. Такая позиция обусловлена появлением и быстрым развитием новой стратегии умиротворения, в основу которой заложена идея трансформации религиозной идентичности посредством создания и имплантации новых типов нетрадиционной религи-

⁵⁶ Семененко И.С., Лапкин В.В., Фадеев Л.А. Меняющаяся идентичность в меняющемся мире // Политическая идентичность и политика идентичности. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 7.

озности. Данная стратегия все чаще стала использоваться для управления локальными конфликтами и целенаправленного влияния на внутреннюю ситуацию того или иного государства и региона.

Что же такое конфликт, и почему именно в конфликтной среде формируются угрозы национальной безопасности? Почему в качестве инструмента все чаще стала использоваться религия? Конфликт – это отношения, складывающиеся между двумя и более сторонами, которые имеют или думают, что имеют несовместимые цели. Конфликт никогда не зарождается сам по себе, он подобен вирусу. Для его появления необходима определенная среда, которая, как правило, создается людьми и в большинстве случаев осознанно, целенаправленно. Каждый человек, вступая в конфликт, имеет определенный мотив, который может быть сознательным, сформированным в процессе социализации; а может быть сконструирован, но не осознаваться таковым.

Когда мы говорим о религиозном конфликте, мы прежде всего имеем в виду конфликт, в котором большое значение имеет религиозная составляющая. Его предметом являются вероучительные положения религии или конфессии, религиозные практики, институциональные положения, а также имущественные разногласия. Однако важно отметить, что сами по себе они, как и религиозность, не являются конфликтными, конфликтогенами они становятся тогда, когда реализуются на практике субъектами, идентифицирующими себя с одной группой и противопоставляющими себя представителям других групп.

Поэтому и управление конфликтами осуществляется посредством воздействия именно на субъекты конфликта, на повышение или понижение их критического мышления. Все чаще создаются условия, при которых человек отрекается от своих прежних традиционных верований, системы ценностей и полностью изменяет свой образ жизни, уходя из традиционных религий в культуры или иные деструктивные организации, которые имеют свою систему, более понятную для разочаровавшегося человека. Как правило, происходит разрыв не только с семьей, но и с ближайшим окружением, друзьями. Человек помещается

в новую среду, для которой характерны свои ценности, нередко противостоящие социальным ценностям и нормам.

В обществе формируется религиозная аномия как следствие утраты религиозных ценностей, которые составляют основу традиционной культуры. Нередко для этого деструктивные организации используют предложение материальных или социальных выгод людям, находившимся в нужде или бедственном положении, прибегая к психологическому давлению или угрозе применения насилия, или просто используя различные фобии людей с целью их вербовки. Они также используют веру как состояние предельной заинтересованности. Интерес к данным организациям приводит к тому, что нетрадиционные, «девиантные» формы религиозности начинают получать все более широкое распространение.

Возникает правомерный вопрос – для чего и кому это необходимо? Повсеместное возрождение религий после «холодной войны» ведет к тому, что религиозный фактор начинает играть важную роль в мировой политике и конфликтах, ею порождаемых. В XXI веке происходит усложнение не только процессов религиозного характера, но и социально-политической обстановки на макро- и микроуровнях.

Несмотря на слом колониальных систем и падений империй, имперский характер и амбиции ряда субъектов международных отношений сохранились, а процессы глобализации, «открытых границ» и формирования «гражданина мира» способствуют их реализации, нередко через осуществление миссионерской деятельности. Распространение «новых религиозных движений» является характерной особенностью современной эпохи глобализации, обусловленной необходимостью новой религиозной идентификации как процесса поиска и обретения новой религиозной идентичности, разрешающей внутренние противоречия людей.

В научных исследованиях все чаще встречается мысль о постепенном формировании новой всепланетарной религии, поглощающей все остальные религии, основной целью которой является универсализация и единство человечества. Ряд исследователей считают, что деятельность экстремистских организа-

ций целенаправленно и активно используется стремящимися к мировому господству международными структурами как средство для дестабилизации и дальнейшего разрушения отдельных государств, уничтожения отдельных наций⁵⁷.

Если обратиться к истории Южного Вьетнама, то мы увидим, что это не совсем порождение современности и теории конспирологии. Технологии использования религиозного фактора применялись, начиная со второй половины XVII века, а сейчас они развиваются, совершенствуются. Например, распространение католической веры и замена ею местной веры в Южном Вьетнаме начиналась с миссионерской деятельности⁵⁸.

В рамках рассматриваемой технологии миссионер – «засланец» – это посланец, наделенный особой миссией, суть которой состоит в том, чтобы в чуждой среде проповедовать свои ценности и догмы, результатом которой должна стать замена соответствующих ключевых элементов местной культуры на нечто новое. То есть основная задача миссионера – «засланца» в те времена – это деструкция религиозной традиции, суть которой заключается в том, что элементы этой традиции, органично вписанные в систему местного мировоззрения, культуру и общественные отношения, попадают в чужеродный контекст. Закрепление новой религиозной идентичности происходит путем прочтения специально подготовленной и распространяемой литературы или бесед с «миссионером», выступающим в качестве наставника.

Но миссионерская деятельность в Южном Вьетнаме закончилась порождением дилеммы адаптации. Суть ее заключается в том, чтобы адаптировать культурную среду в стране, на граждан которой направлено конструирование новой религиозной идентичности, или адаптировать саму религию, ее отдельные элементы. Более того, миссионеры – «засланцы» сами на себе испытывают воздействие адаптации, т.к. погружение в среду оказывает влияние и на них. Противостояние цивилизаций, раз-

⁵⁷ Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – №6. – С. 3-10.

⁵⁸ Пчелин Н.Г. Миссия иезуитского ордена в Китае 1579-1842. – Автореф. канд. ист. наук. – РАН ИВ СПб. – СПб., 1999. – С. 24.

личия восточной и западной культуры, столкновение развитых, развивающихся обществ с традиционными продемонстрировали невосприимчивость ценностей друг друга, особенно в противопоставлении религиозного и секулярного.

Как отмечает В.Н. Колотов⁵⁹, решить эту дилемму удалось путем создания и распространения в стране-жертве деструктивных нетрадиционных религиозных организаций, совместимых с местной средой, но одновременно не представляющих угрозы для самих миссионеров и стран, их создающих и направляющих с целью разрушения местных культур и ослабления их потенциала сопротивления духовной и вооруженной колонизации, а также формированию нового типа религиозной идентичности.

Особенно остро эта проблема встала в связи с транзитом демократии, резкой сменой идеологических оснований и развитием религиозной аномии, кризисом семьи и идентичности. Наиболее опасным является деструкция, направленная против социально значимых величин – семьи, государства, общества, т.к. она ориентирована на разрушение норм, ценностей, связей в обществе, которые объективно необходимы в условиях социально-политической нестабильности современности. Идентификация себя с одним типом религиозности или социально-политическим конструктом, таким образом, нередко предполагает резкое противопоставление другому как чуждому.

Сегодня доходит до того, что сам институт государства настолько дискредитируется, что даже при осознании внешнего воздействия, которое представляет явную угрозу его национальной безопасности, среди населения не происходит сплочения и единения ради сохранения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что опасность утраты местных традиций может быть вызвана как внутренними, так и внешними факторами.

Особенностью современной религиозной ситуации является многообразие и разнообразие религиозных образований, выходящих за рамки локальных культур, бросающих вызов традиционным конфессиям, применяющим метод дискредитации, включающий десакрализацию местных традиций и культов,

⁵⁹ Колотов В.Н. Классические религиоведческие методики и изучение новых религий (опыт политологического анализа) // Религиоведение. – 2005. – №4. – С. 94-104.

путем трансформации сознания жителей, и, как следствие, потерии ими веры, ореола святости, а также нежеланием идентифицировать себя с ними. Это может привести к фрагментации и резкой поляризации российского общества. Возможно, именно осознание этих проблем способствовало резкому ожесточению российского законодательства и обусловило введение жестких законов в отношении миссионерской деятельности, осуществляющей иностранными гражданами, а также деятельности иностранных организаций («иностранный агент»).

В целом, основа всех технологий использования нетрадиционной религиозности в управлении конфликтами и дестабилизации ситуации в отдельных государствах или целых регионах имеет ряд общих элементов. Во-первых, все они связаны с изменением религиозной идентичности наиболее восприимчивой части населения. Поэтому нередко «засланцы» прибегают к использованию различных тестов для оценки уровня критичности, запускаемых в социальных сетях или проводимых в рамках специально разработанных акций. Очевидно, что до этого они изучают характерные для региона традиционные учения, чтобы уметь аргументированно их критиковать, понижая тем самым уровень недоверия к себе.

Во-вторых, создание некой прослойки специально подготовленных харизматичных людей на местах на случай высылки «засланцев» из страны-жертвы. Кадры и методические пособия, как правило, решают все. В связи с чем и создается целая жизнеспособная система обучения кадрового резерва в стране-жертве.

В-третьих, провоцирование гонений со стороны местных властей, способствующих консолидации вновь формируемого сообщества, выход из которого «карается». В результате обеспечивается необратимость изменения религиозной идентичности, которая становится «фрагментарной» или «витражной».

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, конфликт, содержащий религиозный фактор, является одним из наиболее взрывоопасных и быстро развива-

ющихся за счет мобилизации сочувствующих. Подобные конфликты нельзя разрешить, они всегда будут сопровождаться «социальной травмой». Неурегулированные религиозные конфликты могут спровоцировать усиление религиозного экстремизма.

В то же время необходимо отметить, что несмотря на то, что действительно каждая религия с точки зрения догматических основ стремится утвердить собственный всеобъемлющий характер и доказать ложность других религиозных учений, подобная доктринальная конфликтность религиозных систем не всегда проявляется в виде непримиримого противостояния. Во многом это зависит от восприятия, позиции и поведения сторон. Наибольшую остроту религиозный экстремизм приобретает в случае использования религиозной идеологии для оправдания националистических или сепаратистских тенденций в поликонфессиональных государствах, особенно в случаях совпадения религиозной и этнической самоидентификации народов.

Во-вторых, управление конфликтами на религиозной почве основывается на создании технологий изменения религиозной идентичности, которые необратимы. Это в очередной раз демонстрирует, что религия представляет собой одно из наиболее мощных средств как созидания, так и разрушения. Используя ее в качестве инструмента, важно помнить об этом.

В-третьих, противостоять деятельности «засланцев» можно только путем информирования населения о механизмах их создания и функционирования и поддержанием высокого уровня критического мышления и пытливости ума. Это возможно путем постоянного самообразования и благодаря регулярному выходу человека из своей «зоны комфорта».

И самое главное, несмотря на то, что исследование идентичности является одним из самых популярных научных направлений, необходимо продолжать разработку данной проблематики с целью формирования новых методологических горизонтов, определяющих изучение религиозной идентичности, обусловленное трансформацией социальных процессов и институтов с учетом смены ценностных ориентиров и характеристик современности.

ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Ш. Мурзина

Политика и религия начинаются там, где затрагиваются интересы больших групп людей, и поэтому зачастую эти сферы взаимопроникаемы, и граница между ними весьма транспарентна. В связи с этим, нередким явлением становится и политизация религии, когда религия как социальный институт перестает ограничиваться духовной сферой жизнедеятельности, и начинает выполнять политически значимые функции, такие как функция целеполагания, регулирования социальной жизни, легитимации принимаемых политических решений, и таким образом становится средством достижения политических целей.

Особенность политизации жизнедеятельности различных социальных структур рассмотрена в работе А.Л. Стризое⁶⁰. Автор выделяет три вида социальных общностей: 1) формационный (классовые общности); 2) цивилизационный (профессиональные общности); 3) социокультурный (этнические, религиозные, демографические общности). По словам А.Л. Стризое, в рамках социокультурных сообществ сформировались такие явления как «авторитет», «вождество» и другие, без которых невозможно возникновение сферы политического⁶¹, что также говорит об онтологической близости этих двух сфер. По мнению А.Л. Стризое, политизация религии – процесс длительный и устойчивый, что обусловлено традиционностью и консервативностью религиозного сознания. В работе автора также встречается понятие «экзистенциальной политизированности», суть которого заключается в неразрывности этнорелигиозной, политической и личностной самоидентификации. «Следя этнической или религиозной традиции, человек ощущает естественность и полноту бытия, причем бытия не только как русский или англичанин, как мусульманин или христианин, но и

⁶⁰ Стризое А. Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <http://politsociology.okis.ru/strizoe-politika-i-obshhestvo.html> (дата обращения: 02.12.2016)

⁶¹ Стризое А.Л. Там же.

как человек. В такой ситуации политическое превращается из того, что затрагивает «наших», «своих» в то, без чего мое «я» не может состояться, а следовательно, и существовать»⁶².

В советский период установка правящего класса на атеизм, а также идеологическая легитимация власти утратили необходимость выстраивания взаимодействия светской и политической властей в стране. В современной России, напротив, наблюдается рост уровня религиозности. Этот процесс имеет разнонаправленный характер. С одной стороны, он проистекает «снизу»: разочарование в ценностях прошлой эпохи, а также закрепленная в Конституции РФ свобода совести позволили гражданскому обществу вновь обрести ценностные ориентиры в религиозном мировоззрении. С другой стороны, существует запрос «сверху», так как в условиях низкой легитимации власти сакральный ореол религии позволяет распространить его на деятельность малоэффективной в глазах общественности политической власти. По мнению А.Л. Стризое, религия использует особый «символический язык», который позволяет скрыть корыстные политические интересы и оправдать политические феномены. В этих условиях политизация религии становится неотъемлемой чертой современных политических процессов в России.

Тема политизации религии становилась предметом исследования таких отечественных авторов, как А.И. Кырлежев,⁶³ Е.М. Дринова,⁶⁴ Е.А. Терешина⁶⁵ и других. Однако существует немало аспектов данной проблематики, не становящихся ранее объектом анализа. В данном случае будут рассмотрены различные аспекты проявления политизации религии в политических процессах современной России.

На протяжении периода монархического правления в России глава государства традиционно наделялся полубожествен-

⁶² Стризое А.Л. Там же.

⁶³ Кырлежев А.И. Политизация религии. [Электронный ресурс]. URL: URL: <http://religo.ru/columns/657> (дата обращения 12.12.2016).

⁶⁴ Дринова Е.М. Политизация религии в современном мире и феномен «политическая религия» // Науч. вестн. Волгоград. акад. гос. службы. Сер. Политология и социология. – 2010. – № 1. – С. 20–25.

⁶⁵ Терешина Е.А. Понятие политизации религии // Ученые записки Казанского университета. – Гуманитарные науки. – Том 154. – Кн.1. – С.254-260.

ными чертами и считался «помазанником Божиим», посредником между Богом и подвластным населением. Подобные представления превратились в один из столпов легитимности авторитарской власти. Позднее при советском строем религиозная сакральность власти была заменена на идеологическую. Появился идеологический конструкт «вождь народа», который вполне отвечал традиционным ценностям политической культуры граждан, таким, как патернализм, этатизм, низкая степень политического участия и другие. С распадом СССР и дискредитацией коммунистической идеологии в условиях мировоззренческого вакуума во второй половине 1990-х годов и еще активнее в 2000-е годы стали предприниматься попытки создания новой общенациональной идеологии. Впоследствии ее важнейшим элементом стал образ правителя. Неотъемлемой частью имиджа Президента РФ в лице В.В. Путина стала идеологическая конструкция «защитника прав и интересов верующих». В.В. Путин в глазах граждан предстает как радетель их религиозных чувств, как гарант мира, в том числе и между представителями разных конфессий. Это проявляется не только в высказываниях политического лидера, но и в конкретных политических решениях, таких как, например, запрет признания текстов священных писаний экстремистскими материалами; жесткая позиция по делу Pussy Riot и другие.

Политизация религии отражается и на идентификационных процессах. Религиозная идентичность, будучи значимым элементом общественного сознания, как на массовом, так и на индивидуальном уровне, зачастую становится объектом воздействия со стороны ряда политическим субъектов, как институализированных, так и неинституализированных. О важности религиозной идентичности, с одной стороны, и о ее конфликтогенном потенциале, с другой, говорил американский политолог С. Хантингтон: религия, по его словам, «разделяет людей в большей степени, нежели этническая принадлежность... и превращается в главную «линию разлома»»⁶⁶.

⁶⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 20.01.2007.[Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 10.12.2016).

Попытки субъектов политики взывать к религиозным традициям в их «чистом», архаическом виде, становятся предпосылкой для формирования радикальных идеологий. Мировоззренческая позиция, замкнутая на религиозных доктринах, в которой нет места для сомнения в них разума, по мнению К. Ясперса, является деструктивной⁶⁷. Особую опасность представляет сакральная легитимация и апелляция к высшим силам в рамках деятельности экстремистских и террористических групп.

Религиозный экстремизм как порождение глобализационных процессов редко преследует чисто религиозные цели, и напрямую связан с вопросами перераспределения политической власти. Об этом в своей работе упоминает и исследователь С.А. Сергеев. При выделении типов экстремизма, по его мнению, корректнее выделить типы этнополитического и религиозно-политического экстремизма, поскольку «при всей специфике их идейно-мировоззренческих оснований данные идеологии и движения ставят в конечном итоге политические цели»⁶⁸.

Зачастую религиозный экстремизм возникает как ответ на огосударствление религии, а его последователи презентуют себя как сторону в ассиметричном конфликте с правящей властью. По словам исследователя А.Л. Стризое, социальные структуры различным образом реагируют на вторжение политики в их бытие. По мнению автора, «политика не должна вторгаться в пространство частной жизни, в пространство свободного выбора человека... Политическое изменение общества в соответствии с идеологическими схемами и политическими актами может быть успешным лишь при соответствии цивилизационным константам бытия и культурным традициям каждой из социальных систем, попадающих в поле политической деятельности»⁶⁹.

⁶⁷ Григорьян Б. Т. Экзистенциальная концепция человека К. Ясперса [Электронный ресурс]. URL: <http://books.house/filosofskih-ucheniy-istoriy> (дата обращения 02.12.2016).

⁶⁸ Сергеев С. А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках [Электронный ресурс] // Казанский федеральный университет. URL: http://kpifu.ru/docs/F110664239/Statya_Ekstremizm_radikalizm_sokr_bibliograf.pdf (дата обращения: 10.12.2016).

⁶⁹ Цит. по: Стризое А.Л. Там же.

Проблема политизации религии в России осложняется в связи с ростом числа прибывающих мигрантов из стран Средней Азии, население которых в большинстве своем исповедует ислам, считающийся одной из наиболее политизированных религий. По результатам исследования, проведенного сотрудниками Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ, одной из трудностей интеграции для приезжих, является то, что принимающее сообщество исповедует другую религию⁷⁰. В недалеком будущем эти мировоззренческие различия могут спровоцировать рост напряженности между представителями прибывающего и принимающего сообщества.

Таким образом, в силу своей групповой природы политика и религия связаны между собой. В результате чего можно сделать вывод, что политизация религии – вполне закономерный процесс, который, однако, находит различные проявления в практической плоскости. Различные исторические периоды в развитии России и всей мировой цивилизации показывают насколько сложно провести секуляризационную черту между этими социальными институтами и сферами их влияния. Взаимоотношения политической и религиозной власти в современной России складываются на основе диалога. Действующий президент РФ В.В. Путин, как олицетворение светского начала, и высшие религиозные деятели зачастую активно сотрудничают в ходе решения актуальных проблем российского общества. Однако, как выше было показано, при определенных обстоятельствах, таких как, к примеру, воля субъектов политики, возникновение напряженности между акторами, характер политического режима и ряд других, процессы политизации религии могут приобретать общественно опасные тенденции и иметь негативные последствия для социально-политического развития общества, что находит свое подтверждение в политических процессах не только российского, но и мирового уровня.

⁷⁰ Максименкова М.С., Сорокина А.А. Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации // Общественные науки и современность. – №5. – 2014. – С. 170

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОМ ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.Е. Денисов

Вторая половина XIX века в истории Российской империи характеризуется последней волной территориальных приобретений. Эти территориальные приобретения, в том числе, были осуществлены в Средней Азии (окончательное присоединение казахских, туркменских земель Кокандского ханства, протекторат Хивинского ханства и Бухарского эмирата). В данном случае эта территориальная экспансия была частью «большой игры» в регионе с целью противодействовать расширению зоны влияния Великобритании в «подбрюшье» России. При этом присоединение вышеперечисленных земель выявило другую проблему – была необходима органическая интеграция новых территориальных приобретений в общее государство.

На протяжении многих веков религия на присоединённых землях играла очень значительную роль при формировании не только уклада жизни простого населения (создание определённых нравственных норм), но и детерминировала основы политico-правового течения жизни в регионе. В Туркестанском крае российское правительство видело в исламе постоянную угрозу интегрирования региона в общеимперское пространство. Искались варианты нивелировать данный (исламский) фактор.

На мой взгляд, центральной (имперской) власти ислам виделся потенциально опасным фактором для интеграции данной окраины империи по двум, образно говоря, условно «экстремистским» аспектам. Под первым аспектом понимался «светский экстремизм». В этом контексте отражаются представления о военном характере колонизации-присоединения территории и утрата (или частичная утрата) суверенитета у целого ряда государств среднеазиатского региона (Кокандское и Хивинское ханство, Бухарский эмират).

Видится, что ислам, как общая религия для покорённых ханств, мог стать интегрирующим фактором для борьбы с имперским центром. При этом не стоит забывать о значительном понижении статуса местной элиты (как светской, так и духовной), которые могли встать в центре этого противостояния.

Под вторым аспектом понимается «религиозный экстремизм». Он мог, по мнению властей (часто обоснованно), выражаться в определённых различиях между исламом внутренних российских регионов и новыми территориями. Более радикальные взгляды последователей ислама из Средней Азии могли бы распространить на более «традиционные» регионы России (например, на Поволжье). Государство искало пути минимизировать данные контакты. При этом, конечно, необходимо отметить причину такого стремления. В конце 19 века фактически единственной политической идеологией, которая могла принести вред национальной безопасности российской империи, являлся пантюркизм⁷¹. Именно она поднимала националистический дискурс в образованной среде Туркестана по поводу воссоздания политической независимости от России. Религия же использовалась ещё как один инструмент для конструирования данного дискурса. Так один из Туркестанских генерал-губернаторов отмечал, что в «мектебах» мусульманское духовенство умышленно искажают в сознании учащихся «представления о наших государственных началах», пропагандируют ненависть к русской власти (как к власти метрополии, так и местной администрации) и русскому народу в целом⁷².

Вышеописанная ситуация характеризуется как конфликтная. Сторонами конфликта являются: с одной стороны – государственная власть Российской империи, с другой стороны – Туркестан (точнее конфликт с конгломератом местных особенностей, противоречий с местной элитой и населением). Источник – процесс интеграции (в особенности фактор ислама).

⁷¹ Бочкарёва И.Б. Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 54.

⁷² Волков И.В. Власть и мусульманская школа в русском Туркестане (1867 – 1881 гг.) // Власть. 2017. № 1. С. 149.

Если мы обратимся к Р. Дарендорфу то можно заметить, что существуют 3 способа разрешения конфликтов: подавление конфликта; «Отмена» конфликта; Урегулирование конфликта⁷³. Имперская власть фактически выбрала второй способ, т.е. «отмену» конфликта. Эта стратегия получила наименование «игнорирование ислама». В политике «игнорирования ислама» можно выделить две функциональные части. Первая – стабилизирующая. Вторая – демонтирующая.

Под стабилизирующей функциональной частью следует понимать ряд мероприятий, которые были призваны «успокоить» местное общество, не дать поводов для волнений и протестных действий (в особенности в первые десятилетия после присоединения) и создать иллюзию сохранения старого уклада жизни.

Опишем эти черты:

1. Уважение традиций и сохранение исламской социально-религиозной системы.

В Туркестанском генерал-губернаторстве Российская империя всегда сдержано относилась к среднеазиатскому вопросу и старалась не провоцировать конфликты с местным населением. В инструкциях, которые направлялись руководителям края, были требования к уважению интересов мусульман⁷⁴. Первый генерал-губернатор К. фон Кауфман предлагал сохранять существующие в регионе исламские нормы с целью добиться лояльности местного населения к метрополии.

Действительно, в первые годы правительство выделяло крупные денежные средства на постройку и восстановление мечетей, печатали достаточно большие тиражи Корана, открывала новые медресе.

Очень важным видится тот факт, что царская администрация параллельно с новыми органами политico-правового управления оставила частично и старые институты, которые существовали ещё в независимых ханствах. Это так называемы 3 столпа исламской социально-религиозной системы: медресе и

⁷³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 145.

⁷⁴ Лысенко Ю.А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ТГУ. 2012. № 4. С. 196.

исламские высшие учебные заведения; сеть мечетей; шариатские суды⁷⁵.

Фактически на протяжении долгого периода времени в регионе наблюдался правовой плюрализм. Эта мера отчасти носила завуалированный эффект, так как обеспечивала поддержку центральной власти со стороны местной аристократии и части мусульманского духовенства, которое занимало должности и посты в шариатских судах и в местном самоуправлении ещё до присоединения этих территорий к Российской империи.

2. Ограничение миссионерской деятельности православной церкви.

К. фон Кауфман на первоначальном этапе выступал против усиленной миссионерской деятельности Русской православной церкви, так как считал, что данная проповедь может, так или иначе, привнести некоторый разлад в процесс интеграции Туркестана в общероссийское государства из-за «раздражения» новых подданных империи⁷⁶.

По мнению первого генерал-губернатора Туркестана, замещать ислам необходимо было не христианством, так как это была бы не позитивная стратегия в этнополитике, а светской просветительской деятельностью. С этой целью создавались так называемые «русско-туземные школы». В них дети местного населения учились вместе с русскими переселенцами. В этих учебных заведениях прививались основы русской культуры, и формировалось новое политическое сознание у туркестанских детей. В последующем они работали переводчиками и в аппарате управления краем.

В данном случае политика игнорирования должна была быть продолжением политики русификации региона.

3. Либеральная политика по отношению к исламу (в том числе и к хаджам).

⁷⁵ Лысенко Ю.А. Правовое положение мусульман центрально азиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко, М. Ф. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 112.

⁷⁶ Гайсина Л.Р. Туркестанская колониальная администрация и православная миссионерская деятельность // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 15. С. 70.

В отличие от митрополии в Туркестанском крае отсутствовал очень строгий контроль за повседневной жизнью мусульман, так как в крае не было своего муфтията, который бы подчинялся напрямую органам государственной власти (в данном случае МВД). Так как вся полнота власти в регионе находилась в руках военной администрации, то обычная практика МВД по отношению к мусульманам в крае не действовала.

Это можно проследить даже по вопросу паломничества (хаджа). В Туркестане не было жёстких нормативно-правовых актов по этому вопросу⁷⁷. Фактически произошёл отказ регулирования данного вопроса, так как, во-первых, это всё равно не дало бы результата (близость границ) и, во-вторых, стремление не вызвать протесты местного населения.

Под демонтирующей функциональной частью следует понимать ряд мероприятий, которые прямо направлены на снижение детерминирующего значения ислама на политическую, правовую, социокультурную жизнь региона.

Опишем эти черты:

1. Запрет на собственное духовное управление

К концу XIX – началу XX века сложилась достаточно оформленная система мусульманских духовных учреждений на территории России. Европейские и Сибирские районы России курировались муфтиями (например, Таврическим, Оренбургским и др.), которые подчинялись Министерству внутренних дел.

В Туркестане специального органа управления мусульманами не существовало⁷⁸. Это объясняется многими причинами. Одной из самых главных причин является стремление минимизировать целенаправленное влияние ислама на все сферы жизни местного общества в Туркестане.

После Андижанского восстания на самом высоком уровне принятия государственных решений сложилось стойкое впечатление о взрывоопасном положении дел в регионе. Митрополия ожидала новую череду восстаний на подконтрольных

⁷⁷ Литвинов В.П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане // Власть. 2014. № 6. С. 90 – 91.

⁷⁸ Сызранов А.В. Становление и развитие государственной политики России по отношению к исламу // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4. С. 46.

территориях. Чтобы этого не случилось, фактически местная администрация была низведена до роли простых управляющих, без возможности принимать сколько-то серьёзные решения без санкций центральных властей (не то, что во времена генерал-губернатора К. фон Кауфмана).

В этом свете понятно стремление царской администрации максимально долго не создавать специального органа управления мусульман в Туркестане. Власти опасались, что любой муфтият будет препятствовать политике русификации края (даже если в это управление войдут лояльное духовенство). Если бы создание муфтията произошло, то в него должны были войти именно местные религиозные лидеры, а не присланные из других регионов. Вкупе с тем, что почти всё мусульманское духовенство в Туркестане было недовольно российской администрацией, то данная структура создала бы между властью в крае и населения определённую преграду, через которую трудно будет проникнуть русской культуре и влиянию метрополии в целом⁷⁹.

Кроме этого можно привести в пример ещё несколько причин, почему не было отдельного муфтията в генерал-губернаторстве. После уже упомянутого Андижанского восстания 1898 года генерал-губернатор С.М. Духовский определил принципы религиозной политики в крае:

- Устранение зависимости местного духовенства от заграничных и российских очагов ислама;
- Ослабление влияния суфизма на духовную жизнь туркестанских мусульман (см. первый выделенный фактор);
- Устранение использования вакуфных средств для антиправительственной пропаганды.

Вакуфные земли – это земли, которые люди завещали для религиозных организаций (примерно как в России завещались земли монастырям). Детализация законодательства по вакуфным земелям (и имуществу в более широком смысле) привнесло в среднеазиатские земли то, что ещё было сделано при Екатерине II в России – произошла секуляризация собственно-

⁷⁹ Арапов Д.Ю. Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. / Д.Ю. Арапов, Д.В. Васильев // Исторический архив. 2005. № 1. С.162.

сти религиозных общин. Тем самым экономическое влияние, в данном случае мусульманского духовенства в Туркестане, значительно ослабло.

Доход с вакуфных земель первоначально предназначался для:

- поддержания мечетей, школ и медресе
- как источник помощи малообеспеченным слоям населения

В тоже время обладание вакуфными землями было мощным источником дохода непосредственно и для мусульманского духовенства. Помимо финансовой составляющей вакуфы были и политическим инструментом влияния на большинство населения региона – декхан (крестьян). Зачастую была распространена практика сдачи этих земель духовенством в аренду малоземельным крестьянам. В обмен на это люди отрабатывали «барщину» уже на землях духовенства или же платили денежный эквивалент⁸⁰. Фактически духовная аристократия была уже земельной и могла непосредственно влиять на местное население угрозой лишения их земли (на некоторых вакуфах уже образовались населённые пункты).

Но всё же вакуфные земли не были запрещены, так как выполняли важную благотворительную роль содержания многих религиозных (и светских) учреждений в крае. Взамен этого была проведена конфискация в некоторых уездах до 90 % всех вакуфных земель, а над оставшимися землями был установлен контроль государства. Законодательно были ограничены права мусульман на землю в наследственное использование, расселение и владение⁸¹. Теперь те вакуфные земли, которые остались у духовенства, не были в собственности, а были лишь во владении.

2. Внедрение европейского начала в мусульманских школах⁸².

⁸⁰ Мухамедов Ш.Б. Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887-1917): причины фиаско // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 269.

⁸¹ Sartori P. Colonial legislation meets sharī'a: Muslims' land rights in Russian Turkestan // Central Asia Survey. March 2010. Vol. 29. № 1. P. 44.

⁸² Брежнева С.Н. Толерантность по-русски: истории проведения религиозной политики Российской империи в Туркестане // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. С. 218.

Данный пункт для политики «игнорирования ислама» является явно противоречивым. Проводником идеологии просвещения стало движение джадизма. Оно предлагало проекты реформ школьного образования, где должна была введена новометодная школа (преподавание широкого перечня наук с внедрением современных на тот момент технологий).

С одной стороны, новометодная школа секуляризировала сознание жителей края. Про это уже отмечалось, когда говорилось о создании русско-туземных школ, но, с другой стороны, повышение уровня образования у населения Туркестана, на наш взгляд, способствовало не только уменьшением религиозного сознания, но скорее повышением общегражданской идентичности.

Получается, что государство с помощью этого инструмента могло справиться с «религиозным экстремизмом», но потворствовало «светскому экстремизму» в том числе из-за роста образованности населения и, вследствие этого, распространения идей панисламизма и пантюркизма в среде интеллигенции, в чем военная администрация так же видела угрозу.

3. Дифференциация населения (оседлые – кочевники) и адресная работа с ними.

Население мусульманского Туркестана условно можно было разделить на две категории: оседлое и кочевники. У них, можно предположить, существовали разные характеры идентичности. У оседлого населения, очевидно, религиозная доминанта являлась преобладающей. Они идентифицировали себя в первую очередь с мусульманским миром (ислам), а уже после этого с местностью, с городом. У кочевых народов над религиозной идентичностью, как правило, преобладало клановое, родовое начало.

Политика «игнорирования ислама» отличалась в отношении этих двух групп населения Туркестана. По отношению к оседлым народам действовал принцип игнорирования исламских институтов с последующими попытками их демонтажа. По отношению же к кочевникам действовал принцип ограничения распространения ислама и искусственной «геттоизации»

этих народов с целью предотвращения попыток их интеграции в общероссийское мусульманское движение. Разные подходы к двум группам населения ещё можно охарактеризовать, как стремление разрушить единство управляемого населения и облегчить администрирование в Туркестане.

Что касается политики «игнорирования ислама» по отношению к оседлому населению, то можно выделить некоторые её характерные особенности (частично некоторые из них уже были описаны выше):

- Запрет на собственное духовное управление
- Реформирование вакуфного землевладения

А так же:

- Введение экзаменов для претендентов на духовные должности со сдачей их перед особой комиссией
- Ограничение юрисдикции традиционного шариатского судопроизводства (перевод многих гражданских дел, связанных с бракоразводными и имущественными процессами из ведения духовенства в гражданские суды)
- Упразднение института «исламского пастыря» (традиционной должности высшего авторитета в религиозных вопросах)⁸³

Кочевые народы Туркестана достаточно медленно принимали определенные исламские принципы, например, такие как отказ от потребления алкоголя. Авторы связывают это с непосредственно их кочевым образом жизни и местными традициями⁸⁴

Можно с уверенностью сказать, что более серьёзные меры для демонтажа мусульманской идентичности по отношению к кочевникам не нужно было применять, чем к оседлому населению из-за невысокого уровня исламской доминанты.

Что касается принципа ограничения распространения ислама у кочевых народов, то известный исламовед Паоло Сартори

⁸³ Лысенко Ю.А. Правовое положение мусульман центрально азиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко, М. Ф. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 114.

⁸⁴ Sadvakassov II. A history of Islam in Central Asia / II. Sadvakassov, Gu. Bedelova // Imperial Journal of Interdisciplinary Research. 2017. Vol 3, Issue 4. P. 1782.

в своей статье описывал понимание шариата среди казахов как правовую систему, которая была и должна быть предметом переговоров, и открыта для переосмыслиния⁸⁵. Кочевники на протяжении долго времени фактически объединяли свои племенные традиции и мусульманское право. Например, при рассмотрении жалобы по поводу кражи лошади, применялись правила доказательства из местного племенного права⁸⁶. На самом деле, использование норм племенного права существенно отличается от исламского права. Таким образом, российской администрации необходимо было поддерживать сложившуюся систему судопроизводства. В добавлении к этому хочется отметить, что уровень исламского сознания у населения в Туркестане прямо пропорционален уровню урбанизации. Чем выше уровень урбанизации, тем выше уровень мусульманской идентичности. Кочевники не селились в населённых пунктах, и это было достаточно выгодно для властей, когда они оставались в отдалении от городов на своей территории.

4. Институциональная сегрегация.

Данный пункт в меньшей степени выражен, чем остальные, но всё же имеет место быть. Открытой сегрегации по этническому и конфессиональному признаку в Туркестане явно не наблюдалось (по реалиям начала XX века), но всё же, если мы обратимся к статистике, то её можно выявить.

Табл. 1. Представительство населения в Ташкентской городской думе первого созыва⁸⁷

Население	Численность населения	Число мест в городской думе	Представительство чел./место
Местное	80000	21	3810 чел. / место
Русское	3921	48	82 чел. / место
Всего	83921	69	1216 чел. / место

⁸⁵ Sartori P. The Birth of a Custom: Nomads, Sharta Courts and Established Practices in the Tashkent Province, ca. 1868-1919 // Islamic Law and Society. 2011. № 18. P. 323.

⁸⁶ Ibid. P. 324.

⁸⁷ См.: Алимова Д.А. Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Издательство полиграфической компании «Шарк», 2001. С. 132.

Как можно видеть из табл. 1. русское население имело определённые преференции по отношению к местному мусульманскому населению. Тем не менее, такие диспропорции представлена в городской думе могло быть связано, с отсутствием соответствующим образом подготовленных кадров среди местного населения.

Подведём итоги. Радикализм в Туркестане начала XX века (1914 год) принял достаточно широкий размах, в том числе, на общем фоне революционных настроений в России. Роль духовенства среди простого народа продолжала оставаться достаточно значимой. Муллы, например, отговаривали людям отдавать своих детей в русско-туземные школы, так как мальчиков, по их убеждениям, могли там окрестить⁸⁸. При этом провалилась и политика изоляции – духовенство сохранило тесные связи, например, с Османской империей.

Попытка «игнорирования ислама» создала параллельную реальность, в которой латентно мог усиливаться религиозный фанатизм среди населения. В частности это вылилось в Андижанское восстание в Ферганской долине и в другие более мелкие столкновения.

Политика просвещения и секуляризации образования тоже мало принесла плодов для Российской империи с целью нивелирования «светского» и «религиозного» экстремизма, исходящего, по их мнению, от ислама. Многие просветители сочувствовали идеям панисламизма и пантюркизма. Современники (из числа местного отделения охранки) подчёркивали, что турки часто совершают поездки в Туркестан, собирают денежные средства и ведут агентурную деятельность⁸⁹.

Однако политика «игнорирования ислама» фактически потерпела поражения, так как не добилась своей цели – гармоничной интеграции Туркестана в состав Российской империи, о чём свидетельствовало дальнейшее развитие басмаческого движения после революционных событий 1917 года.

⁸⁸ Мухамедов Ш.Б. История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 301.

⁸⁹ Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867 – 1914): автореф. дис... к. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 15.

СЕКУЛЯРИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НУРСИЗМ КАК ФАКТОР ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920–1960 гг.).

А.А. Закиров

Турция в 1920-1930-е годы XX века вступила на путь обновления и модернизации различных сфер общественно-политической жизни общества и государства. Одним из первых шагов на этом пути стало провозглашение национального турецкого государства с республиканской формой правления 29 октября 1923 г. после окончания национально-освободительной войны. М. Кемаль считал, что основная причина отсталости и поражения империи в Первой мировой войне – это приверженность ко многим изжившим себя исламским нормам. Первым делом М. Кемаль решил избавиться от засилья религии во всех сферах общественной жизни, кроме самой религиозной и провел серию реформ секуляризации общества, считая, что для осуществления модернизации следует освободить национализм от влияния религии. На открытии сессии парламента второго созыва 1 марта 1924 г. он заявил о видении роли ислама в обществе: «Необходимо сделать так, чтобы наша священная религия ислам, принадлежностью к которой мы гордимся, тоже не была больше средством политики, каким она являлась в течение многих веков. Это будет только способствовать ее возвышению. И ради земного, и ради потустороннего счастья нам настоятельно необходимо как можно скорее полностью освободить нашу религию, наши верования от влияния старой политики, старых политических институтов, служивших корыстным интересам узких групп»⁹⁰. Лидер молодого турецкого государства в выступлениях многократно отмечал, что он не является противником ислама, а ограничивает его лишь религиозной сферой. Ислам в качестве государственной религии был прописан во второй ста-

⁹⁰ Кемаль Ататюрк Избранные речи и выступления. М., 1966. – с. 366

тье конституции Турции от 20 апреля 1924 г. и был исключен лишь в 1928 г. Таким образом, в Турции появился разрешенный «государственный» ислам⁹¹. Была национализирована религия как один из важнейших этапов реформирования нового общества и страны.

В марте 1924 г. был ликвидирован халифат и все члены правящей османской династии были высланы из страны. Было упразднено министерство по делам религий и вакуфов, духовенство лишили накопленных богатств, религиозные учебные заведения были закрыты, создано министерство просвещения. В 1925-1928 гг. были приняты гражданский и уголовный кодексы по аналогии с европейскими. Полигамия попала под законодательный запрет, женщина получила равные права с мужчинами в вопросах брака и развода. Ввели европейский календарь и летоисчисление, латинская графика сменила арабский алфавит. Турецкий язык был максимально очищен от арабских и персидских заимствований, в Анкаре и Стамбуле были открыты светские высшие учебные заведения.

В 1931 г. Народно-республиканская партия (далее НРП) представила свою развернутую программу и устав. Эмблемой партии стали «шесть стрел» – программа построения нового турецкого общества, которую впоследствии стали именовать кемализмом. Шесть принципов включали в себя: республиканство, национализм, народничество (общество национальной гармонии, единство турецкого народа), этатизм (регулирование национальной экономики, где главенствующая роль принадлежит государственному сектору), лаицизм (отделение религии от государства, а не борьба с самой религией) и революционизм⁹².

В 1932 г. в Уголовном кодексе в ст. 526 был закреплен запрет на произнесение призыва к молитве и чтение Корана на арабском языке. М. Кемаль говорил: «Турок верит в Книгу, но не понимает, о чем в ней идет речь. Он сам должен сознавать, что именно он в ней ищет»⁹³. При этом он за теоретическую

⁹¹ Киреев Н.Г. История Турции XX век. – Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – с. 170

⁹² Розалиев Ю. Н. Мустафа Кемаль Ататюрк: очерк жизни и деятельности. – М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1995. – с. 40.

⁹³ Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal. – 1964. – p. 486.

основу избрал работы Зии Гек Алпа, который считал, что религиозное богослужение и литература должны быть переведены на турецкий язык.

Во всех постановлениях и законах в этот период прослеживается тенденция к секуляризации общественной жизни и модернизации страны по европейской (французской) модели. Еще в 1922 г. М. Кемаль в интервью говорил, что «турецкая демократия, хотя и следовала по пути, начатом Французской революцией, развивалась со своими, присущими ей особенностями. Ибо каждый народ осуществляет свою реформацию согласно требованиям и закономерностям, соответствующим собственному обществу, согласно внутренней обстановке и положению, согласно требованиям времени»⁹⁴.

В 1943 г. на 6 съезде Народно-республиканской партии (далее НРП) президент Турции Исмет Иненю заявил: «Наш недостаток – отсутствие оппозиционной партии»⁹⁵. Многолетние общественные дискуссии по поводу сохранения однопартийной системы стали причиной внутрипартийного политического кризиса. В результате этого кризиса 4 члена НРП во главе с А. Мендересом вышли из партии и в январе 1946 г. зарегистрировали Демократическую партию (далее ДП). На следующих выборах от 4 мая 1950 г. ДП выиграла парламентские выборы, получив 408 мест в парламенте страны. С самого начала правления ДП начинает проводить политику кооптации определенных исламо-ориентированных групп в политическую систему с целью расширения электоральной базы. В результате этой политики ДП смогла консолидировать своих сторонников в обществе и выступить как связующее звено между обществом и государством, а государство, осознав значимость исламского фактора, предпринимало шаги для нормализации политики в отношении исламских институтов и неофициальных религиозных объединений⁹⁶. В качестве мер нормализации были предприняты следующие шаги: отмена чтения азана на

⁹⁴ Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М.: Наука, 1991. – с. 79

⁹⁵ Киреев Н.Г. История Турции XX век. – Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – с. 283

⁹⁶ Yavuz M.H. Islamic Political Identity in Turkey. Oxford: Oxford University Press, 2003. – с. 62

турецком языке, включение религиозных предметов в учебную программу средней школы, открытие школ имам-хатибов в крупнейших городах страны⁹⁷. В этот период новое религиозное движение «Нурджулар» (деятельность международной религиозной организации «Нурджулар» запрещена решением Верховного суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 г. и признана экстремистской) получает относительную свободу в распространении своих идей и расширяет широко разветвленную сеть ячеек по всей Турции. Согласно данным прокурора г. Афьон, численность последователей движения достигает до 600 000 человек⁹⁸.

В 1950-е г. идеологемы религиозного движения «Нурджулар» становятся одним из самых обсуждаемых тем в контексте десекуляризационных тенденций в турецком обществе. Свободное передвижение лидера движения «Нурджулар» С. Нурси и реабилитация его трудов рассматриваются как признаки кризиса секуляризма и довод в пользу существования реакционного ислама. Обсуждается вопрос места и роли С. Нурси в деле возврата к реакционному исламу времен Османской империи и причины распространения его движения. Исследователи отмечают, что успех движения был обусловлен тем, что лидер движения предложил свою версию науки, основанную на религиозных текстах, которая в отличие от позитивизма, смогла синтезировать научные и религиозные знания. К нему также добавляют тексто- и источникоориентированность этого движения⁹⁹. В качестве политических причин, Ш. Мардин считает, что распространению движения способствовал антирелигиозный дискурс НРП и ее политика вытеснения религии из общественной жизни. Последователи С. Нурси рассматривали собрание сочинений лидера группы как источник, который реанимировал религиозные идеалы в повседневной жизни¹⁰⁰.

⁹⁷ Киреев Н.Г. История Турции XX век. – Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – с. 300

⁹⁸ Vahide Sh. «The Life and Times of Bediuzzaman Said Nursi». Muslim World №89 no. 3–4, 1999. p. 208.

⁹⁹ Yavuz, Hakan M. Islamic Political Identity in Turkey. Oxford: Oxford University Press, 2003. p. 151

¹⁰⁰ Mardin Sh Religion and Social Change in Modern Turkey: The Case of Bediuzzaman Said Nursi. Albany: State University of New York Press, 1989. p. 227

Широкое распространение движения «Нурджулар» не осталось незамеченным со стороны секуляристской оппозиции. Оппозиционная НРП обвинила ДП в сотрудничестве с реакционными силами общества и в нарушении принципов секуляризма. Консервативно настроенные националистические круги назвали А. Мендереса «мусульманским премьер-министром», обвиняя его в том, что он использует религиозную повестку в политических целях. Об этом свидетельствует речь А. Мендереса в 1956 г. в г. Конья, которая положила конец осторожной и взвешенной политике партии в отношении религиозного вопроса. Его популистский политический дискурс предполагал более широкое применение религиозных символов, выражений и практики на общественно-политической арене. А. Мендерес сказал, что секуляризм предполагает не только отделение религии от государства, но и свободу совести и вероисповедания. В качестве одной из мер реализации конституционных прав, лидер ДП предложил включить в учебную программу средней школы преподавание религиозных предметов. Принесение в жертву тысяч жертвенных животных в праздник Курбан-байрам в городах Анкары и Стамбула, посещение политическими лидерами гробницы Эюп Султана во время предвыборной кампании 1957 года стали следствием трактовки прав и свобод. В том же году во время предвыборной кампании А. Мендереса встречали в г. Эмирдаг зелеными флагами. Зеленый флаг в Турции исторически ассоциировался с инцидентом Кубилай 1930 г. как символ, который противопоставлялся красному флагу секуляристской Турции. В 1957 г. в парламент страны был избран Тахсин Тола как представитель г. Спарта – один из активистов движения «Нурджулар» и самых преданных последователей С. Нурси. Позднее он будет ходатайствовать перед А. Мендересом о содействии издания собрания сочинений «Рисале-и Нур».

В 1956 г. С. Нурси получил право свободно передвигаться по городам Стамбул, Анкара, Спарта, Конья и др. Завершился суд в отношении собрания сочинений С. Нурси, продолжавшийся в г. Афьон. Совет управления по делам религии, изучавший «Рисале-и Нур», выдал положительное заключение, в котором

были перечислены достоинства собрания сочинений «Рисале-и Нур». Опираясь на это заключение, суд г. Афьон постановил оправдать произведения «Рисале-и Нур» и предоставить право в свободном распространении. В 1958 г. по инициативе ДП началось вещание на государственном радио передач на религиозную тематику и цитирование Корана. Отмечается, что только в 1959 г. 5 представителей ДП, включая Т. Толу, посетили С. Нурси в меньшей мере 5 раз в рамках координации действий с ним. Просьба же представителей НРП встретиться С. Нурси была отклонена¹⁰¹. С. Нурси негласно призвал поддержать ДП на выборах как партию, которая противодействует атеистической и коммунистической угрозе, моральному разложению общества и содействует распространению собрания сочинений «Рисале-и Нур». Он считал, что НРП является рассадником безбожных течений и наносит вред духовно-нравственному состоянию турецкой нации. Ученики С. Нурси под руководством М. Сунгура писали: «Совет братьям демократам! В это время предсмертной агонии слуг масонов минувшей безжалостной эпохи, которые под властью диктаторов терзали религию, веру, душу и жизнь нашей страны, их самым единственным оружием против демократов является то, что они стараются показать их, по сравнению с собой, ещё более безбожными. Одна их часть, окутавшись завесой религиозности, ведёт пропаганду, что демократы не обеспечат обещанную ими народу религиозную свободу. Другая же их часть, обвиняя демократов в поддержке реакционности, старается таким образом препятствовать их сторонничеству свободе религии. Тем самым склоняют демократов, также как они сами, разрушать религиозные устои и проявлять суворость в отношении деятелей религии. То, что Демократическая Партия, не успев взять в руки власть, проявила суворость против коммунистов и с другой стороны дала свободу Азану Мухаммада (Мир Ему и Благо), пробудило к демократам народную любовь и принесло им двадцатикратно большую силу, что встревожило «Народников». Поскольку демократы вполне способны понять, что их предшественников привела в такое пла-

¹⁰¹ Nursi Bediüzzaman Said. Emirdağ Lâhikası. İstanbul: Sözler. 2004. – s. 207

чевное положение их прежняя политика притеснений в отношении людей религии и учеников «Рисале-и Нур», являющихся последователями Корана, то мы уверены, что они (демократы) не попадут в их ловушку. Знаменитые лозунги прежней эпохи общеизвестны. Если демократы хотят обеспечить длительность своего правления, то им необходимо следовать политике, абсолютно противоположной этим лозунгам. С одной стороны нужно проявлять суворость к коммунистам, а с другой – поддерживать религию и верующих. Они вынуждены открыто и мужественно идти по этому пути. Самая маленькая слабинка в этом отношении, или самая мелкая неискренность свалит их в яму «Народников»¹⁰².

В начале 1960 г. лидер НРП И. Иненю выступил с речью в г. Бурса, обвиняя членов ДП в использовании религии в политических целях. В частности, он обвинил лидеров ДП в поддержке С. Нурси и его движения. И. Иненю считал, что поездки С. Нурси по крупным городам Турции – это одна из мер пропаганды в пользу ДП и поддержки А. Мендереса. И. Иненю потребовал от премьер-министра расследовать связи ДП и движения «Нурджулар». В качестве доказательства, И. Иненю приводил письмо С. Нурси, которое было направлено мэрам городов Восточной Анатолии. В этом письме, адресованном представителям ДП, С. Нурси утверждал, что «угроза распространения коммунизма миновала восточные провинции Турции благодаря его работам, которые читают 60000 его учеников. Он также требовал свободной печати собрания сочинений «Рисале-и Нур», который внес огромный вклад в борьбе против коммунизма и свободного масонства. Он также добавил, что верит в помощь мусульманских демократов по этому вопросу, в частности в А. Мендереса, Т. Илери (министр образования) и Н. Гедика (министр внутренних дел).

А. Мендерес отверг эти обвинения и заявил, что ДП не нуждается в поддержке 93-летнего немощного старика. Он указывал, что право свободного передвижения гарантировано конституцией Турецкой Республики. Руководство ДП не рассматривало

¹⁰² Нурси С. История жизни /Перевод с турецкого Hizmet Vakfi Yayınlari. Istanbul: Hizmet Vakfi Yayınlari, 2013. – с. 647

поездки С. Нурси как одно из проявлений реакционного ислама «иртиджа» и его движение как реакционную организацию. Лидер ДП высказывался по поводу С. Нурси осторожно и публично не поддерживал его.

1 января 1960 г. С. Нурси приехал в г. Стамбул и тем самым вызвал ажиотаж среди журналистов, которые сопровождали его во время поездки в надежде узнать причину его поездок по городам Турции. В ответ вместо интервью они получили проповеди и пропаганду в пользу нурсизма. С. Нурси был обвинен в лжепророчестве и в стремлении создать миф вокруг своей личности. На следующий день С. Нурси вместе со своими сподвижниками уехал в Анкару и там провел свою последнюю лекцию¹⁰³. 6 января он уехал в г. Конья по семейным обстоятельствам. Когда общественные дискуссии вокруг личности С. Нурси и его движения немного утихли, правительство порекомендовало С. Нурси прекратить поездки по стране и уехать в г. Эмирдаг. Однако, несмотря на эти рекомендации, 11 января 1960 г. С. Нурси попытался въехать в столицу, но полиция воспрепятствовала его въезду, и он вынужденно прекратил поездки¹⁰⁴. После этих событий имя С. Нурси не упоминается в СМИ до дня своей смерти в г. Урфа, т.е. до 23 марта 1960 г.

В заключение следует сказать, вопрос секуляризма в Турции с самого начала создания Турецкой Республики зависел от множества акторов. Новое религиозное движение «Нурджулар» как продолжение реакционного ислама Османской империи сыграло важную роль в общественно-политической жизни страны. Х. Явуз отмечает, что кемалистский проект национализма и секуляризма содействовал конструированию «оппозиционного и идеологизированного ислама». Поэтому реакционное религиозное возрождение в виде образования нетрадиционных религиозных движений становится внутренним противоречием кемалистского модернизма. В этом отношении примечателен и факт трансформации кемализма под воздействием различных подходов в понимании секуляризма. Секуляризм НРП акцентировал

¹⁰³ Nursi Bediüzzaman Said. Emirdağ Lâhikası. İstanbul: Sözler, 2004. – s. 213 – 218

¹⁰⁴ Şahiner N. Bilinmeyen Taraflarıyle Bediüzzaman Said Nursi. 13th ed. İstanbul: Yeni Asya, 2001. – p. 429.

внимание на страхе возврата реакционного ислама, в то время секуляризм ДП предполагал свободу вероисповедания в религиозном вопросе. Соответственно, общественные дискуссии вокруг личности С. Нурси и его движения – это результат политической борьбы за избирателей и манипулирование прошлым С. Нурси, связанный с реакционными исламистскими кругами и с подпольным характером деятельности его движения. Противоборство двух оппозиционных тенденций в общественно-политической жизни Турции – синтеза авторитарной «турецкой демократии», нурсизма и секуляризма кемалистской Турции – и постепенное преобладание первой впоследствии послужили причиной военного переворота от 3 мая 1960 г., когда Джамал Гюрсел, главнокомандующий сухопутными силами, направил министру обороны Э. Мендересу меморандум с требованием отставки президента республики и правительства.

РАЗДЕЛ 3. ДЖИХАДИЗМ КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

ДЖИХАДИСТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА

Р.Ф. Патеев

В изучении радикальных джихадистских групп сегодня применяется большое количество методов. Субкультурный подход раскрывает глубинные механизмы возникновения малых социальных групп и характер их внешних проявлений. Следует учитывать, что кроме формирования протестной религиозной идеологии в данных группах происходит социальная организация и создание локальной культурной системы: мировоззрения, стереотипов, образцов поведений, кодексов чести, сленга, внешнего символического и творческого проявления, стиля одежды, и т.д. Наиболее удачный пример описания социокультурных особенностей формирования джихадистских групп представлен британским криминологом Сайманом Котти в статье: «Джихадизм как субкультурный ответ на социальное давление»¹⁰⁵. Автор опирался на эмпирические данные известных специалистов в области изучения джихадизма, в частности Марка Сейджмана, который предлагал свой взгляд на «три волны» последователей «Аль-Каиды».

В публикациях автора представлены следующие обобщенные выводы об особенностях лиц, которые причастны к проявлению джихадистского радикализма:

– это молодые люди, которые присоединились к «джихаду» в возрасте 20-30 лет;

¹⁰⁵ S. Cottee. Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's «Bunch of Guys» Thesis // Terrorism and Political Violence, 23:5. P. 730-751.

– представители т.н. «первой» и «второй» волны Аль-Каиды были выходцами их состоятельных классов Ближнего Востока, а члены третьей волны (возникшей после вторжения западной коалиции в Ирак) – это молодёжь с более низким социальным происхождением. Многие из них сами «нашли Аль-Каиду» и, выступая от ее имени, примкнули к ней в интернет-пространстве. Сеть предлагает им видимость единства и целеустремлённости и выступает «тренировочным лагерем».

– среди представителей третьей «волны» прослеживается более низкий образовательный статус и положение в экономической структуре (есть среднее по уровню образование, но большинство из джихадистов имели неквалифицированную работу);

– большинство из них (это около 80%) переживали сложное давление социокультурных факторов: нахождение за пределами родной культуры (миграция), либо конфуз идентичности – разрыв между традиционной культурой своих родителей и новой средой (мусульмане-мигранты в Западной Европе, живущие в секулярном обществе);

– подчеркивается наличие в данной среде большого количества лиц с криминальным прошлым (по отдельным срезам примерно $\frac{1}{4}$ часть);

– почти 50% примкнувших к джихадистским группам сделали это под влиянием друзей, либо родственников (около 25%). Они солидаризировались с такими же молодыми ребятами в местных мечетях, где встретили друзей, родственников и стали «кучкой парней», обиженных на общество в целом¹⁰⁶.

Фактором, на который обращает внимание С. Котти, является наличие большого количества людей, многократно переживших состояние фрустрации. Это хорошо демонстрируется на конкретных биографических данных. В частности, приводятся сведения об особенностях биографии Мохаммеда Буйери, убийцы нидерландского кинорежиссёра Ван Гога, которое

¹⁰⁶ Обобщенные эмпирические данные были представлены в двух работах Марка Сейджмана. См.: Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008; M. Sageman. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

было совершено в Амстердаме в ноябре 2004 года. В частности, описывается целая череда неудач молодого европейского мусульманина, воспитанного в мигрантской среде¹⁰⁷.

Британским специалистом предлагается использование понятия делинквентной субкультуры, которое было разработано криминологом Альбертом Коэном в результате глубинного изучения молодежных американских банд в 50-е годы XX века, действовавших на окраинах крупных городов. Основой делинквентного поведения становятся фрустрации (разочарования, неудачи). Неблагоприятное положение в классовой структуре приводит молодежь из низших слоев к отставанию в школе. Следует отдельно добавить, что родителям, как правило, некогда заниматься детьми, поскольку они значительное время тратят не на их воспитание, а на трудовую деятельность с целью материального обеспечения. Как следствие, у подростков отсутствует дополнительная домашняя подготовка и у молодых юношей падает интерес к учебе. Они характеризуются как отстающие, что унижает их это и приводит к испытанию «статуса разочарованного». Создание банды и является коллективной реакцией на фрустрации в результате данного социального давления. Это ответные меры против норм, из-за воздействия которых пострадало это юношество. Поэтому они стремятся определить достоинства с точки зрения противоположности господствующих норм поведения и санкционировать агрессию против тех, кто служат примером в их применении. А. Коэном подчеркивается негативистичность делинквентной субкультуры: удовольствие от дискомфорта других, наслаждение от нарушения запретов; злоба к тем, кто не является членом группы, «терроризирование отличников». Важное значение в делинквентной субкультуре имеет физическая сила и готовность проявить насилие. Устоявшиеся социальные нормы для делинквентной банды являются не просто обременительными, они должны открыто попираться в соответствии с культурой банды. Центральным становится тезис о неутилитарности делинквентного поведения: они крадут вещи

¹⁰⁷ S. Cotttee. Ibid. P. 739-740.

не из материальных соображений, воруют «просто ради удовольствия». Эта деятельность, как и другие правонарушения, ценится сама по себе и повышает личный статус перед членами банды¹⁰⁸.

С. Котти в данном случае проводит параллели между формированием делинквентных групп и молодежной волной джихадизма. По его мнению, это коллективное решение молодых вестернизованных мужчин-мусульман для разрешения своих двух проблемы: статуса разочарования и конфуза идентичности. В данном случае происходит избавление от предыдущих неудач, они интерпретируются как целенаправленная политика против мусульман. С. Котти отмечает: «*Столяр претерпевает радикальную трансформацию себя: он становится святым воином, праведным братом... в его руках все необходимое, чем можно объяснить или оправдать насилистенные ответные меры против источника его состояния разочарования и конфликта идентичности – единого демонического Запада, населенного неверными*»¹⁰⁹.

В случае джихадистских групп, формирование локальных общинств происходит достаточно однообразно. Возникшая локальная группа объявляется «истинной общиной», что для членов джамаата решает проблему конфуза идентичности в контексте ее соотнесения с уммой (мировым исламским сообществом). Все общество, включая несогласных с их идеологией мусульман, обвиняется в джахилии, т.е. невежестве. Противоположная сторона наделяется негативными характеристиками: кяфиры (неверные), муртады (отступники), мунафики (лицемеры). Члены джихадистской группы напротив, становятся настоящими братьями (ахи) и сестрами (ухти), которые главный способ решения своих проблем видят в терроризировании общества посредством собственной интерпретации «джихада». Совершаемые группой деяния происходят не столько для реа-

¹⁰⁸ Albert K. Cohen, *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. New York: The Free Press, 1955.

¹⁰⁹ S. Cottee. *Ibid.* P. 739.

лизации религиозного миропонимания, а скорее в целях самоутверждения среди членов локальной субкультурой общности, где радикальное действие представляется более «праведным» поступком.

С. Котти описывает подобную радикализацию как «подавляющую контруктуру», и указывает, что она представляет собой бесспорядочное усваивание элементов западной молодежной культуры. Приводится мнение итальянского эксперта Лоренцо Видино, который отмечает, что происходит формирование «гибридной уличной культуры», наблюдалась у мусульманской молодежи в различных европейских городах. Многие молодые мусульмане ведут вполне светский образ жизни: носят рэпперскую одежду, употребляют алкоголь, наркотики. Одновременно они смотрят видео джихадистов и хранят фотографии Усамы бен Ладена в телефонах: «*Любой человек, который обрушивается на господствующее общество, становится героем для этих подростков, будь то Абу Мусаб аз-Заркави или покойный американский рэппер Тупак Шакур*»¹¹⁰.

В джихадитской субкультуре господствуют нарративы, которые представлены несколькими сюжетами: джихад против неверных, господство джахилии (невежества) в современном обществе, романтизация «джихада»; доблесть воина, сражающегося на пути Аллаха; наслаждение в раю; предопределенность судьбы «муджахеда» и т.д. При этом джихадистский субкультурный стиль формируется под взаимным влиянием образцов западной культуры, что отражается в большом количестве аудио, видео и текстового контента, активно представленном в сети Интернет. В частности, образ «воина-моджахеда» представлен в виде солдата, экипированного современным обмундированием и вооруженным автоматом АК-47. Романтизация «джихада» происходит через формирование ассоциаций, представленных в форме молодых мусульманских девушки, ис-

¹¹⁰ Lorenzo Vidino. Current Trends in Jihadi Networks in Europe // Terrorism Monitor 5, № 20. 25 October 2007. <https://jamestown.org/program/current-trends-in-jihadi-networks-in-europe/>

пользующих современный макияж и образ сердца как символ любви к «моджахеду». В отдельных случаях представлены идеи необходимости ведения электронного джихада с использованием современных информационных технологий. Используются т.н. демотиваторы, где через создание ассоциативных образов текста и изображения отражаются призывы к мусульманам совершать диверсии, в том числе, на технологических объектах. При этом деятельность так называемых «моджахедов» ставится в пример в среде современных неонацистских групп¹¹¹. Таким образом, джихадистская субкультура – это не только доминирование определенной интерпретации мусульманской культуры, но и смешение, эклектика с западной культурой, в том числе, обусловленной глобальными социокультурными трансформациями и обратным частичным влиянием на другие радикальные течения¹¹².

Тем не менее, возникает противоречие, связанное с описанием западными исследователями наличия большого количества лиц, причастных к террористическим группам, которые находились в миграции, либо жили за пределами родной культуры и переживали конфуз идентичности (в первую очередь, в отношении представителей 2-го и 3-го поколения мигрантов в Западной Европе). В России лица, активно вовлекаемые в джихадистскую деятельность, в своем большинстве представители коренных народов. Однако это не противоречит, а скорее только подтверждает приводимые западными исследователями тезисы. Здесь выделяются следующие моменты. Во-первых, ска-

¹¹¹ Автор обладает достаточно большим объемом подобного контента на арабском, русском, английском и турецких языках. Однако его демонстрация в представленном материале невозможна по двум соображениям. Во-первых, хочется избежать открытого размещения материалов экстремистского содержания. Во-вторых, дать развернутый анализ представленного контента не представляется возможным в связи с ограниченностью объема представленной работы.

¹¹² Примечательно, что тезис об «исламизации радикализма» так же приводится французским востоковедом Оливье Руа. См.: Isaac Chotiner. The Islamization of Radicalism. Olivier Roy on the misunderstood connection between terror and religion // Slate (magazine). 22 June 2016. http://www.slate.com/articles/news_and_politics/interrogation/2016/06/olivier_roy_on_isis_brexit_orlando_and_the_islamization_of_radicalism.html

зываются процессы продолжающейся урбанизации. Причем в некоторых регионах, в частности на Северном Кавказе, процессы модернизации все еще не завершены и имеют значительный потенциал дальнейших трансформаций, в том числе, связанный с переселением сельских жителей в города¹¹³.

Во-вторых, как показывает практика, в радикальную деятельность активно вовлекаются жители из периферии (в т.ч. внутренние мигранты), которые, так же как и мигранты из-за рубежа, переживают сложные мировоззренческие трансформации в условиях урбанизации и переезда из родных мест проживания в крупные города. В-третьих, характер глобализационных процессов затрагивает глубинные корни социокультурных основ общества, в том числе, связанных с трансформацией идентичности. К этому также добавляется распространение нигилизма, потребительской культуры и т.д., что порождает соответствующий запрос на мораль. Ответы на подобные запросы могут быть разнообразны, в том числе, связаны с радикальной реакцией и вовлечением или созданием джихадистских групп.

Современные формы зародившейся в России субкультуры джихада относят нас к трагическим событиям двух чеченских военных кампаний. По мнению социолога Г. Дерлугьяна, одним из основополагающих факторов конфликта в Чеченской Республике была победа молодых амбициозных лидеров из сельской глубинки¹¹⁴. Почти все они пытались получить высшее образование, но не смогли поступить, либо успешно доучится в престижных советских ВУЗах. Многие из них работали в нестатусных сферах, либо испытали другие разочарования

¹¹³ К примеру, достаточно сравнить уровень урбанизации основных мусульманских республик России в Поволжье и на Северном Кавказе. В Республиках Башкортостан и Татарстан численность жителей проживающих в городах достигает 60,4% и 75,4% соответственно. Данные показатели существенно отличаются от Республики Северного Кавказа: Чечня – 35%; Ингушетия – 38,3%; Карачаево-Черкессия – 42,3%; Дагестан – 45,3%; Кабардино-Балкария – 54,5%. См.: Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб./Росстат. М.: ИИЦ Статистика России, 2011. С. 16-19.

¹¹⁴ Данные о роли сельского населения как в конфликте вокруг Чечни, так и других зонах Кавказа, достаточно подробно были представлены в работе автора переведенной на русский язык. См.: Г. Дерлугян. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 560 с.

вроде отказа во вступлении в КПСС¹¹⁵. В данном случае, они так же испытывали фрустрации, но в отличие от других национальных субъектов России, молодым чеченским общественным активистам удалось потеснить представителей высших слоев партийной номенклатуры и стать лидерами протестного движения.

В Чеченской Республики лидером «революции» начала 90-х XX века стал военный генерал Джохар Дудаев. По мнению Г. Дерлугьяна, «первое вторжение российских войск в 1994–1996 гг. привело к чудовищным разрушениям и почти начисто стерло остатки городской культуры. Реакцией чеченцев на вторжение стало вооруженное сопротивление, основу которого составила молодежь из обширных городских окраин и социально консервативных горных районов»¹¹⁶. Д. Дудаев окружил себя молодыми амбициозными людьми, которые сыграли драматичную роль в последующих событиях, в том числе, после смерти бывшего советского генерала чеченского происхождения.

В конце советского периода костяк молодых религиозно-политических лидеров чеченского конфликта, в основном, представляли комсомольские круги, которые во времена перестройки в значительной степени были носителями протестного потенциала в борьбе за статусные позиции в нарождающейся общественной структуре постсоветского общества. Во время трагических событий середины 1990-х для многих представителей чеченского сепаратизма исламские лозунги были в новинку, но они были эффективны в плане мобилизации. Примечательно, что достаточно популярной среди них стала «бардовская песня

¹¹⁵ Подобного рода сюжеты хорошо просматриваются в общеизвестных биографических данных людей, которые стали «ядром» чеченского сепаратизма. Известно, что Ш. Басаев родился в с. Дышне-Ведено в 1965 г. Работал разнорабочим в совхозе и многократно пытался поступить в ВУЗ. Он стал студентом Московского института инженеров землеустройства, но в 1988 г. был отчислен за неуспеваемость. С. Радуев родился в провинциальном городе Гудермес в 1967 г. Работал сварщиком, состоял на комсомольских должностях и даже успел вступить в КПСС. Учился в Институте народного хозяйства в Ростове-на-Дону, но не окончил его и был отчислен. М. Удугов родился в с. Герменчук в 1962 г. Пытался поступать в МГУ, но безуспешно. Сумел закончить ВУЗ только в Чечено-Ингушетии. Был кандидатом на вступлении в КПСС, но в партию принят не был. Схожие биографии прослеживаются у многих чеченских религиозно-политических активистов периода двух военных конфликтов.

¹¹⁶ Г. Дерлугян. Указ соч. С. 45.

джихада», автором-исполнителем которой был Т. Муцураев¹¹⁷. Его творчество хорошо ложилось не только на ставшие актуальными религиозные лозунги, но и переплеталось с протестными мотивами творчества В.С. Высоцкого, ставшего особенно популярным именно у советского поколения 60-х XX века.

Дальнейшие драматические события вокруг Чечни, связанные с т.н. «второй кампанией», а также вооруженные конфликты в других республиках Северного Кавказа, способствовали возникновению «новых волн» молодежи, примкнувшей к джихадистским группам. Как правило, это были молодые люди с различным происхождением. Среди них, в том числе, были лица с высоким образовательным статусом¹¹⁸, были люди русского происхождения, а также представители смешанных браков, переживавшие тот самый конфуз идентичности¹¹⁹. Конечно же, важную роль играли и представители северокавказской молодежи, чей период активной социализации проходил на фоне трагических событий, связанных с военными кампаниями в Чеченской Республике.

В Поволжье, в частности в Татарстане, не было драматичных событий, подобных перипетиям Северного Кавказа. Здесь сказывались другие сложные процессы, которые были связаны с непростыми социокультурными трансформациями крупных городов. Всем достаточно хорошо известен «казанский феномен», который был связан с позднесоветским разгулом преступности в крупных городах Республики Татарстан. Об этом

¹¹⁷ Родился в г. Грозном в 1976 г. Лично принимал участия в боевых действиях. Значительная часть песен музыканта посвящена чеченской войне и исламу: «Единобожие», «Великий Джихад», «12 тысячи моджахедов», «Инша Аллах, сады нас ждут» и т. д. Аудиозаписи активно распространялись во время 1-й и 2-й чеченской кампаний. Почти весь репертуар певца попал в Интернет. Часть песен внесена в Федеральный список экстремистских материалов Российской Федерации. Т. Муцураев вернулся к мирной жизни и с 2008 г. проживает в Чечне. См.: Тимур Муцураев: Певец джихада призывает к миру? ИА REGNUM. 29 июня 2008 г. // <https://regnum.ru/news/1021013.html>

¹¹⁸ Купинов М. В бандподполье идут не от бедности. Сетевое издание «Сегодня.ру». 02 декабря 2010 // <http://www.segodnia.ru/content/13539>

¹¹⁹ Среди таких достаточно вспомнить целую череду представителей бандподполья, которые имели славянское происхождение, либо являлись представителями смешанных браков: Александр Тихомиров (Саид Бурятский), Павел Печенкин (Ансар Ар-руси), Денис Сайтаков, Руслан Спиридовон (Муслим), Анатолий Землянка (Джихади-Толик) и др.

было достаточно много сказано и написано. Многие представители криминальных кругов впоследствии пополнили различные радикальные группировки, где криминальная субкультура тесно переплеталась с джихадистскими мотивами. В частности, достаточно показательна группа т.н. «Амира муджахедов Татарстана» Раиса Мингалиева, причастного к драматическим событиям лета 2012 г., связанным с убийством Валиуллы хазрата Якупова и покушением на муфтия Ильдус хазрата Файзова. Группа была не только представлена выходцами из ОПГ¹²⁰, но после ее разгрома долгое время пыталась заниматься коммерческой деятельностью¹²¹, однако испытав неудачу, очевидно, подверглась эффекту коллективной фрустрации.

В этом отношении даже поверхностный анализ биографических данных говорит о достаточной эвристичности субкультурного подхода в анализе отечественных джихадистских групп. При этом само проявление джихадистской субкультуры рассматривается как выработка различных символов и смыслов, которые наполняют идентичность и связывают желания, чувства, эмоции и мысли. Проявляется это в форме становления джихадистского сленга¹²²; использования жестов, кричалок¹²³, создания особого стиля одежды; джихадистского творчества и романтизации (песни, музыка, демотиваторы, компьютерные игры и т.д.).

¹²⁰ Убить муфтия. Сайт «IslamReview.Ru». 01 июня 2014 // <http://islamreview.ru/politics/ubit-muftia/>

¹²¹ О том, что представители «Чистопольского джамаата» занимались сбором вторчермета, указывалось в уголовном деле нескольких фигурантов. См.: Активный участник ликвидированной террористической группировки «Чистопольский джамаат» приговорен к 16 годам заключения. Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Татарстан. 12 мая 2016 // <http://mvd.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/643109.htm>; В суде стали известны подробности нелегального бизнеса членов «Чистопольского джамаата». Электронная газета «Бизнес Online». 31 октября 2016 // <https://www.business-gazeta.ru/article/327129>

¹²² Достаточно интересен сформировавшийся русско-арабский сленг «муджахедов». В частности, в материалах встречаются следующие определения: куфрахранительные органы (от араб. куфр – неверие), т. е. охраняющие неверие, представители правоохранительных органов; бидаатчики (от араб. бид’а – нововведение), т. е. сторонники нововведений; тагутчики (от араб. тагут – сатана, идол), т. е. сатанисты, идолопоклонники; свиноеды – люди, употребляющие в пищу свинину, немусульмане и т. д.

¹²³ В частности, подобным жестом становится направленный вверх указательный палец правой руки, который символически означает принцип «единобожия», а агрессивно исполняемой кричалкой «Аллаху Акбар!» (Аллах велик!) члены джихадистских групп обозначают себя, отделяя собственную группу от других.

В вопросе профилактики и противодействия появлению и распространению джихадистской субкультуры необходимо выделить три уровня проблемы:

1. Личностно-психологический (особенности психики вовлеченного в группу);
2. Социальные условия (конфуз идентичности, социализация в неполной семье, конфликты в семье, разрыв связей с родственниками, в том числе, в условиях миграции и т.д.);
3. Конкретная ситуация, ставшая «спусковым крючком» в радикализации личности (личные трагедии: смерть родственников, психологические травмы, попадание в места лишения свободы, получение тяжелыхувечий и т.д.);
4. Идеологический (уровень и характер индоктринации личности).

Каждый из этих факторов не работает сам по себе, и только при комплексном совпадении нескольких из них человек вовлекается в джихадистскую группу (либо иную радикальную общность), погружаясь в особую социокультурную среду локально-го социума. Поэтому и вопрос профилактики и противодействия должен решаться с учетом данных факторов в их комплексной взаимосвязи. Однако при глубоком уровне индоктринации личности, любые попытки идеологического, либо психологического воздействия, как правило, оказываются неэффективными. В данном случае становится значимым разработка и применение особых социально-психологических технологий и методов для создания условий дерадикализации. В частности, воздействие на индоктринированную личность через его окружение (родственников, друзей, коллег и т.д.) с дальнейшей индивидуальной психологической и пропагандистско-идеологической работой, в первую очередь, через мусульманское духовенство, обладающее соответствующими компетенциями.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДИЗМА В ОБЩЕСТВАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ МОБИЛИЗАЦИИ

В.В. Шерстбоев

Проблема социальной поддержки экстремистских групп и практик изучается уже более десяти лет. Особую актуальность данной проблеме придает стремительное изменение в последнее время индивидуальных коммуникативных возможностей и коллективных мобилизационных стратегий. Вместе с тем в существующих работах, посвященных изучению радикализации, крайне редко привлекаются данные массовых социологических опросов. В данном исследовании будет произведена попытка анализа и обобщения изменений организации социальной поддержки глобального джихадизма за последние 15 лет с учетом социологических данных по мусульманским общинам Западной Европы.

Социальная поддержка глобального джихадизма в данном исследовании понимается как разновидность экстремистской деятельности, которая определяется нами как нелегальное политически мотивированное насилие и/или его поддержку, где поддержка рассматривается двояко: как открытое одобрение, обоснование и призыв к применению и как участие в отборе и подготовке неофитов.

Уровень радикализации западноевропейских мусульманских общин по данным социологических исследований

Международные социологические исследования, целенаправленно изучающие мусульманские общины или в достаточной степени (репрезентативно) их затрагивающие, по-прежнему весьма редки и обращены к разным сегментам. Этим целям наиболее соответствуют исследования в рамках «Pew Global Attitudes Project» американской социологической компании «PRC», которая, начиная с 2002 года, проводит опросы мусуль-

ман в США и исламских странах (Северная Африка, Ближний Восток, Центральная и Юго-Восточная Азия)¹²⁴. В 2006 году, в опросе впервые участвовали четыре европейские страны с крупнейшими некоренными мусульманскими общинами:

- Германия (4026000 мусульман, n=1315);
- Франция (3554000 мусульман, n=1305);
- Великобритания (1647000 мусульман, n=1314);
- Испания (650000 мусульман, n=1381).

До сих пор этот опрос PRC 2006 г. остаётся единственным международным специализированным исследованием мусульманских общин Европы и США, включающим тему радикализации. На него продолжают ссылаться многие исследователи, такие как Ларс Бергер¹²⁵, Бриджит Йохансен¹²⁶, Марк Литтлер¹²⁷ и др.

Второй важный источник информации о состоянии западноевропейских мусульманских общин – это данные международного исследования Берлинского центра общественных наук (WZB Berlin Social Science Center), проведенного в Голландии, Германии, Франции, Бельгии, Австрии и Швеции, результаты которого были опубликованы в 2013 году¹²⁸. В опросе принимали участие 9000 турецких и арабских мигрантов, а также 3000 местных жителей в качестве группы контроля.

Кроме этого проводились локальные опросы мусульман по национальным выборкам, например, в 2015 году по заказу британского телеканала C4 социологическая кампания ICM провела опрос 1081 мусульманина и 1008 респондентов для группы

¹²⁴ Электронные базы данных социологических опросов Pew Global Attitudes Project. – Режим доступа к базам данных : <http://pewglobal.org/category/datasets/>

¹²⁵ Berger L. Local, National and Global Islam: Religious Guidance and European Muslim Public Opinion on Political Radicalism and Social Conservatism // West European Politics. – 2016. – №02. – p. 205-228

¹²⁶ Johansen B., Spielhaus R. Counting Deviance: Revisiting a Decade's Production of Surveys among Muslims in Western Europe // Journal of Muslims in Europe. – 2012. – №1. – p. 81-112

¹²⁷ Littler M. Rethinking democracy and terrorism: a quantitative analysis of attitudes to democratic politics and support for terrorism in the UK // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. – 2017. – №1. – p. 52-61

¹²⁸ Islamic fundamentalism is widely spread [Электронный ресурс] /WZB Berlin Social science Center, 2013. – Режим доступа к документу : <https://www.wzb.eu/en/press-release/islamic-fundamentalism-is-widely-spread>

контроля¹²⁹. В том же году французский Национальный центр научных исследований провел опрос более 6828 студентов, в котором сравнивались установки молодежи различных вероисповеданий¹³⁰.

Опираясь на данные этих опросов и ряда публикаций, посвященных изучению западноевропейских и американских мусульманских общин, можно сделать следующие обобщения.

Незавершенная интеграция мусульманских меньшинств многими авторами уже давно называется в качестве ключевой проблемы западноевропейских обществ (см., например, Р. Рабаса, Ч. Бенард и др.¹³¹, Б. Хоффман, В. Розенау и др.¹³², Д. Циммерман и др.¹³³). Одним из ее факторов является *сама специфика исламской культуры, породившей* широкий перечень потребностей и услуг, существующих вне структур принимающего общества и обеспечиваемых исключительно в рамках общин и, зачастую, нелегально. Кроме того, отсутствует такая важная составляющая процесса успешной интеграции как единое медиа-пространство. Субтитрованием телеканалов и фильмов занимается не государство, а частные мигрантские телеканалы, не редко идеологически ангажированные. Таким образом, у мигрантов нет доступа к местному секулярному телевидению как агенту социокультурной интеграции.

¹²⁹ What British Muslims Really Think [Электронный ресурс] / ICM. 2015 – Режим доступа к документу : <https://www.icmunlimited.com/wp-content/uploads/2016/04/Mulims-full-suite-data-plus-topline.pdf>

¹³⁰ Trécourt F. Une vaste enquête sur la radicalité chez les lycéens [Электронный ресурс] / Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS. 2017 – Режим доступа к документу : <https://lejournal.cnrs.fr/nos-blogs/face-au-terrorisme-la-recherche-en-action/une-vaste-enquete-sur-la-radicalite chez-les>

¹³¹ The radical dawa in transition: The rise of Islamic neoradicalism in the Netherlands [Электронный ресурс]. – AIVD Communications Department, 2007. – 90 p. – Режим доступа к документу : <https://www.aivd.nl/aspx/download.aspx?file=/contents/pages/90126/theradicaldawaintransition.pdf>

¹³² The Radicalization of Diasporas and Terrorism [Электронный ресурс] / [B. Hoffman, W. Rosenau, A.J. Curiel, D. Zimmermann] // Radicalization, Terrorism and Diasporas: International Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies, ETH, Zurich 30-31 March 2006, Washington, D.C. – RAND Corporation, 2007. – P. 55 – Режим доступа к документу : http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF229/

¹³³ The Radicalization of Diasporas and Terrorism [Электронный ресурс] / [W. Rosenau, D. Zimmermann, M. Whine, et al.]. – Zurich : Center for Security Studies, 2009. – 116 p. – Режим доступа к документу : <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/ZB-80.pdf>

Директор Центра изучения этничности и культуры Бирмингемского университета Тахир Аббас¹³⁴ в этой связи отмечает, что мусульманские меньшинства, состоящие из трудовых мигрантов или беженцев, а также их детей и внуков, остаются не полностью интегрированными в принимающие общества и постоянно сталкиваются с дискриминацией в образовании и занятости. Большинство мусульман живет в бедных районах, в жилищах, лишенных элементарных удобств. В тоже время европейское общественное внимание, как правило, больше фокусируется на изоляционистски настроенных радикалах, которые не проявляют лояльности и не стремятся к интеграции, на мусульманских женщинах, которые желают носить хиджаб, и мусульманской молодежи, подпадающей под влияние экстремистов, нежели на расширении экономических, социальных и культурных поллярностей, отчуждении, эксклюзии и бесправии.

Постепенно утверждается мысль, что интересы безопасности государства требуют культурной гомогенизации и формированной ассимиляции. Высказываются мнения о том, что быть европейцем – значит быть христианином, просвещенным либералом, который соблюдает римское право. Акцент, таким образом, смещается к более узкой исключительно европейской мультикультурной идентичности¹³⁵. Об этом же говорит Б. Хофман¹³⁶, указывая, что в последние годы стало нормой считать мусульман не способными к интеграции и обвинять их в самоизоляции и изоляционизме.

В этом контексте наиболее остро встает проблема согласования идентичности различных поколений мусульман-мигрантов. Различия в ценностях традиционной культуры и новой западной культуры значительно влияют на положение индивида в обществе. Конфликт между традиционными иерархическими структурами власти в семье и общине и возможностью большего равенства и индивидуальной автономии ведет к продолжению и углублению конфликтов не только внутри семей, но также на

¹³⁴ Abbas T. British Muslim Minorities Today: Challenges and Opportunities to Europeanism, Multiculturalism and Islamism // Sociology Compass, Vol 1, Issue 2, – 2007. – pp. 720-736

¹³⁵ Abbas T. *ibid.*, pp. 723-727

¹³⁶ The Radicalization of Diasporas and Terrorism. *Ibit.*

личностном уровне индивидов, испытывающих когнитивный диссонанс. Такие отношения, не позволяющие сформировать недвусмысленную идентичность, приводят к напряженности и разногласиям. Почти все проблемы, которые члены общины вынуждены решать каждый день, обретают два аспекта: адаптация или сопротивление, законность или преступность, социальная дезинтеграция или солидарность, секуляризация или религиозное возрождение.

Разные поколения мигрантов по-разному выходят из этой ситуации. Как отмечает П. Вальдманн, часто старшее «первое поколение идет на компромисс между конфликтной лояльностью и принадлежностью к двум [культурным] системам: оно адаптируется к требованиям принимающего общества в профессиональной и экономической сфере, но сохраняет культурные и религиозные традиции» в приватной сфере¹³⁷.

В то же время дети и внуки этих мигрантов – мигранты во втором-третьем поколении – более активно контактируют с принимающим обществом и, вместе с тем, подвергаются с его стороны большему вниманию, завышенным требованиям и ожиданиям. Желание последнего видеть их европеизированными, разделяющими местные ценности, культурные и религиозные нормы ставит второе поколение перед противоречивым выбором: требование «быть европейцем» противоречит тому, что их родители понимают под «быть правоверным мусульманином». Таким образом, сталкиваясь с требованием соответствия, мусульманские меньшинства опасно балансируют между потенциально конфликтными способами существования.

Как отмечают Т. Карасик и Ч. Бенард, «приверженность традициям и следование требованиям старшего поколения может принести молодым людям признание и уважение, однако, группа, к которой принадлежит индивид, будет оставаться дискриминируемым меньшинством. Второй вариант – отвергнуть

¹³⁷ Waldmann P. Radicalisation in the Diaspora: Why Muslims in the West Attack Their Host Countries [Электронный ресурс]. / P. Waldmann – Madrid : Elcano Royal Institute, 2010. – p. 5. – Режим доступа к документу : http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/7042498041c1b790a471fee151fcd56/WP9-2010_Waldmann_Radicalisation_Diaspora_Muslims_West.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=7042498041c1b790a471fee151fcd56

желания старших – также имеет высокую цену. Семья и община наказывают такого рода бунтарей по-разному, особенно в случае девушек: от высылки на родину, до физического и психологического насилия, вплоть до смерти, в случае, если семья считает поступок, позорящим род»¹³⁸.

Для следующих поколений это размежевание становится не-приемлемым. Они чувствуют себя в состоянии конфронтации с обоими культурными «мирами» и находят выход в культурном радикализме и изоляционизме.

Ощущение экзистенциальной опасности усиливается с осознанием того, что мигрант не воспринимается как равный членами принимающего общества. Ассиметричные отношения между официальными властями и мигрантами проявляется в недостатке социальных, культурных и экономических возможностей, отчуждении от политических процессов и иных дискриминационных практиках и предубеждениях. Все это, по мнению Т. Аббаса, ведет к выводу о «несовместимости «западных идеалов» и исламской идентичности, и что невозможно одновременно принадлежать Западу и Исламу»¹³⁹. Его слова подтверждает П. Вальдманн, который на основе анализа результатов четырех опросов, проведенных в западноевропейских диаспорах, наряду с традиционной ассимиляцией и интеграцией выделил «не-отрадиционализм» / «фундаментализм», как адаптивную реакцию, заключающуюся в «отказе от принимающего общества, его культуры и образа жизни, взамен которого идеализируются собственная страна и культура»¹⁴⁰. Иными словами, речь идет о культурном радикализме, избавляющем от тяжелой необходимости согласовывать исламскую идентичность с какой-либо другой, так как основной принцип радикализма опирается на веру в то, что такое слияние не только невозможно, но и является предательством ислама. Кроме того, обращение к радикализму позволяет решить сразу несколько задач:

¹³⁸ The Muslim world after 9/11 [Электронный ресурс] / [Rabasa A.M., Benard C., Chalk P. et al.]. – RAND Corporation, 2004. – р. 443. — Режим доступа к книге : <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG246/>

¹³⁹ Abbas T. ibit., p. 726

¹⁴⁰ Waldmann P. ibid. p. 7

1. Обеспечивается позиция, с которой удобно критиковать свою этническую группу, но в то же время сохранять к ней лояльность.
2. Предоставляется способ реализовать свою религиозную идентичность.
3. Обеспечивается канал политического участия и борьбы с дискриминацией.

Важно определить, какую направленность принимает идентичность европейских мусульман: более секулярную, когда ислам – лишь часть их культурной идентичности, либо религиозную, способную дойти до степени фанатизма. По мнению Ч. Бенард, именно когда формируется «наднациональная мусульманская идентичность, порождающая виртуальное гетто, становится возможной радикализация»¹⁴¹.

Данные социологических опросов ESS и PRC подтверждают эти тенденции: мусульманские меньшинства дистанцируются от принимающего общества посредством более глубокой интеграции в мировое сообщество мусульман – умму. Так, по данным PRC, в Западной Европе максимальное значение ислама в жизни отмечено у 75% (Испания), и даже у 88% (Великобритания), и если во Франции лишь 22% посещают мечеть несколько раз в неделю, то в Испании таких 46%, а в Великобритании – 54%¹⁴².

Еще более показательны данные о приоритете исламской идентичности над всеми остальными:

- в 2006 году, по данным PRC, данную позицию выбрали 46% респондентов во Франции, 66% – в Германии, 69% – в Испании и 81% в Великобритании.
- в 2013 году, по данным исследования Берлинского центра общественных наук (WZB)¹⁴³, данный показатель среди

¹⁴¹ The Muslim world after 9/11. Ibid. p.444

¹⁴² Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream [Электронный ресурс] : Pew Research Center survey, May 2007. – PRC, 2007. – 108 p. — Режим доступа к документу : <http://pewresearch.org/assets/pdf/muslim-americans.pdf>; Muslim Americans: No Signs of Growth in Alienation or Support for Extremism. Mainstream and Moderate Attitudes [Электронный ресурс] : Pew Research Center survey, August, 2011. – PRC, – 127 p. — Режим доступа к документу : <http://www.people-press.org/2011/08/30/muslim-americans-no-signs-of-growth-in-alienation-or-support-for-extremism/>

¹⁴³ Islamic fundamentalism is widely spread. Ibid.

мусульман-мигрантов Голландии, Германии, Франции, Бельгии, Австрии и Швеции достиг 75%

Несколько меньшие, но тоже весьма красноречивые показатели наличия конфликта с современным (западным) образом жизни:

- в 2006 году его ощущали 47% респондентов в Великобритании, 36% – в Германии, 28% – во Франции, 25% – в Испании.
- в 2013 году общее количество испытывающих конфликт достигло 45%.

На основании этих и других данных руководитель миграционных исследований в WZB Рууд Коопманс сделала вывод о том, что исламский фундаментализм уже далеко не маргинальное явление среди западноевропейских мусульман¹⁴⁴.

Таким образом, для значительного сегмента мусульманского сообщества Западной Европы уже 10 лет назад были очевидны такие предпосылки радикализации, как отказ от интеграции, признание несовместимости образа жизни принимающего общества с исламскими нормами и ценностями и выбор контентичности. За прошедшие годы данные тенденции получили еще большее распространение.

Также общей тенденцией для Западной Европы и США являются поколенческие различия в мусульманских общинах. Молодежь, как правило, занимает более радикальную позицию и чаще выбирает крайние варианты альтернатив. Так, молодые американские мусульмане (до 30 лет) более ревностно проявляют свою религиозность, чем старшее поколение: еженедельное посещение мечети отметили 50% против 35%, приоритет исламской идентичности отмечен у 60% молодежи и 42% чувствуют конфликт с современным образом жизни (тогда как среди старшего поколения таких 28%).

В целом эти данные подтверждают мнение большинства специалистов (см., например, П. Масцини¹⁴⁵, Б. Хоффман,

¹⁴⁴ Islamic fundamentalism is widely spread. Ibid.

¹⁴⁵ Mascini P. Can the Violent Jihad Do without Sympathizers? / P. Mascini // Studies In Conflict & Terrorism. – 2006. – №4. – P. 343—357

В. Розенау и др.¹⁴⁶, Л. Видино¹⁴⁷) о том, что в современных мусульманских сообществах потенциально подверженными радикализации являются три социальные категории:

1. Недавно иммигрировавшие мусульмане, обычно однокие мужчины (именно к этой категории принадлежали иностранные студенты – члены «гамбургской ячейки», осуществившей теракт 2001 года);
2. Мигранты во втором и третьем поколении, испытывающие конфликт с родителями и отторжение принимающего общества;
3. Прозелиты – обращенные в ислам, стремительно теряющие социальные связи в основном обществе, которое постепенно обретает статус «принимающего», «чужого», и еще не глубоко интегрированные в исламскую среду.

В последнем случае принятие ислама, скорее, акт политической идентификации. Молодые европейцы, принимающие ислам также ощущают отчужденность от современного мира, но занимают более жесткую позицию. Например, их взгляд на джихад оказывается менее гибким, чем у рожденных мусульман. С другой стороны, мотивы актуализации исламской идентичности, по мнению Л. Видино, и у тех и у других схожи:

1. Поиск духовных ответов и ясного руководства в жизни, которые лучше всего обеспечивают более консервативные и фундаменталистские версии религий.
2. Чувство принадлежности и общности. Первый приход в мечеть сопровождается всеобщим вниманием и добродушием, что контрастирует с европейской повседневностью.
3. Протест против системы, Запада, общества в целом, против богатства и власти от имени всех бедных людей планеты. Исламизм дополняется антиглобализмом и антисемитизмом.

В общем виде признаками радикализации для этих категорий можно назвать появление антиинтеграционных настроений и стремления изолироваться от принимающего общества. Затем возникает враждебность и отказ от принципов и институтов де-

¹⁴⁶ The Radicalization of Diasporas and Terrorism. Ibid.

¹⁴⁷ Vidino L. Al Qaeda in Europe: The new battleground of international jihad / by Lorenzo Vidino; foreword by Steven Emerson – Prometheus Books : New York, 2006. – 404 p.

мократии и интенсивное обретение насильтственных установок. В основе таких установок, как считает П. Вальдман, лежит уже отмеченная выше двойная идентичность в сочетании с отсутствием признания и принятия со стороны принимающего общества.

В том случае, когда доминирует конфликт идентичностей, актор подвергается фундаментальной переориентации на радикальные цели. «Те из мигрантов, которые не в состоянии приспособиться к дуализму, будут постоянно чувствовать постоянное напряжение... [и] острую необходимость иметь ясное представление о том, кто они такие, где они находятся и что могут делать. Для таких индивидов радикализм – это решение их проблем идентичности. Если индивид, адаптированный к ситуации мигранта, будет комбинировать различные элементы идентичности и постоянно «изменять» себя, то радикал... посвятит себя абсолютной идеей»¹⁴⁸. Это может объяснить, почему дети и внуки мигрантов обычно восприимчивы к радикальным импульсам, так как поколения, рожденные в принимающем обществе, особенно склонны к конфликту идентичности.

Если же доминирует защита от дискриминации и отчуждения, актор будет склонен к радикализации в отношении частных проблем, которая основана не на необходимости защищать некую абсолютную идею, но на возмущении и недовольстве дискриминацией членов своего сообщества.

Различия в этих типах радикализма заключается в их результатах: первый ставит под вопрос принимающее общество, его социальный и политический порядок как таковые и требует тотальных изменений, тогда как во втором случае радикализм нацелен лишь на определенные аспекты жизнедеятельности общества¹⁴⁹.

Наличие в мусульманских сообществах Запада наиболее радикальных, граничащих с экстремизмом, установок также подтверждается эмпирически. Данные опроса PRC за 2006 год под-

¹⁴⁸ Waldmann P. *ibid.* p.9-10

¹⁴⁹ Waldmann P. *ibid.* p.10-11

тврждаются спустя 10 лет французскими¹⁵⁰ и британскими¹⁵¹ исследованиями. Так, в западноевропейских общинах сохраняется значительная поддержка суицидальных терактов в защиту ислама среди молодых мусульман:

- 42% во Франции (старшее поколение – 31%);
- 35% в Великобритании (старшее поколение – 17%);
- 29% в Испании (старшее поколение – 22%);
- 22% в Германии (старшее поколение – 10%).

Спустя 9 лет, в исследовании компании ICM Research 2015 года 34% всех британских мусульман оправдывали суицидальный терроризм, а также людей, совершающих иные террористические акты. И еще 2/3 откажутся сообщать полиции в случае, если кто-то из их знакомых окажется вовлеченным в сети джихадистов.

Проведенный в том же году опрос студенческой молодежи во Франции показал, что студенты-мусульмане в 4 раза чаще христиан считают допустимым участие в насильственных политических акциях (33%). То, что это количество значительно меньше данных PRC девятилетней давности, объясняется тем, что в опросе 2006 года учитывалась вся молодежь, а в 2015 – только учащиеся в ВУЗах.

Организационная структура радикальных сетей

Применительно к экстремизму на основе политизированного ислама в литературе выделяется несколько типов радикальных сетей (см., например, Х. Хордан¹⁵², В. Фархаан¹⁵³), которые, как и другие мультиэтнические и транснациональные социальные образования, склонны не признавать родственные, родовые, общинные, этнические и национальные разграничения.

Прежде всего, это политически относительно нейтральные мусульманские сети, которые, в свою очередь, состоят из мигрантских организаций, гуманитарных сетей (легальные и нелегальные),

¹⁵⁰ Trécourt F. Ibid.

¹⁵¹ What British Muslims Really Think. Ibid.

¹⁵² Jordan J. Strengths and Weaknesses of Grassroot Jihadist Networks: The Madrid Bombings Approach / J. Jordan, F.M. Mannas, N. Horsburgh // Studies In Conflict & Terrorism. – 2008. – №1. – P. 17-39.

¹⁵³ Farhaan W. Functionality of Radicalization: A Case Study of Hizb ut-Tahrir // Journal of Strategic Security. – 2016. – №1. – p. 102-117

гальные здравоохранительные, религиозные и культурно-просветительские системы), а также сетей легальной и нелегальной экономической поддержки. Эти структуры помогают совершать хадж и принимать участие в иных многонациональных коллективных действиях.

Все эти ресурсы и сети созданы для мобилизации связей между и внутри общин и диаспор. Фактически, мусульманские сети служат укреплению религиозных и политических движений путем транзита сторонников, идей, финансовых и материальных ресурсов. Мусульманские общины используют современные каналы коммуникации и перемещения для проповеди общей исламской идентичности. Через них религиозные и идеологические связи унифицируется общая система верований и убеждений. Таким образом, международные мусульманские сети являются инструментами глобализации, быстро распространяющими общинные взгляды среди рассредоточенных индивидов.

Второй тип сети формируют сторонники салафитского варианта ислама, признающие на политическом уровне исключительно теократическую форму правления, отвергающие саму идею нацио-государства и настаивающие на приоритете уммы как наднациональном политико-религиозном сообществе. Ими в 2007 году была провозглашена «Дава» – радикальный исламский призыв, нацеленный на распространение ислама на Западе и «коренное реформирование общества в духе ислама, ликвидация конституционной демократии, открытости и плюрализма»¹⁵⁴. Учитывая размер мусульманской общины Западной Европы, целевая аудитория «радикального призыва» в этом регионе огромна.

Салафитская сетевая структура децентрализована и сегментирована. Отдельными группами руководят шейхи или богословы с различным уровнем знания хадисов и необязательно связанные между собой. Быстрое увеличение количества шейхов

¹⁵⁴ AIVD Annual Report 2006. [Электронный ресурс]. – AIVD Communications Department, 2007. – Р.16. – Режим доступа к документу : https://www.aivd.nl/aspx/download.aspx?file=/contents/pages/88402/20070872jv2006_en.pdf

свидетельствует об отсутствии элиты или строго определяемого лидерства. Это децентрализованная ячеистая структура, в которой каждый, обладая религиозным знанием и компетенцией, может претендовать на лидерство в группе, демонстрирует, как просто в Европе создаются группы или автономные ячейки без необходимости прямых указаний высших иерархов.

Такого рода ненасильственный радикальный ислам, фактически, распространен в каждой европейской стране с мусульманской общиной и поддерживается менее радикальными движениями, такими как «Братья мусульмане», «Таблиги Джамаат», «Хизб ут-Тахрир». Многие салафиты являются выходцами из этих движений, и поэтому уже расположены к восприятию салафитского мышления. Но салафизм, также, привлекает людей и без религиозного опыта.

С другой стороны, сети салафитов проявляют особое внимание к проблемам молодежи и на много оперативнее государственных учреждений предлагают свое содействие. Для привлечения молодых мусульман предлагается широкий перечень услуг: помочь в учебе, правовое консультирование, спортивные и досуговые программы, летние лагеря, компьютерные курсы, народные танцы и т.п.

Третий тип представлен так называемыми «джихадистскими сетями», состоящими из полностью радикализированных мусульман, готовых применять насилие, то есть экстремистов. Голландская служба AIVD определяет джихадистскую сеть как «подвижную, динамичную структуру с зыбкими границами (сложно отличить членов от не членов), включающую большое количество взаимосвязанных индивидов (радикальных мусульман), которые связаны индивидуально и на уровне скоплений (ячеек/групп)»¹⁵⁵. Члены такой сети активно и сознательно содействуют реализации насилиственного джихада. Но джихадист – не обязательно член сети, он может действовать независимо.

¹⁵⁵ Violent Jihad in the Netherlands: Current trends in the Islamist terrorist threat [Электронный ресурс]. – 2006 General Intelligence and Security Service Report. – AIVD's Communications Department, 2006. – P.14. – Режим доступа к документу : <http://www.fas.org/irp/world/netherlands/violent.pdf>

Джихадистская сеть отличается от остальных групп и организаций отсутствием формальной (иерархической) структуры и наличием неформального гибкого членства и меняющимся лидерством. Неверно считать, что такие сети вообще не имеют структуры. В некоторых случаях эти коммуникативные линии сходятся в одной или нескольких центральных группах, которые играют координирующую или контролирующую роль. В других случаях имеет место случайная коммуникация между членами, тогда как сеть функционирует без лидеров или центрального контроля. Также могут быть активными несколько групп внутри одной сети.

Гибкий и неформальный характер таких сетей позволяет индивидам проще устанавливать специализированные контакты в дополнение к постоянным отношениям. Все строится на личной инициативе. Контакты внутри сети постоянно меняют характер и длительность. В большинстве случаев мы можем выделить центральную группу, окруженную широкой сетью индивидов, контроль над которыми обычно сведен к минимуму. Личные связи между членами держат сеть вместе, а идея общего врага стимулирует ее сплоченность. Отношения обычно основаны на разделаемой политико-религиозной идеологии, мировоззрении, взаимном доверии, семейных или дружеских связях, общем происхождении, общем опыте боевых действий или подготовки в тренировочных лагерях.

Разница между членами джихадистской сети и другими радикальными мусульманами заключается в методах пропаганды насилия: вербально или непосредственно экстремистскими действиями. Таким образом, в дополнение к реальным террористам-джихадистам эта категория включает широкий круг тех, кто поддерживает и пропагандирует насильтственный джихад, но (еще) не участвует в насилии.

В нашем подходе радикализация, вербовка и экстремизм рассматриваются как взаимосвязанные элементы одной динамической среды, в которой элементы радикальной сети могут – иногда внезапно – превратиться в террористические ячейки.

Следовательно, возникает необходимость подробно рассмотреть механизмы и условия присоединения к социальным средам, поддерживающим политический экстремизм и специфику их коммуникативных связей.

Стратегия 1. Долгосрочная мобилизация посредством локальных автономных сетей.

С 2003 года в Западных странах стали преобладать так называемые локальные автономные сети джихадистов, возникшие, благодаря спонтанным процессам саморадикализации и саморекрутирования среди молодых мусульман. Такие сети, в полном соответствии с парадигмой сетевого общества М. Кастельса, децентрализованы, не имеют формальных связей, строгой регуляции активности, профессиоанализации и разделения труда и полагаются на персональные связи и разделяемую общую идеологию. Более того, их появление теперь не требует внешней инициации и полностью зависит от внутригрупповой коммуникации и наличия доступа к Интернету. Интернет предоставляет пространство, где радикалы могут публиковать и распространять обучающие материалы, идеологические манифесты, электронные журналы, и видео с актами насилия. Радикальные сайты представляют собой виртуальные религиозные школы (мдресес), использующие в качестве учебного материала книги радикальной и экстремистской направленности. Эти источники предоставляют решающую информацию для потенциальных экстремистов.

Вдобавок, такие сетевые технологии как блог, вики, чат, сайты видео-обмена и социальных сетей позволяют создавать параллельное (относительно принимающего общества) коммуникативное пространство, и воспроизводить альтернативный образ социальной реальности, в которой группы единомышленников могут взаимодействовать и выстраивать близкие отношения. Интернет, таким образом, предлагает новую эгалитарную среду, в которой все участники получают сравнительно равный вес и влияние.

Присоединяясь к этим сетям, их участники приобретают специфический авторитарный, одномерный тип мировоззре-

ния, о чём свидетельствуют данные исследований М. Кедара и Д. Ерушальми¹⁵⁶, а также К. Карвальго¹⁵⁷. Авторы отмечают рост групповой преданности и религиозности членов радикальных сетей в сравнении с более ранним периодом. Это проявляется в формировании следующих установок:

- **Усвоение правовой интерпретации ислама.** Индивид, приверженный шариатской интерпретации, не обязательно радикал: это может быть всего лишь показателем консервативной практики веры. Тем не менее, в процессе постепенной радикализации создается «безкомпромиссную религиозную атмосферу», основанная на правовом понимании веры, заставляющая устыдиться своей «вестернизированности» и преподносящая идею джихада как единственный способ очиститься.
- **Доверие лишь отдельным религиозным авторитетам.** В качестве «аутентичных» интерпретаторов ислама часто воспринимаются более консервативные учёные.
- **Ощущение раскола между исламом и Западом.** Это вопрос приоритетной лояльности, когда индивид имеет обязанности исключительно перед исламом и мировой уммой и противопоставляет себя немусульманскому государству. Согласно радикальному учению, поддержка западных институтов демократии нарушает исламские религиозные принципы, что вызывает ненависть ко всему немусульманскому.
- **Нетерпимость к иным религиозным версиям.** Восприятия других направлений ислама не как теологических ошибок, но как личное оскорбление.

Однако возникновение данных признаков радикализированной авторитарной личности никоим образом не связано с более ранней религиозностью. П. Вальдман утверждает, что большинство участников экстремистских групп и ячеек в Европе «не имеют религиозного образования, и вообще глубокого зна-

¹⁵⁶ Kedar M., Yerushalmi D. Sharia Adherence Mosque Survey: Correlations between Sharia Adherence and Violent Dogma in U.S. Mosques [Электронный ресурс] / Mordechai Kedar, David Yerushalmi // Perspectives on Terrorism. – 2011. – №5-6. – Режим доступа к документу : <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pt/article/view/sharia-adherence-mosque-survey/340>

¹⁵⁷ Carvalho C. The Importance of Web 2.0 for Jihad 3.0 // Journal of Religions on the Internet. – 2016. – № 11. – p. 46-65

ния Корана и ислама вообще. Они не имеют сильных связей с родственниками на родине и не общаются с местными этно-религиозными диаспорами. В значительной степени вестернизованные, они решают принять фундаменталистскую версию ислама на индивидуальном уровне, подобно христианам-прозелитам, принимающим ислам»¹⁵⁸.

Такие исследователи как Д. дела Порта, Д. Макадам, Д. Сноу (см. обзор Д.М.Е. Норикса¹⁵⁹) сходятся во мнении, что вербовка происходит скорее снизу вверх, чем сверху вниз; индивид присоединяется чаще потому, что его друзья уже завербованы, чем потому, что он беззаботно предан целям организации. Основным механизмом вовлечения в подобные сети оказываются дружеские и родственные связи. Именно такое тесное общение на начальном этапе создает видимость малозатратной и мало-рискованной деятельности и поддерживается социализацией в семье и другими агентными связями. Когда эти индивиды впоследствии идут на контакт с политическими активистами, они уже оказываются уязвимыми из-за сложившихся доверительных отношений. Участие в подобной деятельности делает более вероятным то, что те же индивиды будут после втянуты в более затратные и рискованные формы участия через циклический процесс интеграции и ресоциализации.

Это подтверждено исследованиями «Красных бригад» Д. делла Порты и джихадистского движения М. Сейджмена. Д. делла Порта обнаружила, что 45% из 1,214 обследованных ею боевиков, имели личные связи с 8 и более членами групп до присоединения¹⁶⁰. Аналогичным образом у М. Сейджмена 75% обследованных им «моджахедов» имели предварительные связи с джихадистами, уже вовлеченными в террористическую деятельность¹⁶¹.

¹⁵⁸ Waldmann P. *ibid.* p.18

¹⁵⁹ Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Электронный ресурс] / D.M.E. Noricks // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / [Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al.]. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 11-70. — Режим доступа к книге : <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG849/>

¹⁶⁰ Noricks D.M.E. *Ibid.* P.37

¹⁶¹ Sageman M. Understanding terror networks / M. Sageman – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2004. – 220 p.

М. Сейджмен заключает, что социальные связи играют более важную роль в появлении глобального салафитского джихада, чем идеологии. В его исследованиях было выявлено, что первое посещение салафитского собрания, проповеди или молитвы происходило по приглашению близких родственников (20%), либо друзей (68%). Небольшие группы друзей «являются социальными механизмами, которые оказывают давление на решение будущих участников о присоединении, предоставляют специфическую социальную реальность, обеспечивают создание коллективной идентичности и сильного эмоционального чувства единства»¹⁶². Учитывая тот факт, что подавляющее большинство обследованных участников радикальных и экстремистских сетей не имели судимости, Сейджмен говорит, что те, кто меньше всего способен лично причинять вред, наиболее способен делать это коллективно. В результате почти все отвергают мысль о своей вербовке и считают себя добровольцами.

Стратегия 2. Массовая кампания «swarm»-мобилизации джихадистов.

В 2011-2012 гг. по странам Западной Европы прокатилась небывалая волна провокационного активизма под названием «Уличный призыв» (Street Dawa), организованная при помощи индивидуальных средств цифровой коммуникации. Для распространения информации и мобилизации активистов в мусульманских социальных сетях применялись однотипные хештеги: #Islam4UK, #Islam4Holland, #Sharia4Germany, #Sharia4Belgium и т.д. Организованные с их помощью уличные пропагандистские акции и флеш-мобы сопровождались открытым использованием джихадистской риторики и символики (например, флаги ИГИЛ), но без применения насилия. Последнее обстоятельство делало невозможным вмешательство со стороны полиции и судебной власти, тем самым, демонстрировало безнаказанность участников. С другой стороны, это многократно усиливало аттрактивность происходящего, нацеленную, главным образом, на молодежь, создавая видимость «реальных» действий, в отличие от менее эффектной онлайн-активности. Таким об-

¹⁶² Sageman M. Ibid. P.154

разом, участники «Уличного призыва» получали возможность идентифицировать себя с джихадом, быть частью «священной войны».

Главным результатом данной кампании к концу 2012 года стал выезд в Сирию ядра активистов со значительной частью неофитов. Вследствие этого был наложен канал непрерывного обмена экстремистским контентом и новыми джихадистами между Сирией и Европой. Так, на начало 2015 года на стороне ИГИЛ воевало более 20000 человек из 50 стран мира. из них около 1/5 – выходцы из стран Западной Европы¹⁶³.

Оставшиеся в Европе сторонники джихада превратились в агентов влияния на местные мусульманские сообщества, ретранслируя и тиражируя мощный поток экстремистского контента из Сирии посредством созданной за два года цифровой инфраструктуры пропаганды.

Во-первых, это традиционные «вертикальные» каналы (сайты движений, аудио- и видеолекции, джихадистские видеоролики и стрим-трансляции с мест боевых действий). Во-вторых, смешанные «вертикально-интерактивные» каналы (публичные и скрытые джихадистские онлайн-форумы), дающие односторонний нисходящий поток информации с возможностью горизонтального обсуждения и общения. В-третьих, «горизонтально-интерактивные» каналы, поставляющие новости в социальных сетях посредством групп-посредников, и индивидуальных блоггеров, аккумулирующих и ретранслирующих посты для локальной аудитории. Новости из таких источников защищаются и дублируются на аккаунтах тематически близких новостных каналов. Пользователь же в такой ситуации оказывается заложником когнитивного эффекта, описанного еще в 2001 году в статье М. Макферсона с соавторами о гомофилии в социальных сетях¹⁶⁴. То есть поиск информации и единомышленников в таких сетевых сообществах чаще всего завершается самоцен-

¹⁶³ ICSR Insight: German foreign fighters in Syria and Iraq. [Электронный ресурс] / CSR, Department of War Studies, King's College London, 22.01.2015. — Режим доступа к документу : <http://icsr.info/2015/01/icsr-insight-german-foreign-fighters-syria-iraq/>

¹⁶⁴ Birds of a Feather: Homophily in Social Networks / Miller McPherson, Lynn Smith-Lovin, and James M Cook // Annual Review of Sociology. – 2001. – №27. – р. 415–44

зуриуемым информационно-идеологическим гетто (см., например: Мухаммад Абу Румман¹⁶⁵).

В этих условиях социальные сети не просто становятся средством более интенсивного общения, но изменяют природу уровня информации. Если за несколько лет до этого доминировали вертикальные или иерархические виды общения на форумах по принципу «один со многими», то с появлением «Фейсбука» и «Твиттера» появился вид общения «многие с многими» или «каждый с каждым». Данный вид коммуникации также предполагает возможность влияния «множеством на множество», что может использоваться в качестве инструмента ресоциализации.

За счет таких смешанных связей (включая и родственные), каждый знает каждого, участников онлайн-общения объединяют эмоциональные связи и все они друг для друга превращаются в «значимых других», идеальный радикализирующий персонал в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана¹⁶⁶. Так, принятие решения ехать в Сирию – всегда групповой процесс, а не приказ сверху. В процессе обсуждения каждый имеет долю влияния на остальных, но каждый оказывается под коллективным влиянием большинства.

При этом локальные кластеры сети объединяются в общую сеть с разветвленным горизонтальным влиянием, который лучше всего характеризуется как «swarm» (рой или стая) – децентрализованное коллективное саморегулирование. Ключевой момент здесь – постоянное взаимное влияние посредством друзей, родственников, соседей и единомышленников в онлайн- и оффлайн-мирах. Говоря о «swarm»-мобилизации, следует учитывать наличие векторов движения социально-сетевого «роя». В событиях 2011-2013 годов векторы задавались двумя явными типами акторов:

- «направляющие» – активисты, берущие на себя формирование контента медиа-ресурсов и проектов и организацию конкретных акций;

¹⁶⁵ The Secret of Attraction: ISIS Propaganda and Recruitment/ Mohammad Suliman Abu Rumman et al.; translated by William John Ward et al. –Amman: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2016. – 121 p.

¹⁶⁶ Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : «Медиум», 1995. — 323 с.

- «идеологии» – лидеры глобального джихада, боевики в Сирии и других регионах, создающие символический контент.

Процесс взаимного регулирования в сочетании с информационным фоном (медиа-контент, идеологи, политики) создают высокий уровень коллективной автономии движения, слаженность и предсказуемость реакций. Таким образом социально-сетевой «край» (в т.ч. джихадистский) может быть очень динамичным и изменчивым, но также может двигаться как единый управляемый объект. Причем потеря «направляющих» и «идеологов» не грозит «крою» в целом, а лишь усиливает его гибкость, адаптивность и неуязвимость.

В результате экстремистская пропаганда становится более *интенсивной, агрессивной, персональной* и обеспечивает ускоренный переход от пассивного восприятия к активному участию. Если ранее на полный цикл радикализации у террористов уходило 3-5 лет¹⁶⁷, то в результате массовой пропагандистской кампании половина уехавших воевать в Сирию европейских мусульман радикализировалась за 0,5-1 год, более чем вдвое увеличилось количество несовершеннолетних участников ИГИЛ (с 5 до 12%), а также значительно увеличилось количество представителей необразованных и криминальных слоев, что было совершенно не характерно для предыдущего периода.

Таким образом две рассмотренные стратегии позволяют осуществлять низкую и высокую интенсивность мобилизации в зависимости от поставленных задач. Стратегия мобилизации посредством локальных автономных сетей рассчитана на долгосрочный процесс радикализации небольшого количества индивидов с высоким образовательным и имущественным цензом – своеобразной экстремистской аристократии, способной как на боевую, так и на идеологическую деятельность. Стратегия «swarm»-мобилизации через широкомасштабную пропагандистскую кампанию нацелена на быструю подготовку большо-

¹⁶⁷ Radicalization in the West: The Homegrown Threat [Электронный ресурс] : 2007 NYPD Intelligence Division Report / ed. by M.D. Silber, A. Bhatt. – NYPD, 2007. – 90 p. – Режим доступа к документу : http://sethgodin.typepad.com/seths_blog/files/NYPD_Report-Radicalization_in_the_West.pdf; Sageman M. Leaderless jihad. Terror networks in the twenty-thirst century / M. Sageman. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. – 200 p.

го количества экстремистов низового уровня, рекрутируемых из социальных низов.

Именно в ходе трехлетней пропагандистской акции 2011-2013 гг. были продемонстрированы возможности сети активистов по охвату огромной аудитории и мобилизации в каждой стране нескольких сотен мотивированных джихадистов и нескольких тысяч им сочувствующих. Сочетание сетевых форм мобилизации, единообразие содержания и масштаб организации акций по всей Западной Европе, применение ненасильственного провокационного активизма не позволяют говорить о какой-либо спонтанности данных процессов, а, напротив, увязывают подобного рода мобилизационные кампании с хорошо известными технологиями государственных переворотов (т.н. «цветными революциями» или «арабской весной»).

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ САЛАФИТСКОГО ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ СИРИИ

А.Г. Евстратов

Война против законного президента Сирии Башара Асада уже давно не воспринимается ни внутри страны, ни за ее пределами как «демократическая революция» или «борьба за свободу» против «кровавого диктатора». В настоящее время в целом, очевидно, что так называемая сирийская оппозиция – в основном несет идеологию радикального течения салафизма. В этой связи рассмотрение взглядов сирийских салафитов и поиск обоснования их жестокостей, постоянно фиксируемых различными СМИ, именно в теологической плоскости представляется особенно важным.

Сам термин «салафизм» обозначает особое направление в исламе, ориентированное на следование примеру праведных предков – «салафов». К последним относятся сподвижники

пророка Мухаммада – сахабы и их потомки – табиины. Особенностью работы салафитов с исламскими источниками является крайний буквализм в их толковании. Как правило, салафизм тождественен более известному в русскоязычной среде термину ваххабизм, который возник в XVIII веке – по имени аравийского радикального богослова Мухаммада ибн Абд Аль-Ваххаба, сформировавшего основные принципы салафитской идеологии в книге «Китаб аль-Таухид» («Книга Единобожия»). Он смог распространить свое влияние на значительную часть полуострова благодаря союзу с племенным вождем Мухаммадом ибн Саудом. Однако опирался Абд аль-Ваххаб в своих воззрениях на взгляды богослова XIII – XIV вв. Ибн Теймийу, который настаивал на буквализме в толковании Корана и хадисов, всю религиозную практику, введенную в обиход после третьего поколения сподвижников пророка, считал греховными нововведениями – «бидда», а мусульман, не согласных с его позицией, определял как неверных – «кафиров»¹⁶⁸.

Стоит привести некоторые цитаты из сочинений данного ученого, полезных для понимания его вероучения. «Всякий, кто утверждает, что Аллах не может быть видим в будущем мире (глазами), является кафиром, отвергающим Коран и Аллаха. Он должен покаяться, а иначе его надлежит убить». Об этом ибн Теймия писал в одной из работ позднее представленных в сборнике «Маджмуль-фаттава» (том 6, с. 500). А вот, например, из той же работы: «Имам Абу Бакр Мухаммад ибн Исхак Хузайма сказал: всякий, кто не принимает, что Аллах сидит на Троне над семью небесами, является кафиром, и его кровь дозволена. Ему предоставляется время, чтобы он покаялся. Если же не покается, его голова отрубается, и выбрасывается на помойку» (том 5, с. 391)¹⁶⁹. Таким образом, самый почитаемый современными салафитами ученый прошлого причислял к неверным, немусульманам, всех, не принимающих данное понимание Бога как обычного языческого идола, который, подобно богам политеистических пантеонов, «восседает на небе», может быть заметен

¹⁶⁸ Евстратов А. Г. Салафизм в России и СНГ // http://www.iran.ru/news/analytics/86794/Salafizm_v_Rossii_i_SNG

¹⁶⁹ Обыкновенный ваххабизм // <https://plus.google.com/+EldanizB/posts/dToYJhXLA59>

органами чувств, имеет конкретное место и размер. Согласно данной логике, в число кафиров попадают шииты и абсолютное большинство суннитов – все суфии, ашариты, матуридиты и мутазилиты.

Убивать «ученый» готов был и за менее серьезные «преступления», такие, как, например, принятые как в шиитском, так и в суннитском мире следование одному конкретному ученому или мазхабу (религиозно-правовой школе). В той же «Маджмуль фаттава» читаем: «Всякий, кто говорит, что надо следовать одному определенному имаму, а не другим, должен покаяться, а иначе его следует убить!» (том 22, с. 249)¹⁷⁰.

Что касается Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, то он определял в качестве бидаа целый ряд широко распространенных в его время среди мусульман религиозных практик – обращение к Аллаху через чье-либо посредничество, почитание могил святых, празднование Мавлида – дня рождения пророка Мухаммада и др. В этом он вступил в противоречие с традиционными суннитами, включая суфийское направление, а также шиитами. Касаемо последних, критикующих ряд сподвижников пророка, в «Китаб аль-Таухид» сказано следующее: «Тогда, когда вы знаете, сколько аятов Священного Корана ниспослано про сподвижников, и сколько достоверных хадисов пришло про их достоинства – знайте, что тот, кто думает о нечестии и вероотступничестве сподвижников, как всех, так и отдельных, тот кафир»¹⁷¹.

Впрочем, адептов шиизма и суфииев салафиты определяли как неверных, и сохраняют верность этой традиции по сей день. Помимо этого, запретными, согласно их версии, являются музыка, ряд видов спорта, театр, любые антропоморфные живописные изображения, скульптура и др. В своей практике ваххабиты широко используют насилие – именно они в начале XIX века разорили священные шиитские города Кербелла и Наджаф, причем в ходе данных акций было убито множество женщин и

¹⁷⁰ Обыкновенный ваххабизм // <https://plus.google.com/+EldanizB/posts/dToYJhXLA59>

¹⁷¹ Евстратов А.Г. Идеологическое противостояние шиизма и салафизма на Ближнем Востоке // <http://www.caspiania.org/2015/10/28/ideologicheskoe-protivostoyanie-shiizma-i-salaifizma-na-blizhnem-vostoke/>

детей. Этой традиции салафиты верны и по настоящее время – именно их авторству принадлежат разрушение Всемирного торгового центра, уничтожение шиитов Ирака и Сирии, взрывы американских посольств в Танзании и Кении и многое другое. Современный сирийский конфликт и жестокости салафитов в его ходе в этом контексте – вполне логичное выражение взглядов данной секты в отношении шиитов и не согласных с ними суннитов.

К примеру, салафитский ученый XX века, критикуемый большинством суннитских ученых-традиционалистов, Насируддин Албани, обвиняя шиитов, обратил свой гнев персонально против основателя современной Исламской Республики Иран аятоллы Хомейни: «Я ознакомился с пятью высказываниями Хомейни, и могу сказать, что все эти слова – куфр, ширк и полное противоречие аятам Корана и Сунне Пророка. И любой, кто скажет что-то из них, будучи уверенным в этом, он кафир, пусть даже он читает молитву и постится, думая, что он мусульманин» (Книга «Шиа имамия исна ашария фи мизаниль ислам»). Сразу следует пояснить, что кафир в трактовке ибн Абд аль-Ваххаба и Албани – не просто научное или философское определение, а именно тот статус, который, согласно фатве ибн Теймии делает жизнь и имущество его обладателя дозволенными для «истинно верующих»¹⁷².

Солидарен с Албани и недавно умерший муфтий Саудовской Аравии Абд аль-Азиз ибн Баз: «У шиитов очень много сект, у каждой из которых свои нововведения в религию; но самая опасная из них – рафидитская секта Хомейни, или имамиты, которые взывают к усопшим членам семьи Пророка, и верят в то, что их имамы знают скрытое, и поносят сподвижников» (Маджмуа фатава, том 4, стр. 439). Стоит отметить, что ибн Баз – это именно тот человек, который в 20 веке вынес эпохальную фатву о том, что солнце вращается вокруг земли, своими знаниями «полностью опровергнув» гелиоцентрическую систему¹⁷³.

¹⁷² Евстратов А.Г. Идеологическое противостояние шиизма и салафизма на Ближнем Востоке // <http://www.caspiania.org/2015/10/28/ideologicheskoe-protivostoyanie-shiizma-i-salafizma-na-blizhnem-vostoke/>

¹⁷³ Одно из главных убийств шиитов // <http://islam-info.ru/sektii/page,5,1472-odno-iz-glavnuyh-ubijstv-shiitov.html>

Уже в годы противостояния светских правительств Ирака и Сирии салафитам террористических группировок «Исламское государство», «Джабхат ан-Нусра», «Ахрап аш-Шам» и др., группа радикальных ваххабитских духовных лидеров Саудовской Аравии и Кувейта издала общую фатву, призывающую к разрушению мечети шиитского Имама Хусейна в городе Кербелла и его сестры сейиды Зейнаб под Дамаском. А ведомые идеологически и поддерживаемые организационно политическими и религиозными элитами Персидского залива боевики того же «Исламского государства» уже начали воплощать фетвы и призывы своих «духовных наставников» в жизнь. Так, саудовский богослов Абдуллах Турки сообщил о разрушении в Сирии могилы сподвижника пророка Мухаммада Худжра ибн Удей. Впрочем, на этом шейх не остановился и призвал «воинов ислама» к разрушению уже упомянутого места захоронения сейиды Зейнаб, а затем и ее отца – первого шиитского Имама Али¹⁷⁴.

В данном контексте достаточно любопытно взглянуть на Карадави, казалось бы, не салафитского, а умеренного суннитского ученого — шейха Юсуфа аль-Карадави, «звезды» катарского телеканала «Аль-Джазира», одного из идеологов «Арабской весны»: «Мы полагали, что они являются нашими братьями. Я потратил много лет, говорю вам откровенно, я потратил много лет на то, что призывал к сближению т.н. исламских мазхабов. Однако, в действительности, они являются сектами, а не мазхабами, так как мазхабы обычно имеют разногласия только в вопросах фикха», — сокрушается Карадави. «Они (шииты) хотят истребить Ахлю-Сунну (суннитов – А.Г.), они насмехаются над Ахли-Сунной», — считает он.¹⁷⁵ С религиозной точки зрения Карадави подобно салафитам не признает мазхабы, подобно им негативно высказывается о шиитах и суфиях и лишь в вопросах религиозной практики, фикха, его фетвы – мягче.

Примечательно и еще одно откровение шейха Карадави: «Было время, когда я защищал и боролся ради них (шиитов).

¹⁷⁴ Евстратов А.Г. Вероубеждение или «веропринуждение»? // http://www.islamio.ru/news/policy/veroubezhdenie_ili_veroprinuzhdenie/

¹⁷⁵ Лидер ихванов Карадави: ученые Саудовской Аравии оказались более знающими, чем я // <http://sunna.press/article/lider-ihvanov-kardavi-uchenye-saudovskoj-aravii-okazalis-bolee-znajuschimi-chem-ja/>

Призывая поддерживать так называемую «Хизбуллах», я вступил в конфликт с авторитетными учеными Саудовской Аравии. Однако ученыe Саудовской Аравии оказались более знающими, чем я». Оказались более знающими эти ученыe как раз во время развертывания конфликта в Сирии¹⁷⁶.

Неудивительно, что подобных, а зачастую и более радикальных позиций придерживаются идеологи салафитов, что называется, «на полях» гражданского противостояния в Сирии. Их нетерпимость касается, как традиционных, двунадесятнических (иснаашария) шиитов, так и алавитов и христиан. К примеру, лидер группировки «Джабхат ан-Нусра» (ныне – «Джебхат Фатх аш-Шам») Абу Мухаммад аль-Джулани в интервью упомянутой выше «Аль-Джазире» заявлял: «...если все алавитские отрекутся от Башара Асада, сложат оружие и исключат некоторые элементы их веры, которые противоречат исламу, то Джабхат ан-Нусра берет на себя обязательство их защищать»¹⁷⁷. Аль-Джулани под исламом имел в виду исключительно салафитскую интерпретацию, а альтернативой «защите» видел смерть и в лучшем случае – изгнание. Идеолог другой группировки, «Ахрар аш-Шам» Аднан аль-Арур считает, что его соратникам необходимо бороться не только против светских тенденций и Запада, но и против «алавитского режима в Дамаске»¹⁷⁸. Причем, в качестве союзников «Ахрар аш-Шам» с большой охотой готова рассматривать радикальные салафитские группировки, которых тот же аль-Арур, не таясь, называет ваххабитами. «Мы получаем оружие с помощью ваххабитов, а не американцев, как иракские шииты», – заявлял шейх¹⁷⁹.

Очевидно, что воззрения сирийских салафитов, борющихся против правительства Башара Асада, не только радикально отличаются от воззрений традиционных мусульманских конфессий – шиитов и традиционных суннитов. Более того, именно идеология, берущая начало еще в XVIII веке, а, в более глубо-

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Антиправительственные экстремистские организации в Сирии // <http://russiancouncil.ru/syria-extremism#aash>

¹⁷⁸ Юсин М. Сирийская оппозиция теряет светскость // <http://kommersant.ru/doc/1991749>

¹⁷⁹ Там же.

ких аспектах – в XIV столетии, а никак не ситуативные или личностные моменты, является основанием для жестоких действий таких группировок, как «Исламское государство», «Джабхат Фатх аш-Шам», «Ахрар аш-Шам» и др. по отношению к их противникам. Соответствующие моменты можно найти, как в литературе прошлого, так и в высказываниях современных лидеров салафитов.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В.Х. Акаев

1. Факторы детерминации религиозно-политического экстремизма. Концепт «религиозно-политический экстремизм» представляет собой разновидность политического экстремизма, ориентированного на противодействие бытующим религиозным ценностям, адаптированным к политической и культурной реальности, а также на смену политической системы, сложившейся в обществе. Деятельность сторонников религиозно-политического экстремизма сопровождается конфликтами с носителями традиционных конфессиональных ценностей. Крайние формы экстремизма деструктивны и их формами являются – терроризм и революционизм.

К субъектам религиозно-политического экстремизма западные исследователи относят так называемых исламистов. Сторонники исламизма в XIX в. ислам понимали как религию и цивилизацию одновременно. Сегодня же содержание этого термина искажено, исламистами называют непримиримых консерваторов и воинственных экстремистов, прикрывающих-ся исламом. «Убивать американцев и их союзников – гражданских и военных – личный долг мусульманина, который может делать это в любой стране, где только возможно», – таковой была политическая философия Усамы бен Ладен. Эта иде-

ология бесчеловечна, далека от ислама, поскольку является открыто экстремистской и нацеливает на террористические действия. Суть исламизма как вида религиозно-политического экстремизма заключается в политической активности, осуществлении борьбы против колонизаторов, освобождении территорий мусульман от военного, экономического, финансового присутствия США, в оправдании терроризма как метода борьбы против захватчиков, одобрении глобального джихада, создании всемирного халифата. Эти идеи широко используют в своей деятельности разные движения, группы, прикрывающиеся исламом.

Религиозно-политический экстремизм имеет в качестве крайней своей формы террористические проявления. Это имело место в религиозно-экстремистской деятельности ваххабитов на Северном Кавказе в 90-е – начале 2000-х годов, когда ставилась задача образования Кавказского халифата, создав для этого Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, ставя задача вытеснения с Кавказа русских и России. Сначала идеологи салафитов-ваххабитов высказывали идеи, идеологические концепции, а затем предпринимались попытки их реализации. Для реализации своего проекта они применяли насилие, экстремистские и террористические акции.

Сепаратистская и религиозно-экстремистская деятельность ваххабитов на Северном Кавказе, а также меры противодействия ей повлекли колоссальные разрушения, детерминировали две военные компании в Чечне, привели к гибели тысячи людей.

Если с начала 2000-х годов в Чечне начался процесс стабилизации, то религиозно-политическая ситуация в соседних республиках Ингушетии, Дагестане, КБР часто обострялась. Так, в 2005 году в КБР резко обострились отношения между исламистами и силовыми структурами. В результате возник крупный военный конфликт, связанный с нападением салафитов на силовые структуры, в ходе которого погибли и получили ранения более 400 человек, в числе которых были

сами исламисты, представители силовых структур, мирные жители.¹⁸⁰

4 декабря 2014 года, исламисты, принадлежащие к террористической организации – «Имарат Кавказ», совершают нападение на пост ДПС в Грозном, преследуемые силовыми структурами укрываются в Доме печати. В ходе проведенной контртеррористической операции 11 исламистов были уничтожены, погибли 14 сотрудников силовых структур, более 30-ти получили ранения. Эти факты свидетельствуют об угрозах, исходящих от преступной деятельности экстремистов и террористов. Некоторые эксперты высказывают мнение о том, что к нападению экстремистов на г. Грозный причастны члены международной террористической организации ИГИЛ (ныне называемой ИГ), якобы демонстрирующей свои возможности, находясь за пределами Кавказа.

Лидеры ИГ высказывали угрозы в адрес Президента России, Главы ЧР, россиян, заявляя, что их будут убивать в их домах. Подпольно действующие ваххабитские группировки на Северном Кавказе, судя по данным СМИ, пытались установить контакты с ИГИЛ. Более того лидеры террористической организации «Имарат Кавказ» принесли присягу верности Исламскому государству, используя видеотехнику, выдавая в эфир саму процедуру этой присяги¹⁸¹.

2. «Исламизм» как религиозно-политический экстремизм. Западные исследователи широко употребляют понятие «исламизм» или «политический ислам», охватывающий религиозно-политическую деятельность широкого спектра мусульман, мусульманских организаций, играющих заметную роль в политических процессах. После 11 сентября 2001 года Президент США Буш-младший ввел новый термин «исламофашизм», а американский неоконсерватор Дэниел Пайпс в 2003 году в своем интервью в «Известиях» рассуждал о «воинственном исламе», являющемся религиозной верой, превратившейся в тоталитарную идеологию, которая должна быть уничтожена

¹⁸⁰ Кантен Людвиг. Ислам. Ключевые слова. – СПб., 2008. – С. 70.

¹⁸¹ Ислам на Северном Кавказе: история и современность / Под ред. Ислама Текущева и Кирилла Шевченко. – Прага: Medium Orient, 2011. – С. 145.

как фашизм военными средствами и как марксизм-ленинизм политическими, экономическими средствами¹⁸². С его точки зрения, воинственный ислам – это террористическая разновидность ислама, и он – главный враг США и России. Вопреки мнению Пайпса в природе нет ни воинственного, ни террористического ислама. А вот попытка свести ислам к терроризму – излюбленный пропагандистский прием современных американских исламофобов.

Е. М. Примаков в одной из своих книг также писал о джихадистах – исламских экстремистах¹⁸³, но при этом не дает разъяснения содержательным аспектам, вводимых терминов политического ислама. В отечественных исследованиях употребляют не только термин «исламизм», но и радикальный, экстремистский ислам, исламский фундаментализм и т.д. Так, известный отечественный исследователь ислама А. А. Игнатенко под исламизмом подразумевает «теорию и практику политических движений, ставящих перед собой цели приведения общественного и государственного устройства в тех странах, где живут мусульмане, в соответствии с установлениями ислама»¹⁸⁴.

По его мнению, главным врагом для исламистов является Запад, поскольку от него идет **секуляризация** в виде либерализма или демократии, коммунизма или национализма¹⁸⁵. С другой стороны, явление «исламского экстремизма» некоторые исследователи считают виртуальным, лишенным реального содержания и проявлений. Но тот же А. А. Игнатенко полагает существование исламизма реальным, испытывающим внешнее воздействие, определяя его характер и действия.

А. Малашенко выявляет субъекты исламизма, коими считает политические движения, куда вовлекаются бедняки и богачи, неграмотные люди и профессора, подростки и старики». «Но если каждый исламист – мусульманин, то не каждый му-

¹⁸² Алиев Шамиль. Характер присяги // Черновик. – 2015. – 11 июня. – С. 3.

¹⁸³ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Российская газета, 2012. – 414 с.

¹⁸⁴ Примаков Е.М. Мысли вслух. – М.: Российская газета, 2011. – С. 175.

¹⁸⁵ Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 67.

сульманин – исламист, сторонник исламской альтернативы как единственного пути построения идеального общества и государства»¹⁸⁶. Думается, что это высказывание в силу его чрезмерного обобщения не отличается логической корректностью.

Американский исследователь политического ислама Дж. Эспозито исламизм отождествляет с фундаментализмом, исламским активизмом, политическим исламом. В качестве субъектов исламизма он также выделяет политические, социальные движения, организации или людей, верующих, полагающих, что ислам можно применить к любым сферам жизни, частной, общественной и социальной. «Для них ислам – не только религия, но и идеология, направленная на построение исламского государства или общественного порядка»¹⁸⁷. Этих субъектов он не относит ни к экстремистам, ни к воинственным исламистам.

Е. М. Примаков считал, что США «широко использовали в своих интересах исламские экстремистские организации, особенно в то время, когда Советская армия вступала в Афганистан»¹⁸⁸. Среди афганских моджахедов, сражавшихся против советских войск, «распространились лозунги создания халифата, которые взял на вооружение бен Ладен».¹⁸⁹ Он пишет, что США создавали исламские группы, действующими методами террора, поддерживали радикальный исламизм¹⁹⁰.

При таком противоречивом понимании исламизма складывается неадекватная картина – разделение мусульман на участников в общественно-политической жизни, религиозных активистов, а также и на не вмешивающихся, так называемых традиционалистов, умеренных мусульман, придерживающихся ислама как чисто религиозного учения. Последние же в социально-политическом отношении пассивны, далеки от политической, социальной активности.

¹⁸⁶ Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 42-43.

¹⁸⁷ Малащенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. – С. 78.

¹⁸⁸ Эспозито Дж. Ислам: Почему мусульмане такие. – М.: Эксмо, 2011. – С. 284-285.

¹⁸⁹ Примаков Е.М. Мысли вслух. – М.: Российская газета, 2011. – С. 100.

¹⁹⁰ Там же. – С. 101.

Нередко западные исследователи и их подражатели в разных странах любую попытку организации общества, формирование власти на основе сакральных ценностей ислама воспринимают как радикализм, экстремизм, терроризм, направленные против демократии, свободы, европейской системы мультикультурализма, независимости человека. С нашей точки зрения, продуцируемая на Западе терминология, некритически воспринимаемая некоторыми отечественными исследователями, является информационным жупелом, усиливающим противостояние ислама и Запада.

Но на Западе высказываются и иные точки зрения. Так, французский исследователь ислама Майлаз Ратвен подчеркивает значение политического ислама для мусульман в современных условиях, и он пишет: «Крах коммунизма и неспособность марксизма избавиться от клейма атеизма сделали исламизм привлекательным оружием в борьбе со все более коррумпированными, авторитарными, а иногда и тираническими режимами»¹⁹¹. Тем самым автор оправдывает исламизм как целенаправленную деятельность сторонников политического ислама.

Термины «исламизм» или «ваххабизм», как одна из его форм, в целом носят негативный смысл, подразумевая под их носителями членов радикальных религиозно-политических организаций, вооруженных группировок. Но при этом существование умеренных исламистов, которых всегда большинство, умалчивается. Последние же могут быть консерваторами, реформаторами и занимать определенные места в политических системах или выступать за поэтапные перемены в своем обществе. Военизированные исламисты – это экстремисты, работающие за вооруженную борьбу с использованием насилия и террора против установленного порядка. Они являются собой угрозу, опасность людям, обществу, государству. Естественно при такой ситуации государство вынуждено обеспечивать безопасность общества, используя жесткие и даже карательные меры, тем самым добиваясь законности и правопорядка в государстве.

¹⁹¹ Там же. – С. 102.

Факторы детерминации экстремизма: глобальные и региональные. Прихожу к мысли о том, что экстремистские действия, совершаемые молодежью на Северном Кавказе, во многом является следствием их психологической и идеологической обработки, осуществляемой через социальные сети отдельными проповедниками в мечетях, а также их правовой безграмотности, незнания законов. Здесь очевидны недоработки общества и власти. Для России и ее регионов, очень важно выработать систему мер, ограничивающую, блокирующую это влияние, защищающую молодежь от вовлечения в экстремистские, террористические организации, возможных трагических последствий. Вместе с тем нужно отметить, что в Чеченской Республике, начиная с антивахабитской деятельности А.А. Кадырова, продолжаемой нынешним руководством Чеченской Республики, накоплен значительный опыт политического, идейного, духовно-нравственного, правового противодействия проявлениям религиозно-политического экстремизма, и такой его формы как «северокавказский» вахабизм.

Эксперты высказывали точку зрения о том, что идеологией ИГ является салафизм. Этой же идеологией придерживались и северокавказские ваххабиты, которые в 90-е годы ставили задачу создания на Кавказе своего государства. Так, для этих целей Ш. Басаев, З. Яндарбиев, М. Удугов, И. Халимов, Б. Кебедов, Адалло Алиев и др. в апреле 1998 года в г. Грозный создают организацию – Конгресс народов Ичкерии и Дагестана (КНИД), деятельность которой имела явно выраженный экстремистский характер. Свою конечную цель она видела в создании Исламского халифата на Кавказе. 2-6 августа 1999 года ваххабиты М. Кебедова, Ш. Басаева, Хаттаба вторгаются в горный Дагестан, тем самым детерминировав вторую российско-чеченскую войну с ее трагическими последствиями для чеченского народа, а в целом и для России. В 2003 году Верховный суд РФ признал КНИД террористической организацией.

Приведенные сведения позволяют провести параллель между деятельностью КНИД и ИГИЛ (ИГ), выявить при этом некие общие позиции их идеологий и практик. Последняя группиров-

ка захватила огромные территории, ее ресурсы значительны, ни одна террористическая организация никогда не имела колоссальных возможностей ИГ, названное экспертным сообществом квазигосударством. Высказывается мнение о том, что между ним и Западом, который якобы борется против террористов, существует определенная взаимосвязь, более того, полагают, что ИГ – «исполнитель хорошо спланированного Западом заказа».

Согласно крайней салафитской идеологии ИГ, все, кто ее не признает – враг ислама, а любой этнический мусульманин или мусульманин традиционного мазхаба является муртадом, то есть вероотступником, все остальные – кафиры (неверные), подлежащие уничтожению. Подобные идеи высказывали и северокавказские ваххабиты.

От рук игиловцев погибли сотни и тысячи арабов, курдов, туркмен, пуштунов, и прочих «дикарей» с их детьми, а их число увеличивалось и бомбёжками. Печальная, бесчеловечная, безбожная, демоническая ситуация. Но цивилизованный Запад и «нецивилизованный» Восток ничего не делают, чтобы обуздить эту антиисламскую политику США и сторонников воинственного исламизма. Ясно, что это – мирового значения проблема, разрозненными силами мирового сообщества не разрешить. Думается, должно наступить соответствующее осознание необходимости преодоления насилия в масштабах мира. Но его пока нет, поэтому идею эту можем постоянно транслировать, используя всевозможные ресурсы.

Кто вербует молодежь на джихад и как этому противостоять? Считаю, что сегодня для нас важно, уберечь наших детей, внуков, правнуоков от сетей экстремистов, вербовщиков ИГ. Через вербовщиков из России в Сирию уехали до 5 тыс. молодых людей, а из Кавказа более 500 молодых людей, называют цифру и 1700 чел. Воюя на стороне Исламского халифата они погибли сотнями. Представляется, что подобными проектами выявляют пассионарную религиозно ориентированную молодежь с целью её минимизации, вовлекая в военные действия.

Почему-то молодые, талантливые девушки, убегая от своих родителей, пытались попасть в ИГИЛ. В Сирию несколько лет

тому назад сбежала дочь министра, обучавшаяся на медфаке одного из северокавказских вузов. Случай с Варварой Караполовой, студенткой 2 курса философского факультета МГУ стал широко известен, её удалось вернуть домой, но она связывается с вербовщиком-влюблённым, что привело к её аресту и осуждению на 4,5 года. Марьям Исмаилова, студентка РАНХ и ГС сбежала в Сирию. Перебравшись из Чечни в Европу, на джихад в Сирию отправился молодой человек с женой и 4-и детьми. Он погибает, а среди боевиков остается его семья. Родители, родственники в шоке и не знают, что делать, как вывести ее из Сирии.

Еще один молодой человек, назовем его Э., учился в престижном ВУЗе, занимался восточными единоборствами, был отчислен в Москве за академическую неуспеваемость. Через соцсети попал под влияние сторонников джихада, отправился в Сирию. Попал в лагерь, не выдержав издевательств командира, избил его, понес побои от его сторонников. Участие в военных действиях он не принимал. Убедившись, что в Сирии нет никакого джихада, понимая, что ему грозить опасность от тех, с кем он вступил в конфликт, убегает, преодолевая колючие преграды и попадает в Турцию. Родственник, живший в Стамбуле, направляет его в Москву, а в аэропорту в 3 часа ночи подвергается аресту, шесть месяцев находился под следствием в Лефортово. Суд над ним состоялся в Грозном, хотя прописка у него была в Москве, получает срок 3,5 года и отправлен в колонию на восток страны. Следователь, судьи, наверняка, получили поощрения, награды за раскрытие «преступления», совершенного им. Но ведь можно было бы осудить его, вынося более мягкий приговор, не ломая жизнь этому молодому человеку.

Другой пример. Троє друзей С. уехали в Сирию и писали ему сообщения, что находятся в джихаде, и предлагая присоединиться к ним. Но С. отвечал, что у него джихад в Чечне, где он должен работать и дать образование двум своим братьям. Видя непреклонную позицию С., друзья стали просить деньги на джихад. Все трое погибают. В Сирии погибли два брата из Ведено, у одного осталась жена с ребенком в Грозном. Ни один

из них не просил благословение у родителей, у своих матерей на джихад. Полагаю, что мусульманское духовенство Северного Кавказа и страны в целом недостаточно настойчиво разъясняет молодежи, придерживающейся исламских ценностей, является ли джихадом поступки, ввергающие родителей, особенно мать, в психологическую травму, трагедию. Молодежь, отправляющаяся на джихад в Сирию, сравнима с полетом однодневных мотыльков на испепеляющий их огонь.

Вопрос, почему определенная часть молодежи устремлялась на джихад в Сирию, является многоаспектным, но перечисленные факты позволяют прийти к следующим заключениям:

1. Отдельные молодые люди через имамов в мечетях, а также через социальные сети попадали под влияние проводимой идеологической агитации.
2. В бедных семьях молодые люди соблазняются на обещания вербовщиков, что они получат большие деньги.
3. Убегает от жизненных коллизий.
4. Пытаются скрыться от совершенных преступлений.
5. Проявляют протест против несправедливого общества и хотят быть соучастники создания «всемирного халифата».
6. Девушки убегали к своим возлюбленным, бойфрендам.
7. Существует версия и том, что спецслужбы причастны к их отправлению в Сирию.
8. Бедность и нищета порою являются важнейшими факторами вовлечения молодых людей в экстремистские, радикалистские группы.
9. Молодым людям свойственен максимализм, обостренное восприятие социальной несправедливости, несовершенство мира, не имея жизненного опыта, научной, теологической подготовки, их легко возбудить и нацелить на определенные действия. А старшее поколение в условиях дикого рынка, либерализации всевозможных отношений, не смогло направить их на путь истины.

В этом контексте примечательна мысль Е. М. Примакова, утверждающего, что часто молодые люди на Северном Кавказе подвергаются влиянию исламских проповедников, многие из

них не желают мириться с местными формами коррупции, беззаконием, контрастно проявляющимся на Северном Кавказе¹⁹².

3. Меры противодействия. Хотелось бы высказать ряд соображений о мерах противодействия религиозно-политическому экстремизму, различным формам его проявления. Очевидна необходимость пресечения властью политико-правовыми средствами деятельность экстремистов, а также осуществление широкого интенсивного воздействия общества, духовенства на молодежь. Важно добиться прозрачности деятельности радикально настроенной молодежи, вовлекая её в общественно-полезные дела, создавая центры доверия, взаимной поддержки, вовлечения в образовательные программы по демилитаризации, деэкстремизации сознания, минимизации агрессивности. Необходимо интенсивно создавать для молодых людей социально-культурные условия для гармоничного развития, обеспечить широкими возможностями трудоустройства, вовлечения в творческие коллективы и т.д.

В нашей стране разработаны меры противодействия экстремизму, например ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», «Об общественных объединениях», «О средствах массовой информации», «О свободе совести и религиозных объединениях», «О политических партиях», «Об оперативно-розыскной деятельности» и др. Отмеченные законодательные нормы составляют правовую основу противодействия религиозно-политическому экстремизму, в различных его проявлениях.

Вместе с тем, эти законодательные нормы, как представляются, приобретут свою практическую эффективность, если они будут подкрепляться социально-экономическими, политическими, психолого-идеологическими действиями, направленными на ранние формы выявления радикализма, экстремизма, на их профилактику, блокирование и противодействие.

Еще один аспект. Органы власти, духовенство, общественные организации, учебные заведения Чеченской Республики накопили достаточно большой опыт, имеющий не только ре-

¹⁹² Примаков Е.М. Мысли вслух. – М.: Российская газета, 2011. – С. 174-175.

гиональное, но и общероссийское значение. Два раза в месяц представители духовенства, студенты Российского исламского университета им. Кунта-Хаджи встречаются со школьниками, молодежью колледжей, ВУЗов с целью проведения работы по их духовно-нравственному воспитанию, что коррелируется с соответствующей Программой, утвержденной Главой Чеченской Республики Р. А Кадыровым.

Важно, чтобы подобные действия с учетом специфики регионов происходили бы по всей стране. В качестве позитивного примера можно привести и деятельность муфтия Хаджимурата Гацалова в Северной Осетии-Алании. Так, 25 мая 2016 года во Владикавказе состоялась исламская богословская конференция, на которой была принята фетва о неприменимости к республике термина «дар аль-харб» (территория войны), мотивируя тем, что мусульмане живут в республике в условиях безопасности, пользуются религиозной свободой, гарантированной Конституцией России, и совершают исламские обряды». Кроме того, ДУМ РСО-А приняла фетву, запрещающую местным мусульманам участвовать в сирийских событиях¹⁹³. Эта позиция ДУМ Осетии, по мнению Х. Гацалова, способствовало резкому ограничению оттока молодежи в Сирию.

Представляется, что для широкого исследования причин радикализма и экстремизма, преступных форм их проявления, выработки эффективной системы мер противодействия необходимо опираться на новые технологии, методологии, а для этого настало время формировать квалифицированные кадры с современными знаниями. Также, полагаю, что сегодня нужно разработать Комплексную программу творческого обучения, духовно-нравственного и патриотического воспитания, и в целом и социализации молодежи не только Северного Кавказа, но и всей страны. Между тем это – государственной важности задача, требующего неотложного решения.

---

¹⁹³ Гацалов Х.Х. Россия и ислам: на острие атаки. – Пушкино, 2016. – С. 249.

РАЗДЕЛ 4. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

«ИГИЛ»: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

И.П. Добаев

Уже несколько десятилетий внимание ученых фокусируется на изучении неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО) исламистской направленности, продуцирующих религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламом. Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, а также вопросы финансовой подпитки терроризма¹⁹⁴. В этой связи проведем анализ указанных четырех сфер, поддерживающих современный терроризм в мире, применительно к «ДАИШ» («ИГИЛ»), что в переводе с арабского на русский язык звучит как «Исламское государство Ирака и Леванта». Сегодня эта группировка известна как «Исламское государство» (ИГ), деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

ИГ возникло в 2006 г. в период оккупации Ирака войсками США и их союзников. В то время эта суннитская исламистская группировка называлась «Исламское государство Ирака и Ле-

¹⁹⁴ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. – С. 133.

ванта» (ИГИЛ) и ставило своей целью борьбу с оккупационными силами (Левант является латинским переводом арабского географического названия аш-Шам, обозначающего современные Сирию, Ливан, Палестину и часть Иордании). После начала гражданского конфликта в Сирии в 2011 г. часть формирований ИГИЛ вошла на сирийскую территорию и присоединилась к действиям вооруженной сирийской оппозиции против правительенной армии. Боевики ИГИЛ захватили на территории Сирии часть отдаленной провинции Ракка, где объявили о введении законов шариата. Характерно, что действия ИГИЛ, как и других оппозиционных сил, в то время поддерживались странами НАТО и монархиями Персидского Залива, выступавшими за свержение президента Сирии – Б. Асада¹⁹⁵.

В августе 2014 г. боевики ИГИЛ, используя недовольство части суннитских племен на севере Ирака преобладанием шиитов в руководстве страны и ущемлением прав суннитов, вмешались в конфликт между суннитской общиной и правительством Нури аль-Малики, предприняли успешное наступление вглубь Ирака и захватили ряд городов, в том числе второй по величине иракский город Мосул. В захваченных районах ИГИЛ начало практиковать репрессии и террор по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам (курдам, мусульманам-шиитам, езидам, христианам). Боевики ИГИЛ даже пытались распространить свое наступление на Ливан, угрожали Иордании. Через некоторое время эта террористическая группировка провозгласила на захваченных территориях Ирака и Сирии «Исламское государство» (ИГ), руководителем которого был объявлен лидер ИГИЛ – Абу Бакр аль-Багдади¹⁹⁶.

Стремясь к развитию военного успеха, боевики ИГ предприняли наступление в направлении Киркука в районе нефтяных месторождений Иракского Курдистана, но были остановлены курдскими вооруженными формированиями «пешмерга». Ведущие страны НАТО во главе с США заявили о своей поддержке

¹⁹⁵ Добаев И.П. Черноморско-Каспийский регион в фокусе стратегических интересов мировых держав // Ориентир. – 2015. – № 12. – С. 10-14.

¹⁹⁶ Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. – Ростов-на-Дону: изд-во Южного федерального университета, 2015. – С.86.

курдов в их противостоянии с ИГ и приступили к поставкам военного снаряжения в Иракский Курдистан, который после краха режима Саддама Хусейна получил широкую автономию и де-факто (но не де-юре) является самостоятельным государственным образованием. В тот период времени США, Евросоюз и Израиль фактически подталкивали курдов к независимости, планируя превратить будущее независимое курдское государство во влиятельную прозападную силу в регионе. Военно-политическая поддержка Западом курдов в их противостоянии с ИГ была обусловлена также тем, что наступление ИГ угрожало нефтегазовому району Киркука и городу Эрбиль, столице Курдистана, где находятся представительства многих западных компаний.

Как следствие, Вашингтон и Лондон заявили о начале бомбардировок территорий, контролируемых ИГ, а также о создании коалиции из 40 государств (участие в коалиции Ирана и Сирии инициаторами ее образования исключалось) для борьбы с этой группировкой. Одновременно США до сих пор подвергают бомбардировке позиции ИГ не только на территории Ирака, но и Сирии, причем без ведома официальных властей этих стран. Таким образом, совершенно очевидно, что все действия США в плоскости борьбы с «Исламским государством» подтверждают неизменность целей американской политики в регионе: свержение режима Башара Асада в Сирии, приведение к власти в Ираке сил, враждебных Тегерану и Дамаску, максимальное ослабление Ирана и шиитского движения «Хизбалла» в Ливане, а в перспективе продвижение «джихада» к границам России.

В свое время автор настоящей статьи предложил классификацию исламистских НРПО по этапам их эволюции, которые, как представляется, четко маркируют организации разных поколений по степени радикализации их идеологических доктрин и эскалации политической практики насилия, нацеленных на достижение исламистами власти в масштабах анклава, отдельной страны, а также на региональном или даже глобальном уровне. На основании предлагаемого эволюционного подхода нами были выделены четыре поколения (волны, этапа) в развитии

неправительственных религиозно-политических организаций, в результате чего была предложена следующая их типология¹⁹⁷:

- *НРПО первого поколения*: египетская «Братья-мусульмане» (БМ), образованная на их базе филиальная сеть в других мусульманских странах, а также организации, отпочковавшиеся от БМ, но придерживающиеся идейных установок «Братьев»;
- *организации второго поколения*, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской экспанссией на Ближнем Востоке под влиянием идей «исламской революции» в Иране (например, палестинская «Джихад ислами», ливанская «Хезболлах»);
- *НРПО третьего поколения*, развившиеся в ходе событий в Афганистане, начиная с апреля 1978 г. по настоящее время (наиболее ярким примером выступает религиозно-политическое движение «Талибан»);
- *структуры* последнего, *четвертого поколения*, представляющие собой международные радикальные исламские группировки, стремящиеся консолидировать, контролировать и управлять практически всеми экстремистскими НРПО «мусульманского мира» (к таким организациям можно отнести «Аль-Каиду» и «Мировой фронт джихада», основанные Усамой бен Ладеном).

Безусловно, все современные исламистские НРПО «вышли из шинели» египетских «Братьев-мусульман». Не стала исключением из этого правила и «ДАИШ». Ее идеологическая доктрина заимствована у такфиритов-джихадистов «Аль-Каиды», поскольку основообразующими категориями этой НРПО выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру)¹⁹⁸. В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» – неверные), а,

¹⁹⁷ Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 17-18.

¹⁹⁸ См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).

во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртадун» – отступники от ислама, а также «мунафикун» – лицемеры – т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Так, Айман аз-Завахири, в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды», в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» в связи с агрессией США и их союзников в отношении талибского Афганистана обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать «крестоносцев». Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)¹⁹⁹.

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды» (впоследствии на основе этой организации и возникла «ДАИШ» – И.Д.), иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах²⁰⁰, под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного

¹⁹⁹ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов н/Дону, 2014. – С. 149-150.

²⁰⁰ См., например: <http://www.short-link.de/2054>

дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делил людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявил «вояющей стороной»: шариат, напоминал он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считал аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточно основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, в XX – начале XXI вв. сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов. Практически все современные радикальные исламистские группировки, включая «ДАИШ», напрямую используют положения именно этой доктрины, а потому говорить об идеологической самостоятельности этой структуры не приходится.

Что касается организационного строения современных НРПО, то история последнего столетия со всей очевидностью свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разнопланового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры²⁰¹. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы

²⁰¹ См., например: Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 143 с.

своих стран. Это можно полностью отнести, например, к первой организации такой направленности – египетским «Братья-ям-мусульманам», основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 года, которая временами действовала легально, а порой находилась в подполье.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на идеологической и организационной основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран, и ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов), используя в этих целях все средства, в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

Вместе с тем, в 90-х гг. прошлого века мир стал свидетельством объединительных процессов в радикальном исламистском движении. Экстремисты в тот период времени контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т.д. В 1998 г. им даже удалось создать т.н. «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба, с претензиями на мировое господство, во главе с лидером «Аль-Каиды» того времени – Усамой бен-Ладеном.

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду стала фиксироваться децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство все же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «пачучьей сети», а также и полностью независимые.

Сетевой принцип организации дает террористическим группировкам следующие важные возможности:

- совместимость транснациональных террористических групп, нелегальных торговцев оружием, транснациональных преступных синдикатов, наркомафии, фундаменталистов, этнонациональных движений, экстремистской идеологии, информационных пиратов, контрабандистов²⁰²;
- высокую скорость поступления и передачи информации²⁰³;
- единую информационную инфраструктуру²⁰⁴;
- скорость командования (сокращение скорости принятия решений)²⁰⁵;
- «самосинхронизацию» (возможность действия в автономном режиме);
- «распределения силы» (ведение точечных операций; занятие обширного пространства; возможность сосредоточения большого объема силы; усиление взаимодействия.);
- децентрализацию;
- конспиративность, надежную систему безопасности²⁰⁶;
- глубокую интеграцию (вовлеченность) элементов системы;
- подвижность (трудно уязвимая цель);
- эффективность использования современных возможностей;
- возможность осуществления эффективной деятельности под командованием экстерриториального центра.

Кроме того, как свидетельствует мировой опыт, децентрализующиеся радикальные исламистские структуры обладают

²⁰² Бедрицкий А.В. Эволюция американской концепции информационной войны / Аналитические записки РИСИ. – М., 2003. – № 3. – С. 13.

²⁰³ Бедрицкий А.В. Реализация концепции сетевой войны в ведущих странах Запада. – М., 2005. – № 3. – С. 67.

²⁰⁴ Alberts D., Garstka J., Stein P. Network Centric Warfare. Developing and Leveraging Information Superiority // CCRP, 2000. – Р. 91.

²⁰⁵ Дugin А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007. – С. 322.

²⁰⁶ Libicki M. What Information Architecture for Defense // New Challenges, New Tools for Decision making, 2003. – Р. 78.

повышенными способностями к регенерации, а, кроме того, в их состав постоянно осуществляется приток свежей крови.

В результате, на сегодняшний день, например, «Аль-Каида» представляет собой сеть из плохо связанных друг с другом региональных организаций с ослабленным центральным руководством. Руководство стимулирует отдельные организации на осуществление терактов, порой помогает им деньгами и советами, а также обучает их боевиков таким навыкам, как производство взрывных устройств или бой в городских условиях. Тем не менее, о современном террористическом движении сегодня уместнее говорить как о разветвленной децентрализованной сетевой структуре, или даже такого же рода движении.

Аналогичное можно сказать и о «ДАИШ»: на контролируемых группировкой территориях наблюдается иерархическое строение ее отрядов. В других случаях, например на Северном Кавказе, где ряд банд бывшего «Имарат Кавказ» присягнули на верность «ИГ», фиксируются исламистские сети²⁰⁷. В случае окончательного военного поражения «ДАИШ» в Ираке и Сирии, нет никакого сомнения в том, что как и «Аль-Каида», эта группировка окончательно станет сетевой, перенеся свою деятельность в глубокое подполье. Отсюда следует, что и в области организационного строительства лидеры «ДАИШ» используют уже наработанные их предшественниками схемы, не привнеся в эту область каких-либо существенных новаций.

Относительно форм и методов осуществления боевиками «ДАИШ» своей практической деятельности, то, как и у других радикальных исламистских группировок, спектр их деятельности достаточно широк: от осуществления т.н. «исламского призыва» (идеолого-пропагандистская и информационная деятельность) – до самых изощренных способов осуществления диверсионно-террористической активности, включая акции самоподрывов (т.н. «шахидизм»). Однако в любом случае можно утверждать, что и в области форм и методов осуществления своей специфической практики активисты и боевики «ДАИШ»

²⁰⁷ См. об этом: Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 173с.

не изобрели ничего нового, оригинального по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока, но являются потребителями изобретений «первооткрывателей», начиная от «Братьев-мусульман» и вплоть до «Аль-Каиды».

Финансирование любой террористической группировки представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно осуществлять какую-либо деятельность без наличия денежных средств. Для «ДАИШ» сформированная финансовая система выступает важнейшим системным элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации далеко идущих планов по воссозданию т.н. «халифата». В настоящее время финансирование ИГ, его отдельных региональных кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы финансирования, структура его источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике. Однако в каждый момент времени структура финансирования «ДАИШ» и его сторонников может существенно различаться по отдельным контролируемым этой организацией территориям, как и ее зарубежными сетевыми структурами. При этом, по мере перехода от централизованных структур, что представляется практически неизбежным в случае военных успехов сирийской армии при поддержке ВКС РФ, к поликентрической (сетевой) организации подполья, источники финансирования будут и далее дифференцироваться, дробиться, как и число возможных адресатов данного финансирования.

На сегодняшний день источники финансирования «ДАИШ» могут быть разбиты на две основные группы: внешние и внутренние. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств-спонсоров; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также разнообразных террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования «ДАИШ» следует отнести доходы, получаемые от добычи и продажи нефти, присвоения денежных средств при захвате банков и других финансовых учреждений, легального и нелегального бизнеса

(работоторговля, торговля оружием, наркотиками и т.п.), а также прочие доходы, к которым можно причислить помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организаций, а также и рэкет.

Итак, в настоящее время реальная структура финансирования «ДАИШ» и его последователей в других странах представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Однако все эти источники финансово-экономической подпитки радикалов «ИГ» вряд ли следует считать некими новациями, изобретенные активистами «ДАИШ», они были известны и прежде в практике других современных радикальных исламистских групп.

Тем не менее, «ДАИШ» существенно отличается от других структур, заявляющих те же цели и базирующихся на тех же идеологических принципах. Среди таких главных отличий, как представляется, следует выделить следующие:

- Скорость развития группировки (в 2003 г. – «Аль-Каида в Ираке», в 2013 г. – «ДАИШ» («ИГИЛ»), в 2014 г. – «ИГ», захват части территории Ирака и Сирии).
- Масштабность действий («ИГ» была близка к захвату Багдада и Дамаска, объявлению воссоздания «Халифата», распространению своего влияния на территории, некогда входившие в состав Аббасидского халифата).
- Создание на контролируемых территориях квазигосударства (признаки: законы, территория, налоговая и денежная система и т.д.).
- Наличие подконтрольных сетевых группировок в Алжире, Афганистане, Египте, Ливане, Ливии, Нигерии, Пакистане, на Северном Кавказе).
- Использование новейших технологий и механизмов идеологической и информационной работы в русле оказания влияния, прежде всего, на молодежь.

Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что в течение XX – начале XXI вв. в мире появились сотни радикальных исламистских группировок. По нашему мнению, наиболее

масштабными из них являются три: «Братья-мусульмане», располагающие своими структурами во многих странах, «Аль-Каида», создавшая в различных регионах мира сетевые кластеры, и, конечно, «ДАИШ», достигшая своеобразных «успехов» в деле строительства «Халифата». Однако, не без внешних инспираций, возбуждение «мусульманского мира» продолжает набирать обороты. Отсюда следует, что говорить об упадке и стагнации радикального исламистского движения преждевременно.

«ИГИЛ» НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

П.М. Колесников

Когда в середине июня 2014 г. отряды ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта)²⁰⁸ штурмом овладели Мосулом, главным городом иракской провинции Ниневия, мир пришел в замешательство, больше похожее на потрясение. На Ближнем Востоке были захвачены территории, почти равные по площади Великобритании. Примерно 1000 боевиков вошли в город в центральном Ираке, оборонявшийся 30-тысячным гарнизоном иракских солдат и полицейских. Те отступили, оставив ИГИЛ американские вездеходы «Хамви» и танки «Абрамс» стоимостью в десятки миллионов долларов. Тысячи человеческих жертв, разрушенная инфраструктура, социально-политический и религиозный раскол внутри общества. Так кто же эти террористы, обладающие уже не только бронированными автомобилями и танками, но и миллионами нефtedолларов и, что страшнее всего, идеологической популярностью у определенной пролойки мусульманского сообщества? И что вообще представ-

²⁰⁸ Левант (от ср.-франц. Soleil levant – «восход солнца»; по-арабски: أش^ش (Аш-Шам); на иврите: Канаан, Ханаан) – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция), в более узком значении — Сирии, Палестины и Ливана. Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С, международные организации «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (Фронт победы) признаны террористическими, а их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

ляет собой ИГИЛ – государство, организацию или нечто более похожее на современную армию?

В попытке ответить на данный вопрос, спустя всего лишь несколько лет с тех событий, границы, разделявшие Сирию и Ирак, современные национальные государственные образования, которые почти 100 лет находились в пределах этих территорий, оказались стертymi. Сторонники ИГИЛ объявили, что этот символический акт воссоединения знаменует собой конец англо-французского колониального сговора, из-за которого еще до окончания Первой мировой войны карта Ближнего Востока была перекроена в нынешних границах. Но теперь на этой карте не останется ни единого следа прошлого западного влияния. Вместо этого на ней будет только халифат – подлинное исламское государству, базирующееся на нормах шариата. Обладай мусульмане достаточной силой, торжественно заявил Абу-Бакр аль-Багдади, глава ИГИЛ, халифат несомненно вновь простирался бы до Испании и даже захватил бы Рим²⁰⁹.

Для того чтобы понять природу ИГИЛ, проанализировать эволюцию этой организации следует обратиться к ее идеологической платформе, понять политico-религиозные притязания ее лидеров. Одним из важнейших пунктом для возникновения и дальнейшей активизации группировки «Исламское государство» в Ираке и Аш-Шаме, явились идеологические основы, близкие по своей природе к тем исламистским постулатам, на которых основывалась другая, некогда могущественная террористическая организация «Аль-Каида». При этом, как и другие радикальные исламистские группировки ИГИЛ принимала активное участие в формировании общего джихадистско-салафитского вектора, пользующегося сегодня большой популярностью не только в арабских странах, но и в самых прогрессивных европейских обществах. Однако, как свидетельствует история, ученик превзошел своего учителя, как в пропаганде радикальных салафитских взглядов, так и в жестокости, которой, по-жалуй, не отличалась ни одна террористическая группировка из ныне существующих. Массовые казни мирного населения,

²⁰⁹ См.: Вайс М. Исламское государство: Армия террора / Майкл Вайс, Хасан Хасан; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – С. 17-18.

продажа в рабство женщин и детей, безжалостное истребление не только представителей других авраамических религий, но и мусульман, исповедующих не ваххабитскую форму ислама. И все это, в подтверждение фанатичной преданности лидеру, так называемого, «нового халифата» – Абу Бакру Аль-Багдади.

Обращаясь к целям создания организации ИГИЛ важно понимать, что ее цели дуалистичны и зависят от того, кто их определяет и кто, стремится реализовать. Во-первых, если мы говорим о тех устремлениях, которые преследовал Запад, снабжая оружием, деньгами, необходимыми материально-техническими средствами отдельные, так называемые, оппозиционные группировки в Ираке и Сирии, важно указать на geopolитическую мотивацию Западных держав, связанную с желанием сметстить старые и воссоздать новые, марионеточные режимы на Ближнем Востоке, в целях осуществления беспрепятственного господства над энергетической отраслью региона. И это главное. В этой связи, следует вспомнить материалы интервью известного американского публициста и теоретика Ноама Хомски египетскому изданию «Аль-Ахрам» в ноябре 2014 г., в котором он отметил, что террористическая группировка ИГИЛ является плодом политики США и Саудовской Аравии, и что Барак Обама непосредственно санкционировал оснащение оружием ИГИЛ через страны Персидского залива, в частности, Катара, а теперь пугает арабские страны тем, в создании чего они же сами и участвовали все последние годы. «Если бы Вашингтон был искренен в борьбе против ИГИЛ, то должен был бороться с Саудовской Аравией в качестве колыбели ваххабизма и экстремизма, а также финансового покровителя террористических группировок на западе, востоке и юго-востоке Азии»²¹⁰.

С позиции же самой организации ИГИЛ, над которой США, в последующем, потеряли административный контроль, целью ее существования является ликвидация границ, установленных в результате раздела Османской империи, и создание ортодоксального суннитского исламского государства, как минимум на

²¹⁰ ИГИЛ как угроза международной безопасности [Электронный ресурс]. /www.journal-neo.org/igil-detishhe-vashingtona-novy-e-dokazatel-stva (дата обращения: 15.10.2016).

территории Ирака и Аш-Шама – Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта (минимум Синайский полуостров), а, как максимум – во всем исламском мире и во всем мире в целом. Именно воссоздание Всемирного халифата мусульман является главной целью ИГИЛ – об этом заявил сам Аль-Багдади, выступив в 2014 г. в захваченном Мосуле с программной проповедью. Он сказал, что строительство халифата – «это долг каждого мусульманина – долг, которым пренебрегали века, – цитируют речь лидера ИГИЛ американские журналисты New York Times. – Мусульмане впадают в грех, не исполняя его, и должны всегда искать восстановления халифата...»²¹¹.

Использование крайне жестоких методов в достижении своих целей, отсутствие компромисса в диалоге с другими группировками, значительная финансовая составляющая, и, как следствие смещение вектора лидерства Аль-Каиды» в концепции салафитской идеологии, стали главными причинами нынешних разногласий между ИГИЛ и «Аль-Каидой»²¹².

²¹¹ Что такое ИГИЛ? [Электронный ресурс] // <http://s-t-o-l.com/stolkovuj-slovar/igil> (дата обращения: 07.10.2016).

²¹² «The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement» (PDF). Washington institute for Near East Policy. June. 2014 Retrieved 26. August. 2014; <http://m.arabi.21com/749809>; Во всех своих заявлениях Аль-Багдади не называл вещи своими именами, однако он считал, что разногласия между филиалами Аль-Каиды и ее лидером Айманом Аз-Завахири, связанны с отсутствием взаимопонимания и необходимой поддержки, что, естественным образом, вызвало кризис между ее центральным руководством и отдельными ячейками. Более того, этот кризис захлестнул все джихадистское течение, что привело к отстранению Аз-Завахири от роли ключевого звена в джихадистском фронте, затронув его право на иджтихад в вопросах толкования фикха. Кроме того, это негативным образом сказалось на совместной борьбе Аль-Каиды и группировок «Джабхат Ан-Нусра» и «Ахрар Аш-Шам». Они были вытеснены гражданскими отрядами самообороны, что привело к эскалации атак против бойцов ИГИЛ. В Ираке, Аль-Багдади был вынужден остановить свое наступление по ряду причин, негативно повлиявших на джихадистский проект ИГИЛ. В частности, это неудачи, касающиеся незначительного пополнения рядов ИГИЛ боевиками из иракских исламистских отрядов (салафитских и тех, которые поддерживают «Братьев мусульман»), срыв проекта «исламского просвещения», обвинения ИГИЛ в совершении преступных действий в Ираке и Сирии, преследования ее боевиков, а также непрекращающееся сотрудничество ряда группировок с Вооруженными силами США и Ирака. См.: Ruth Sherlok. «Inside the Leadership of the Islamik State: How the New Caliphate Is Run». The Telegraph. 9 July. 2014. Существует также мнение, что Аль-Багдади объявил лидеру «Аль-Каиды» Айману Аз-Завахири «такфир» – то есть, на правах халифа отлучил его от мусульманской уммы, объявив безбожником. Наказание же за отступничество – смерть. То есть теперь всякий правоверный мусульманин обязан убить аз-Завахири и его сторонников/ Что такое ИГИЛ? [Электронный ресурс]// <http://s-t-o-l.com/stolkovuj-slovar/igil/> (дата обращения: 07.10.2016).

Тем не менее, в одном из своих заявлений, нынешний лидер «Аль-Каиды» – Айман Аз-Завахири заявил, что, несмотря на явные идеологические разногласия между двумя организациями, он считает возможным «сотрудничество» между «Аль-Каидой» и ИГИЛ в борьбе с Западом. По словам Аз-Завахири, «если бы он был в Ираке или Сирии, он бы сотрудничал с ними в убийстве крестоносцев, секуляристов и шиитов, даже, несмотря на то, что «Аль-Каида» не признает легитимность их государства»²¹³.

По мнению некоторых специалистов, режим ИГИЛ, как террористической группировки может прогрессировать в сторону образования полноценного государства, хотя и с определенными оговорками. И сегодня, это квази-государство находится в фазе расширения. Оно уже миновало этап строительства режимов, обреченных на быстрый крах и продолжает существовать. Что же касается «Аль-Каиды», то на сегодняшний день, стало очевидным, что эта организация готова довольствоваться лишь фактом своего существования. В идеологическом плане, главным постулатом «Аль-Каиды», является сосредоточение ее усилий на борьбе, с так называемым, «отдаленным» врагом (то есть, с Западом в лице США) в отличие от ИГИЛ, стремящейся к свержению, отступивших от ислама арабских режимов. Да, и центральное руководство, некогда самой влиятельной террористической организации ослабло и стало не способным оказывать должную поддержку своим филиалам. Именно это сделало ИГИЛ главным преемником «Аль-Каиды», предоставив ей руководство «мировым джихадом»²¹⁴.

И, возможно не будет преувеличением, если сказать, что ИГИЛ является своеобразным скачком в истории существования международных террористических организаций. Это интерпретируемая модель со своим механизмом, не поддающаяся

²¹³ По мнению эксперта по «Аль-Каиде» Уилла Маккентса, Аз-Завахири не признает ИГИЛ халифатом, но считает эмиратом и способен объединиться с ним в вооруженной борьбе против Запада. [Электронный ресурс] //www.ansar.ru/sobcor/dazhe-al-kaida (дата обращения: 09.10.2016).

²¹⁴ Подробнее о всемирном джихаде см.: Хусна Адхам Джарар. Современный исламский джихад. Фикх джихадистских течений и его провозглашение в современной истории джихада. – Амман. Дар аль-Башир. 1994. – С. 99 (на араб. яз.).

реальному, объективному и научному объяснению. И важно признать, что мир сегодня столкнулся с концептуальным развитием того, что называется «всемирным джихадом», который является отражением самой сути «джихадистского проекта», предопределяющего свои коренные сдвиги, не говоря уже о вооруженной борьбе за «Аль-Имарат» (Ирак и Сирия)²¹⁵.

Феномен ИГИЛ, является, по своей сути, религиозно-политическим явлением, в котором религия и социальный компонент проявляются крайне ярко. Религиозные верования и их интерпретация, являются одним из способов восприятия окружающего мира, причем в его крайней, фундаментальной форме. Именно эта аналитическая картина наглядно проявляется в деятельности группировки ИГИЛ²¹⁶, религиозно-политические представления которой, являются по своей сути радикальными.

Стоит отметить, что теоретическим фундаментом для ИГИЛ стали общественно-политические и религиозные идеи средневекового салафитского мыслителя XIV века Таки Ад-Дина ибн Таймии. Согласно его учению подлинное исламское государство должно базироваться на двух главных постулатах: правителем исламского государства должен быть мусульманин, а основополагающим законом должен быть шариат. При несоблюдении этих условий, государство не может считаться мусульманским. Что же касается правителя, то если последний управляет страной отступая от принципов шариата, то он подлежит свержению и против него необходимо объявить джихад, а в государстве должна быть установлена власть, основанная на исламской концепции правления, так как государство нельзя отделять от религии, в противном случае «в делах людей будут царить разброд и шатания»²¹⁷.

Таким образом, определение функций религии, представляет собой решающий показатель, проливающий свет на ее роль

²¹⁵ Мухаммад абд Аль-Азим Аш-Шайми. Идеологический фундамент организации ИГИЛ // Международная политика. Январь. 2016. – Каир. – С. 34 (на араб. яз.).

²¹⁶ See; R.D., Law, Terrorism: A History. – Cambridge (UK), Polity Press, 2009.

²¹⁷ См.: Ибн Таймийа. Правила убийства неверных. – Катар, 1983. – С. 114 (на араб. яз.).

в деятельности любой террористической организации, в том числе, и ИГИЛ. Иными словами, следует понять, каковы формы проявления религии, в контексте общественных отношений? Религиозная составляющая в деятельности ИГИЛ, с одной стороны, является ведущим идеологическим фактором, некой морально-нравственной аксиомой, которую необходимо поддерживать постоянно, без каких бы то ни было отступлений. С другой стороны, салафитская форма ислама – это устрашающее средство контроля над населением оккупированных боевиками ИГИЛ провинций Ирака и Сирии. Основатели, так называемого, «Исламского государства» воскресили многие средневековые нормы, пребывавшие в забвении сотни лет – например, они вернулись к побиванию плетьми за продажу алкоголя или наркотиков, за ношение западной одежды или за бритье бороды. Более серьезные факты «богоотступничества» караются отрезанием головы – например, салафиты казнят всех, кто принимает или принимал участие в выборах, даже если они голосовали за кандидата-мусульманина, так как сам факт проведения выборов в исламской стране якобы говорит о том, что в данном государстве человеческий закон был поставлен выше норм и предписаний исламского шариата, в котором ничего не говорится о выборах.

Несомненно, подобный буквальный подход к шариату предполагает уничтожение огромного количества людей. И, судя по рассказам беженцев, боевики ИГИЛ уже освоили промышленные методы истребления населения, на захваченных ими территориях. По сообщениям мировых информационных агентств, массовые казни устраиваются еженедельно, хотя настоящие масштабы резни оценить пока невозможно. Как отмечают современные исследователи феномена «ИГИЛ» Наджим Ибрагим и Хишам Ан-Наджар, ключевой идеей террористов является идея «такфира» (в пер. с араб. «обвинение в неверии», «отвращение от веры» – *прим. автора*)... Они обвиняют в неверии все арабские армии, все правящие режимы арабских государств и все политические партии без исключения. ИГИЛ объявила «такфир» всей шиитской части мусульман-

ского мира. И единственным методом воплощения этой идеи, является война. Война и убийства на пути построения государства²¹⁸.

Тем не менее, известно, что террористы гарантируют жизнь христианам – разумеется, только в том случае, если они, согласно шариату, будут платить ИГИЛ специальный налог, известный как «джизья», признавая свое подчинённое положение. По отношению же к буддизму и всем прочим религиям, которые исламисты называют «язычеством», активисты ИГИЛ безжалостны: язычники подлежат порабощению или казни. Салафиты и это требование Пророка понимают буквально, – на территории халифата был официально возрожден рабовладельческий строй, и в рабство были проданы женщины и дети из семей йезидов – членов древней курдской секты, заимствовавшей некоторые элементы ислама. Стоит отметить, что по «йезидскому вопросу» состоялось специальное собрание салафитских улемов, вынесших фетву²¹⁹, согласно которой курдских язычников нельзя никоим образом причислять к мусульманам-вероотступникам. А раз так, то они язычники – «гяуры» и «кяфиры», а порабощение семей «кяфиров» и взятие их женщин в наложницы есть, не что иное, как твердое установление шариата.

Однако вернемся к факторам, позволившим организации ИГИЛ достичь столь значительных преобразований, за относительно непродолжительный период времени. В той или степени, причины подобного подъема известны и понятны, и вытекают из геополитических устремлений Запада господствовать на Ближнем Востоке, и, как уже было отмечено ранее, связаны с желанием Вашингтона и его союзников контролировать огромные потоки энергоресурсов в регионе. Куда более важно сегодня понять исторические, латентные факторы или, как их еще

²¹⁸ См.: Наджим Ибрагим, Хишам Ан-Наджар. ИГИЛ. Нож, который режет ислам. – Каир, 2015. – С. 23 (на араб. яз.).

²¹⁹ В традиционном шариате – фетва (фатва), представляет собой официальное юридическое заключение, базирующееся на принципах толкования шариата и на прецедентах мусульманской юридической практики, выносимое муджтахидами (учеными-богословами, знатоками мусульманского права) по различным вопросам, на которые Коран и другие источники шариата не дают однозначного ответа.

принято называть, «факторы наследия». Таковыми, по мнению египетского ученого Мухаммада абд Аль-Азима Аш-Шайми, являются: идеологическая среда, в рамках которой происходило формирование ИГИЛ; наследие ближневосточного анархизма, а также geopolитические тенденции, сложившиеся в Ираке и Сирии. Именно эти факторы, сыграли непосредственную роль в возникновении ИГИЛ²²⁰. При этом, важно понимать, что данная террористическая организация вступила в политическую борьбу, прежде всего, используя религиозный фактор. Идеологической основой ее деятельности является экстремистская трактовка ислама, и, в частности, салафитская концепция джихада, используемая лидерами ИГИЛ для обоснования, осуществляемых ею террористических атак, насилия и убийств. Более того, оправдание этого насилия находит свое отражение в арабо-мусульманском наследии, – книгах, научных трактатах и других источниках по фикху (мусульманскому праву)²²¹. По мнению Мухаммада абд Аль-Азима Аш-Шайми – исследователя из Хелуанского университета: «Природа феномена ИГИЛ, демонстрирует нам скорее причины, а не следствия, вытекающие из, так называемой, «игиловской» политico-правовой мысли, и мы должны признать, что появление этой организации, ее существование как религиозно-политического явления, не чуждо нашему наследию, в рамках которого, без особого труда, можно найти идеи строительства глобального халифата»²²².

В представлении лидеров ИГИЛ, феномен халифата – это своеобразная историческая обложка, прикрытие, служащее цели их продвижения по geopolитической арене между двумя государствами (Ираком и Сирией). Так как, именно эти государства сыграли ключевую роль в формировании исламской

²²⁰ Мухаммад абд Аль-Азим Аш-Шайми. Указ. соч. – С. 34.

²²¹ См., например: Ибн Таймийа. Правила убийства неверных. – Катар, 1983 (на араб. яз.); Хусайн Тауфик. Феномен политического насилия в арабских режимах. Серия докторских диссертаций. Центр изучения арабского единства. – Бейрут, 1992. – С. 4 (на араб. яз.); Khosla, Simran (30 June 2014). «This Is What The World's Newest Islamic Caliphate Might Look Like». Business Insider (GlobalPost). Retrieved 22 July. 2014.

²²² Мухаммад абд Аль-Азим Аш-Шайми. Указ. соч. – С. 35.

истории²²³. И, конечно, теория «Исламского халифата», пропагандируемая ИГИЛ заслуживает рассмотрения, так как она является новой в концепции реализации халифата.

Историческая картина событий указывает на то, что доктрина исламского халифата, сама концепция, развивалась, по большей части, за пределами Аравийского полуострова, однако, несомненно, она является квинтэссенцией и историко-культурным наследием, населявшего этот регион народа. Это исторически доказывает два важных обстоятельства. Во-первых, то, что центром возникновения доктрины халифата являлись территории современных Ирака и Сирии, а, во-вторых, что сам термин «халифат», возник за пределами Аравийского полуострова, где Пророк Мухаммад оставил четырех своих наиболее близких преемников – «праведных халифов», и до того, как политический центр молодого мусульманского государства, переместился за пределы Мекки и Медины²²⁴.

Другим важным обстоятельством является тот факт, что центры исламских святынь, расположенные на Аравийском полуострове (Мекка и Медина), не участвовали в активном формировании идеи Халифата, как пытаются представить отдельные исламистские группировки. Мекка и Медина остаются духовными центрами ислама, но не как не политической осью для строительства псевдохалифата ИГИЛ.

Феномен ИГИЛ базируется на идеи воссоздания, реконструкции исламского халифата, существовавшего в прежние времена, подлинного исламского государства, процветавшего, в так называемый, «золотой век» ислама. Именно тогда, когда

²²³ Багдад и Дамаск стали главной целью арабов-мусульман, когда они начали свою завоевательную миссию, покинув Аравийский полуостров и направившись на север и в восточное Средиземноморье. Поэтому необходимо понимать, почему ИГИЛ выбрало именно этот путь. Территории Ирака и Аш-Шама имеют историческое значение для всех арабов-мусульман, так как они воплощают в себе не только историко-культурное, но и военное наследие ислама. Вот почему концепция всемирного халифата, возрождаемая ИГИЛ, пользуется наибольшей популярностью, по сравнению с другими аналогичными теориями исламистского толка. Ирак и страны Аш-Шама, в экстремистской доктрине ИГИЛ, есть не что иное, как географический и идеологический центр исламского халифата. См.: Мухаммад абд Аль-Азим Аш-Шайми. Указ. соч. – С. 35.

²²⁴ Thomas Hegghammer. Jihad in Saudi Arabia. – Cambridge University Press. 2010. – pp. 77–85.

на территории современной Сирии и Ирака, сложились и существовали Омейядский (661-750 гг.) и Аббасидский халифаты (750-1258 гг.), с центрами в Дамаске и Багдаде. В связи с этим, Дамаск и Багдад в понимании ИГИЛ, обладают глубоким религиозным и историко-политическим смыслом, являются наследием, некогда единой и централизованной исламской империи, к восстановлению которой стремятся лидеры ИГИЛ. Что же касается исламских святынь, расположенных в Мекке и Медине, то на протяжении всей своей истории, они служили лишь местом отправления религиозных культов и не участвовали в политическом строительстве Халифата²²⁵.

С идеологической точки зрения, «игиловская» концепция – это еще одна попытка сформировать систему иллюзорных, ошибочных представлений в рамках исламской политико-правовой доктрины, посредством отступления от истории исламской цивилизации и ее подлинного смысла. Это поиск способов вовлечения религиозного призыва шейха Мухаммада Бен Абд Аль-Ваххаба в арабо-исламское наследие, ради приобретения человеческого ресурса и пополнения рядов ИГИЛ новыми боевиками, воодушевленными идеей возвращения к эпохе «чистого» ислама и строительства нового халифата. При этом анализ идеологического аспекта деятельности группировки будет не полным, если не упомянуть об истоках создания этой террористической организации. Тем более что это проливает свет на ключевые пункты политических притязаний ИГИЛ.

Известно, что ИГИЛ возникла на базе созданной весной 2004 г. иорданцем Абу Мусабом Аз-Заркави (Ахмед Фадиль Халейла) «Аль-Каиды в Ираке», в которую влились отдельные радикальные суннитские группировки. Такие как: «Джайш

²²⁵ Необходимо четко понимать, что исламистская концепция ИГИЛ, преуспела в подмене исторических понятий мусульманского наследия с идеями терроризма и экстремизма. Фактически, происходит масштабная попытка рассматривать исламское вероучение сквозь призму салафитско-экстремистского джихада. Важной целью такой трактовки, является обновление призыва шейха Мухаммада Бен Абд Аль-Ваххаба (1703-1792 гг.) и попытка закрепления его проповеднической деятельности в исходных постуатах исламского вероучения. Однако, распространение подобных идей и призывов, есть не что иное, как попытка создать ложное представления об арабо-мусульманском наследии. См.: Ахмад Аль-Мавсули. Энциклопедия исламских движений в арабском мире, Иране и Турции. Центр изучения арабского единства. – Бейрут. 2004. – С. 38 (на араб. яз.).

Ат-Таифа Аль-Мансура» («Армия победоносной общиньи»), «Джайш Ахль Ас-Сунна ва-ль-Джамаа» («Армия приверженцев Сунны и общиньи»), «Джайш Аль-Фатихин» («Армия завоевателей») и «Джунд Ас-Сахаба» («Войско сподвижников»), после чего 15 октября 2006 г. было заявлено о создании «Исламского государства Ирак» (ИГИ). Впоследствии к этой организации примкнули другие радикальные группировки такие как: «Ансар Ат-Тавхид», «Аль-Гураба», «Исламский джихад», «Асаиб Аль-Ахваль», «Джамаа Аль-Мурабитин», «Ансар Ат-Тавхид ва Ас-Сунна», «Фурсан Ат-Таухид», «Джунд Миллят Аль-Иbrahim».

Осенью 2004 г., Аз-Заркави официально объявил, что подчиняется Усаме Бен Ладену – ключевой фигуре движения «всемирного джихада». В тот период времени, «Аль-Каида в Ираке» применяла традиционную для такого рода формирований тактику действий: подрывы автомобилей, обстрелы жилых кварталов, пояса смертников, захват заложников, снятые на камеру казни. Однако она отличалась от других группировок, противостоявших силам международной коалиции и властям Ирака, невероятной жестокостью. К примеру, казни чаще всего осуществлялись путем обезглавливания, в которых, по данным ЦРУ США, Аз-Заркави принимал личное участие. По свидетельствам докладов, готовившихся аналитиками армии США, в период с марта 2003 г. по 2007 г., в Тигре и Евфрате часто обнаруживали обезглавленные трупы, что фактически, стало отличительной особенностью казней, проводившихся иракской ячейкой «Аль-Каиды»²²⁶.

В июне 2006 г. Аз-Заркави был убит в результате удара, нанесенного американской авиацией. После этого группировка «сузила» свою программу и идеологию: она стала выступать за построение в Ираке шариатского государства, для чего начала атаковать не только иностранных граждан и иракских шиитов, но также и умеренных суннитов. Для группировки это обстоятельство стало причиной серьезных проблем: против нее вы-

²²⁶ См.: Махмуд Мукави. Новый кровавый счет. Газета «Аль-Ахрам». 17 августа. 2007 г. № 44083 (на араб. яз.).

ступили некоторые суннитские вооруженные формирования²²⁷. После гибели Абу Хамза Мухаджира (Абу Айюб Аль-Масри) – преемника Аз-Заркави, с 2010 г. ячейку «Аль-Каиды» в Ираке возглавил Абу Бакр Аль-Багдади – нынешний духовный лидер и фактический глава ИГИЛ.

После прихода к руководству ИГИЛ Аль-Багдади, в его хутбах (религиозно-политических проповедях) все чаще можно было слышать отклики на идеи одного из радикальных исламистских авторов Абу Бакра Ан-Наджи, взгляды которого стали серьезным идеологическим фундаментом для деятельности ИГИЛ и реализации группировкой военных операций. В своей книге «Управление варварством. Самый важный этап, который предстоит пройти исламской умме», ан-Наджи пишет, что насилие должно быть применено именно в той степени, в которой оно находит отклик у широких масс мусульман... Относительно борьбы с Западом, Ан-Наджи отмечает, что в прямом военном конфликте невозможно одержать победу над США и ее союзниками, поэтому следует выиграть, прежде всего, информационную войну – это и есть программа минимум, которую он предлагает, и только потом, в долгосрочной перспективе можно будет одержать политическую победу. Ан-Наджи указывает на то, что данная стратегия доказала свою эффективность в войне против Советского Союза в Афганистане, армия которого, по его мнению, была более жестокой, чем американская. Поэтому, считает ан-Наджи, вторжение в Ирак в стратегической перспективе играет на руку всемирному движению джихада, а правительства, поддерживающие США в этой оккупации, довольно уязвимы. Вскоре после вывода американских войск из Ирака движение муджахедов, используя свой военный потенциал, должно «наводнить» соседние страны. Поэтому следует развеять ореол непобедимости США²²⁸.

В сущности, определяющая идея его книги «Управление варварством» состоит в том, чтобы перехватить инициативу

²²⁷ Подробнее см.: ИГИЛ [Электронный ресурс]. URL: <http://militaryreview.su/232-islamskoe-gosudarstvo-iraka-i-levanta.html> (дата обращения: 11.10.2016).

²²⁸ См.: Абу Бакр Ан-Наджи. Управление варварством. Самый важный этап, который предстоит пройти исламской умме. Б.г. Б.м. (на араб. яз.).

у США и поддерживающих их местных вероотступнических режимов. Например, ан-Наджи предлагает наносить удары по наиболее чувствительным секторам экономики — нефтеперерабатывающим заводам. Эти «раздражающие и истощающие операции» вынудят правительства перебрасывать для охраны объектов дополнительные воинские формирования. Таким образом, в отдаленных районах страны количество формирований, поддерживающих порядок, уменьшится, а следовательно, возрастет уровень преступности, усилиятся беспорядки, понадобятся квалифицированные кадры для работы в местных органах власти. Именно в таких районах представители движения джихада постепенно должны будут взять управлеченческую функцию в свои руки²²⁹.

Кроме этого, теоретическим подспорьем для ИГИЛ, стали работы сирийского радикального автора Абу Мусаба Ас-Сури²³⁰, главная мысль которых, сводится к стратегии использования механизма вооруженной борьбы без спешки в учреждении «Исламского государства», так как последнее может привести к расколу и противоречиям в рядах муджахедов, что и случилось между фронтом «Ан-Нусра» и иракским филиалом (в последующем ИГИЛ)²³¹.

²²⁹ См.: Абу Бакр Ан-Наджи. Указ. соч. – С. 34.

²³⁰ Идеи Ас-Сури, заключаются в том, что организации муджахедов должны более широко опираться на народные массы. В своей книге «Об опыте джихада в Сирии», он пишет, что исламская революция всегда начинается с маленькой группы людей, которым удается четко определить и передать массам свою идеологическую линию. Он считает, что именно массы являются тем источником, который обеспечивает движение джихада информацией, добровольцами, необходимой помощью, убежищем. «Революционному движению удается достичь успеха, только тогда, когда оно объединит вокруг себя широкие массы населения». Касаясь ситуации в Сирии, ас-Сури указывает на ошибки исламистов в этой стране, главные из которых заключаются в отсутствии поддержки со стороны широкой общественности. Кроме того, Ас-Сури отмечает, что муджахеды терпят поражения, так как они не учитывают этнический и племенной факторы. Например, правительство Сирии использовало курдов и бедуинов в борьбе против муджахедов. Он также упоминает опыт США при вторжении в Афганистан, когда некоторые «предательские племена у пакистанской границы» выдали американцам членов «Аль-Каиды», отступавших после тяжелых боев в Тора Бора. Ас-Сури считает, что этого можно было бы избежать, если бы заранее удалось договориться с вождями племен. См.: Нечитайло Д.А. Ирак: от «Аль-Каиды» к исламскому государству Ирак. Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. / <http://www.iimes.ru/?p=5621> (дата обращения: 12.10.2016).

²³¹ См.: Нечитайло Д.А. Об идеологических разногласиях между исламистами в Сирии. Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс] /<http://www.iimes.ru/?p=5621> (дата обращения: 14.10.2016).

С точки зрения военного потенциала и укрепления боеспособности ИГИЛ, следует указать, что подобная картина стала возможна после вторжения западной коалиции в Ирак в 2003 году и увольнения большинства иракских офицеров из Вооруженных сил. Как известно, армия Саддама Хусейна была многочисленной и хорошо подготовленной, многие ее офицеры прошли обучение в советских вузах, военных академиях и училищах. Американская администрация в Багдаде упразднила остатки саддамовского военного наследия, решив создать что-то более эффективное. Тем самым, спровоцировав присоединение наиболее подготовленных и квалифицированных офицеров к рядам ИГИЛ, где они и создали, так называемую, военную «шурру» (совет), возглавляемый бывшим полковником армии Саддама Хусейна Хаджи аль-Бакри²³². На сегодняшний день, по некоторым данным восемь из десяти высокопоставленных должностных лиц военного совета ИГИЛ – бывшие иракские баасисты, трое из которых высшие должностные лица военного руководства в правительстве Саддама Хусейна²³³. Отсюда и военная дееспособность ИГИЛ, вызывающая, зачастую, недоумение у западных военных экспертов. Причем следует обратить внимание на тот факт, что сама организация ИГИЛ, построена по армейскому принципу, то есть имеет все органы управления войсками (командир, разведка, штаб, котрразведка, тыловые службы и т.д.), что вовсе не характерно для простых оппозиционных сил.

Террористической организации ИГИЛ удалось завладеть вооружением, находившимся на складах бывшей иракской армии, причем среди номенклатуры вооружений имеется не только стрелковое оружие и боеприпасы к нему, но и бронетехника, а также ПВО (в основном переносные зенитно-ракетные комплексы и артиллерийские системы). Под контролем ИГИЛ оказались авиабазы и склады вооружения близ Алеппо и Ракки, а в распоряжение террористической организации поступили 3

²³² См.: Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. – М: Издат.-во «Э», 2016. – С. 80.

²³³ Рида Шахата. Арабский мир. Земля государств, потерпевших фиаско. – Каир. 2015. – С. 128-129 (на араб. яз.).

истребителя, на которых уже ведут подготовку летчиков бывшие военнослужащие ВВС Ирака²³⁴. По данным доклада, представленного в 2014 году организацией по контролю за оборотом оружия CAR (Conflict Armament Research), у ИГИЛ, на высоком уровне налажена система поставок оружия, в том числе и из Саудовской Аравии, а примерно 20% стрелкового оружия в руках террористов произведено в США²³⁵.

Таким образом, анализ материалов, касающихся деятельности этой группировки позволяет указать на ряд сильных и слабых сторон ИГИЛ, в идеологическом, военном, и логистическом аспектах.

Сильные стороны: мотивация боевиков в ходе выполнения боевых задач; высокий уровень личной подготовленности и экипировки экстремистов; слаженность и дисциплина боевых отрядов; широкий набор средств и методов вооруженной борьбы, активное использование террористов-смертников; мобильность, рассредоточенность и скрытность группировок; поддержка со стороны суннитов на контролируемых территориях; наличие пополняемых финансовых и других материальных средств; достаточный мобилизационный ресурс из числа местных жителей и иностранных добровольцев; эффективное использование электронных СМИ для пропаганды своих идей; установление на захваченных территориях власти шариатских законов.

Слабые стороны: недостаток мощных средств огневого поражения; отсутствие воздушной поддержки; слабая противовоздушная оборона; неспособность вести длительные боевые действия против регулярных войск на открытой местности; удаленность боевых формирований от тыловой инфраструктуры, отсутствие достаточных резервов для охраны тыла; радикальный характер деятельности и террор по рели-

²³⁴ У ИГИЛ появилась авиация. [Электронный ресурс]. Исламское обозрение. [Официальный сайт]. URL: <http://islamreview.ru/news/u-igil/> (Дата обращения: 15.10.2016).

²³⁵ Исследование: основная часть вооружения ИГИЛ – американского производства [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам сегодня». [Официальный сайт]. URL: <http://islam-today.ru/islam-v-mire/issledovanie> (Дата обращения: 15.10.2016). Цит. по: Тесленко В.С., Пеструилова Н.Н. Феномен «ИГИЛ» / Виктимология. 1(13)/ 2015. – С. 35.

гиозному признаку; формирование отрядов по национальному принципу²³⁶.

Что же касается основных целей организации ИГИЛ, то, по мнению ее лидера – Аль-Багдади, таковыми являются: 1) уничтожение границ между странами Ближнего Востока, установленных соглашением Сайкса-Пико в 1916 г.²³⁷; 2) объединение Ирака и Аш-Шама. Причем согласно политической позиции ИГИЛ не должно существовать понятий: «Это внутрииракский вопрос», а «это внутрисирийский вопрос». Вместо этого должно существовать единое исламское видение и единое исламское государство под властью единоличного правителя – халифа. Необходимо покончить, с так называемой делимитацией границ на территориях, принадлежащих всей исламской «общине»; 3) фактическое воссоздание понятия «исламское государство»; переосмысление всей исламской концепции в единственно верном направлении, а также направление подлинного исламского вектора в умы и сердца каждого мусульманина; 4) борьба ради государства, а не ради отдельной группы, общины или режима, так как существует большая разница между политическим и военным аспектами проблемы, между борьбой ради защиты интересов исламского государства, или какого бы то ни было режима; 5) взаимодействие с мусульманами и с не мусульманами в рамках исламской религии, возведенной в ранг конституции государства, придание религиозным источникам высшей юридической силы и духовного авторитета. После окончательного свержения деспотических правителей, государство будет готово к возведению своего подлинного базиса, способствующего благоразумному правлению. Руководство ИГИЛ полагает, что деспотические режимы убивают мусульман ради государства, во благо интересам тиранов и деспотов. И главная задача организации «исламское государ-

²³⁶ ИГИЛ: управляемое стадо [Электронный ресурс]. URL:<http://operline.ru/content/stati/igil-upravlyayemoe-stado.html> (Дата обращения: 15.10.2016).

²³⁷ Соглашение Сайкса-Пико от 16 мая 1916 г. – тайное соглашение между правительствами Великобритании, Франции, России и позднее Италии, в котором были разграничены сферы интересов этих государств на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Соглашение было разработано в ноябре 1915 г. французским дипломатом Франсуа Жорж-Пико и англичанином Марком Сайком.

ство», состоит в сплочении вокруг себя мусульман для свержения данных деспотических режимов²³⁸.

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН СТРАН ЗАКАВКАЗЬЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ²³⁹

А.Г. Элибегова

Участие боевиков из Афганистана, Турции, Чечни и других регионов проявилось, в том числе, в конфликтах на территории стран Закавказья. По свидетельствам главы информационно-аналитического центра Министерства обороны Азербайджана в 1992-1993 гг. Лейлы Юнус, в войне приняло участие около 2500 наемников только из Афганистана²⁴⁰. Кроме того, по состоянию на июнь 1992 г. на Карабахском фронте насчитывалось 300 чеченских боевиков. Первую группу прибывших в Азербайджан наемников возглавлял Шамиль Басаев лично²⁴¹. Тогда же было положено начало сотрудничеству террористов Хаттаба и Басаева. После поражения в Карабахской войне, на территории Азербайджана международные террористы начали вербовать азербайджанских граждан, которые затем направлялись в Афганистан и на Северный Кавказ. Впоследствии, в 1999 г. началась вторая чеченская компания на российском Северном Кавказе. И все больше стало поступать информации об участии уроженцев Азербайджана в боевых действиях против российской армии в Чечне.

Президент России Владимир Путин в документальном фильме на телеканале «Россия 1» также упоминает о прямых

²³⁸ Мухаммад абд Аль-Азим Аш-Шайми. Указ. соч. – С. 36.

²³⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках научного проекта № 16YR-5F040.

²⁴⁰ «Будущее за профессиональной Армией». Газета «Зеркало» от 10.08.2002 г.

²⁴¹ Харалампидис И. Спонсированные на убийство: Наёмники и террористические сети в Азербайджане. М.: МИА, 2013, С 28.

контактах между северокавказскими боевиками и представителями американских спецслужб в Азербайджане²⁴². Также через территорию Азербайджана и Грузии обеспечивалась отправка боевиков в Дагестан и Ингушетию. Более того, террористы и боевики, раненные в боях с российскими силовиками на Северном Кавказе, проходили лечение в Азербайджане и Грузии.

В 1995-1996 годах в Азербайджане уже начали действовать ячейки террористических организаций «Джейшуллах» («Армия Аллаха»)²⁴³, «Аль-Каида», «Аль-Джихад», «Аль-Гамаа аль-исламийя» («Исламский террор»), «Джамаат аль-ихван аль-муслимин» («Общество «Братья-мусульмане»), «Хизб-ут-тахрир». Бакинский телеканал ANS в свое время даже пригласил на интервью членов террористической организации «Народные моджахеды» («Монафегин»), которые сообщили, что благодаря поддержке своих местных друзей уже 9 лет проживают в Азербайджане²⁴⁴. В конце 2000-ых в СМИ начала появляться информация о ликвидации уже террористов из числа граждан Азербайджана на территории Северного Кавказа, Афганистана и Ирака.

В середине 1990-ых и начале 2000-ых следы террористических организаций, ведущие к гражданам Азербайджана, часто всплывают в ходе громких расследований спецслужб различных государств²⁴⁵. Сложившаяся ситуация вынудила США, Россию, Канаду, Великобританию, Израиль и другие страны неоднократно включать Азербайджан в список неблагонадежных государств с точки зрения вероятности террористической

²⁴² Документальный фильм «Президент» // «Россия-1». 2015. 26 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://russia.tv/video/show/brand_id/59329/episode_id/1193264/video_id/1165983/ (дата обращения: 29.11.2016)

²⁴³ Включена Госдепартаментом США в список 39 наиболее опасных экстремистских группировок мира

²⁴⁴ Запад готов поддержать террористов в борьбе против Ирана // Iran.ru. 2012. 04 апреля [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytcs/79512/Zapad_gotov_poderzhat_terroristov_v_borbe_protiv_Irana (дата обращения: 29.11.2016)

²⁴⁵ Нити сходятся в Баку??/ «Кавказский узел». 2001. 30 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/9234/> (дата обращения: 29.11.2016)

угрозы²⁴⁶. По сообщению российских СМИ одно из покушений на президента России Владимира Путина должно было произойти в Баку, в январе 2002 года во время его официального визита в Азербайджан. Предполагаемым исполнителем покушения был гражданин Ирака Кянан Ростам, который проходил подготовку в лагерях на территории Афганистана и имел связи с чеченскими боевиками. Кроме того, Ростам контактировал с людьми Усамы бин Ладена²⁴⁷. Еще один пример – осужденные в Азербайджане на 15 лет граждане Ливана Караки Али Мухаммед и Наджмеддин Али Хусейн, которые прошли подготовку в террористических организациях «Хизбалла» и были направлены в Азербайджан, где должны были взорвать посольство Израиля в Азербайджане и Габалинскую РЛС²⁴⁸.

Кроме того, столица Азербайджана и Грузия использовались террористами как перевалочный пункт на пути в горячие точки, а также в качестве ключевых центров финансирования террористических организаций. Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (MONEYVAL) призвал Азербайджан активизировать усилия в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма путем устранения выявленных недочетов и принятия эффективных мер в этой области. Относительно финансирования терроризма, в докладе подчеркивается, что согласно статистике, предоставленной им со стороны властей, в период от 2008 до 2013 года было проведено малое количество расследований в связи с данной проблемой, что в некоторой степени

²⁴⁶ Обязательное МИД-страхование// *Gazeta.ru*. 2010. 13 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/12/13_a_3463613.shtml (дата обращения: 06.09.2017). Израильский штаб по борьбе с террором вновь включил Азербайджан в список опасных стран// *APA.ru*. 2012. 22 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://m.apa.az/ru/politika-azerbaydjana/vneshnyaya-politika-azerbaydjana/izrailskij-shtab-po-borbe-s-terrorom-vnov-vklyuchil-azerbaydzhan-v-spisok-opasnykh-stran> (дата обращения: 06.09.2017). МИД Великобритании внес Азербайджан в список опасных для британских туристов стран// *Panorama.am*. 2015. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2015/11/10/uk-azerbaijan/1477667> (дата обращения: 06.09.2017).

²⁴⁷ Бин Ладен готовил покушение на Путина// *Lenta.ru*. 2001. 23 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/terror/2001/10/23/putin/> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁴⁸ Попытка подрыва посольства Израиля в Баку: террористы протестуют // *Izrus*. 2010. 01 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2010-04-01/9238.html#ixzz4RJYHtHFP> (дата обращения: 29.11.2016)

ни противоречит общей угрозе терроризма в Азербайджане, а также обнародованной информации о предотвращенных попытках терактов²⁴⁹.

К примеру, в северных районах Азербайджана был создан «Фонд джихада», на счет которого ежемесячно перечисляют деньги в помощь ИГ. Азербайджанский теолог Айдын Ализаде, комментируя ситуацию, отметил, что собираемая экстремистами ежегодно сумма составляет почти \$5 млн²⁵⁰. Согласно азербайджанским СМИ, причиной резкого ослабления Империи Кавказа в конце прошлого года связывают и с тем фактом, что последние транши «Аль-Каиды» так и не дошли до конечного адресата, «растворившись» в Азербайджане. Согласно данным, речь идет о транше в \$5 млн., который один из участников цепочки не смог перевести дальше²⁵¹. Также периодически появляется информация о гражданах Азербайджана, замешанных в финансировании международных террористических организаций на территории России. К примеру, Волгоградский областной суд приговорил к четырем годам колонии гражданина Азербайджана Шукурана Мамедова, который был признан участником «Аль-Каиды» и осужден за участие в незаконном военном формировании и подготовке его финансирования. «С 1999 года Мамедов участвовал на территории Республики Дагестан в боевых действиях на стороне незаконных вооруженных формирований, организовал канал переправки денежных и материальных средств из-за рубежа для поддержки бандподполья», – говорится в сообщении УФСБ²⁵². Кроме того, под подозрение в содействии и финансировании международного терроризма попал глава азербайджанской диаспо-

²⁴⁹ Комитет экспертов СЕ: Азербайджан недостаточно активен в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма // Panorama.am. 2015. 02 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.am/ru/news/2015/04/02/azerbaijan-monetaryval/80863> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵⁰ В Азербайджане функционирует финансирующий экстремистов «Фонд джихада» // Panorama.am. 2014. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.am/ru/news/2014/11/29/azerbaijan-is/157660> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵¹ Пять миллионов долларов «Аль-Каиды» исчезли в Азербайджане // Haqqin.az. 2015. 13 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://haqqin.az/news/50889> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵² Активный участник «Аль-Каиды» осужден в Волгограде на 4 года // РИА Новости. 2013. 28 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/incidents/20130828/959124526.html> (дата обращения: 29.11.2016)

ры Коми Акиф Саядов и ряд представителей азербайджанской диаспоры в России²⁵³.

Однако, самый серьезный и массовый наплыв граждан Азербайджана в состав террористических группировок был зафиксирован с началом Сирийского кризиса²⁵⁴. Их численность в составе террористических группировок на территории Сирии по разным оценкам оставляет около 1500 человек. Председатель Комитета по общественным объединениям и религиозным структурам азербайджанского парламента Сиявуш Новрузов заявляет, что до 1000 молодых людей из Азербайджана являются членами различных экстремистских группировок за рубежом²⁵⁵. Однако данная цифра видится заниженной, поскольку по данным СМИ, за последние 3-4 года в Сирии убито более 300 ваххабитов из числа граждан Азербайджана²⁵⁶.

²⁵³ Лидер азербайджанской общины Коми Акиф Саядов арестован по подозрению в экономических преступлениях// «БезФормата.ру». 2014. 29 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://siktivkar.bezformata.ru/listnews/obshini-komi-akif-sayadov/25683758/> (дата обращения: 06.09.2017). Россия обвинила Международный банк Азербайджана в отмывании денег// Haqqin.az. 2014. 19 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://haqqin.az/news/34045> (дата обращения: 06.09.2017).

²⁵⁴ «Syria presents foreign fighter list in bid for UN to acknowledge terror acts» // Russia Today. 2012. 22 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rt.com/news/syria-un-foreign-mercenaries-310/> (дата обращения: 29.11.2016). «Верховный муфтий Сирии: На стороне террористов воюют почти 4000 граждан Турции и Азербайджана»// Panorama.am. 2013. 29 октября [Электронный ресурс] <http://www.panorama.am/ru/news/2013/10/29/syria-azerbaijan-turkey/415656> «Convoy of Martyrs in the Levant. A Joint Study Charting the Evolving Role of Sunni Foreign Fighters in the Armed Uprising Against the Assad Regime in Syria» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/convoy-of-martyrs-in-the-levant> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵⁵ «Сиявуш Новрузов: «До 1000 молодых людей из Азербайджана являются членами различных экстремистских группировок за рубежом»»//APA. 2015. 04 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.apa.az/politika-azerbaydjana/vnutrennyaya-politika/siyavush-novruzov-do-1000-molodykh-lyudej-iz-azerbajdzhana-yavlyayutsya-chlenami-razlichnykh-ekstremistskikh-gruppировок-za-rubezhom-.html> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵⁶ К примеру, в марте 2014 года в ходе боев между боевиками ИГ и «Курдских YPG» в Сирии отряд террористов из организации ИГ попал в засаду. Среди 12 убитых азербайджанцев был и чемпионом Азербайджана и Европы по борьбе – Джейхун Алиев (проживал в 41-м квартале города Сумгайит). В Сирии в 2014 году также был уничтожен азербайджанский террорист – профессиональный борец Рашад Бахшалиев (до отъезда в Сирию работал тренером по вольной борьбе в Исмаиллинском олимпийском комплексе). В сентябре 2015 года ВВС России бомбово-штурмовым ударом с воздуха уничтожила целый лагерь «Азербайджанского батальона», склады боепитания и штаб ИГ в Аль-Ракки. Согласно данным сирийской правозащитной организации «Syrian Observatory for Human Rights», при атаке позиций «Исламского государства» в Сирии были убиты 8 азербайджанцев.

Территория Азербайджана является, в том числе, транзитной для лиц, отправляющихся в Сирию для участия в боевых действиях на стороне боевиков. Согласно исследованию старшего научного сотрудника Центра Дэвиса Гарвардского университета, профессора Марка Крамера, одним из узловых пунктов транзита боевиков на Ближний Восток является территория Азербайджана и Турции. Это подтверждает и МВД Чеченской Республики. Кроме того, в ряды «Исламского государства» уже попали сотни грузинских граждан не только из чеченских сел Грузии, но из региона Квемо-Картли с преимущественно азербайджанским населением²⁵⁷. И в Грузии, и в Азербайджане очаги поддержки ИГ – депрессивные районы этих стран. Тем временем, Азербайджан занял 93-е место в отчете Глобального индекса терроризма – 2015 (Global Terrorism Index 2015), составленном Институтом экономики и мира (Institute for Economics and Peace), ухудшив показатели по сравнению с прошлым рейтингом²⁵⁸.

По словам политолога-арабиста Зардушта Ализаде, азербайджанская молодежь теряет веру во что-то хорошее в стране и считает, что улучшить ситуацию можно лишь с оружием в руках. Здесь видится и фактор «пораженчества» в войне в НКР, когда молодежь посредством ИГ стремится заполучить победу. В известной мере сложилась ситуация, схожая с Германией после Первой мировой войны, когда на волне связанной с «пораженчеством», глубокой общественной фрустрации и недовольства к власти в стране пришли нацисты²⁵⁹.

²⁵⁷ «Возвращение боевиков ИГИЛ: Последствия для Кавказа и Средней Азии» // «Эхо Москвы». 2015. 30 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/ponarseasia/1649296-echo/> (дата обращения: 29.11.2016) «Чеченские боевики попадают в Сирию через Азербайджан, заявил представитель МВД»// «Кавказский узел». 2013. 20 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/230371/> (дата обращения: 29.11.2016). «В Грузии активизировались радикальные исламисты»// Газета «Коммерсантъ». 2015. 06 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2702992> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵⁸ «Global Terrorism Index-2015»// Institute for Economics and Peace. 2015[Электронный ресурс]. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁵⁹ «ИГ отступает...в Азербайджан?»// Научное общество кавказоведов. 2015. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2015/11/06/ig-otstupaet-v-azerbajdzhan.html> (дата обращения: 29.11.2016)

Наиболее опасной тенденцией в этом контексте является возможность участия прошедших «боевое крещение» в горячих точках террористов из числа азербайджанских граждан против в боевых действиях против ВС Армении и НКР, в том числе против гражданского населения. По свидетельства СМИ, некоторые из них в Сирии отличались особой жестокостью по отношению к мирным гражданам²⁶⁰. Также нередко в СМИ попадают признания боевиков из числа азербайджанских граждан в том, что они едут воевать в Сирию против армян²⁶¹. По сообщению иранского агентства «Аранныюз», Азербайджан предоставил террористам, воюющим в Сирии, помочь в размере 500 тыс. евро, с целью воспрепятствовать процессу обоснования сирийских армян в Нагорно-Карабахской Республике (НКР)²⁶².

Очередным подтверждением вызывающей беспокойство тенденции перенаправления внимания религиозных радикалов с внутренних проблем на армянскую сторону является недавнее заявление религиозного деятеля, имама-джума бакинской шиитской мечети «Мешеди Дадаш» Шахина Гасанли, который, выступая перед военнослужащими одной из воинских частей в рамках плана мероприятий «Год мультикультурализма», заявил: «если кто-то сегодня хочет стать шахидом, встать на джихад, пусть приходит в Карабах. Здесь настоящая Кербела». Примечательно, что мероприятия «Год мультикультурализма»

²⁶⁰ «‘Assad’s snipers’ target unborn babies»// Газета «The Times». 2013. 29 октября [Электронный ресурс] URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article3898764.ece> (дата обращения: 29.11.2016). «В Сирии азербайджанец, примкнувший к ИГИЛ, убил подростка»// 1news.az. 2015. 22 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1news.az/world/20151022064338579.html> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁶¹ «Азербайджанские террористы в Сирии признались, что воюют против армян, русских и иранцев»// Panorama.am. 2014. 06 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.am/ru/news/2014/02/06/az-syria/356798> (дата обращения: 29.11.2016). «Наемники из Азербайджана в Сирии и стабильность на Южном Кавказе»// Научное общество кавказоведов. 2014. 26 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/02/26/naemniki-iz-azerbajdzhana-v-sirii-i-stabilnost-na-zhzhnom-kavkaze.html> (дата обращения: 29.11.2016)

²⁶² «Иранский сайт: Азербайджан предоставил сирийским террористам помочь на сумму в полмиллиона евро»//Panorama.am. 2012. 28 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.am/ru/news/2012/08/28/arrannews/692767> (дата обращения: 29.11.2016)

проводятся Минобороны совместно с Госкомитетом по работе с религиозными структурами Азербайджана²⁶³.

Таким образом, из вышеизложенного можно предположить, что угроза терроризма является актуальной проблемой с точки зрения национальной безопасности Армении и НКР. Возможное возобновление боевых действий на линии фронта со стороны Азербайджана, с возможным привлечением бандформирований и группировок, получивших «боевое крещение» в горячих точках в составе террористических организаций, несет в себе, с одной стороны, опасность насилия по отношению к армянским мирным жителям и военнослужащим, с другой стороны, наличие религиозных радикалов на линии фронта грозит переходу Карабахского конфликта из плоскости этно-территориального также и в плоскость межрелигиозного противостояния, что с точки зрения шаткой геополитической ситуации в регионе Южного Кавказа может привести по цепной реакции к более глобальным негативным процессам.

²⁶³ «Шиитский проповедник призвал молодежь совершать джихад в Карабахе»// Интерфакс- Азербайджан. 2016. 23 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://interfax.az/view/680248> (дата обращения: 29.11.2016)

РАЗДЕЛ 5. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

ПРОГРАММЫ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

И.А. Мухаметзарипов

В последние десятилетия европейские страны столкнулись с серьезной угрозой со стороны различных исламистских экстремистских и террористических организаций. Только в 2015-2016 гг. были совершены крупные теракты в Париже, Брюсселе, Ницце. Появление ячеек ИГИЛ и «волков-одиночек» стало следствием не только отсутствия как таковой целенаправленной стратегии в борьбе с радикальными группами и их идеологией, но и с общим кризисом европейской системы школьного воспитания, в которой формирование единой системы позитивных ценностей у учащихся не предусматривалось. На протяжении многих лет на проблемы анклавов этноконфессиональных меньшинств, возникающих в европейских городах, власти не обращали внимания, неумело прикрывая свою бездеятельность политикой «мультикультурализма», о провале которой чиновники Евросоюза в последнее время говорят все чаще. Между тем, именно подобные районы компактного проживания, население которых отличается низким уровнем образования, высоким уровнем безработицы, отсутствием навыков межкультурного диалога, несформированной гражданской идентичностью, и стали благоприятной средой для распространения радикальных идей.

В настоящее время европейские страны пытаются исправить ситуацию, разрабатывая программы контр-радикализации определенных групп населения. В 2011 г. Европейский Союз в рамках Стратегии ЕС по борьбе с радикализацией и вербовкой в терроризм (EU Strategy for Combating Radicalization and Recruitment to Terrorism) создал Сообщество осведомленности о радикализации (Radicalisation Awareness Network, RAN), объединяющее экспертов и исследователей, работающих в данной сфере.

К 2016 г. RAN предложила модельную структуру программ дерадикализации, которая включает следующие компоненты:

- 1) подготовка работников, непосредственно работающих с лицами из группы риска;
- 2) стратегии «выхода» (exit strategies) – программы дерадикализации, позволяющие реинтегрировать экстремистов в общество и убедить их отказаться от насилия;
- 3) усиление роли сообществ, в которых имеются лица из группы риска, через решение их проблем и установление доверительных отношений с властями;
- 4) включение в образование молодежи следующих тем: гражданство; политическая, религиозная и этническая толерантность; нестереотипное, критическое мышление; природа и вред экстремизма; демократические ценности, культурное разнообразие, исторические последствия этнического и политического насилия;
- 5) поддержка семей лиц из группы риска;
- 6) доведение до целевой аудитории информации и нарративов, альтернативных экстремистской пропаганде;
- 7) создание системы институтов, направленных на раннюю профилактику радикализма²⁶⁴.

Подготовка работников «первой линии» заключается в обучении работников особенностям целевого контингента из группы риска, умению выявить признаки радикализации и предпринять соответствующие меры. К указанным работникам относятся учителя, специалисты по вопросам занятости, соци-

²⁶⁴ См.: Preventing Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism. - Radicalization Awareness Network, 2016. - 301 p.

альной защиты, делам молодежи и детей; полицейские, психологи и т.д.

Стратегии «выхода» предполагают либо полную реинтеграцию индивидов из радикальных групп в общество, либо, по крайней мере, их отказ от насилиственных действий. Если же некоторые из них продолжают придерживаться экстремистских взглядов, то они должны находиться под наблюдением полиции, спецслужб, тюремной администрации.

Вмешательство в процесс радикализации может осуществляться на индивидуальном и коллективном уровнях. В некоторых случаях коллективная дерадикализация является более предпочтительной (например, в общине, в тюрьме). Однако индивидуальная работа все равно позволяет достигать лучших результатов. Вмешательство может быть «материальным» (предоставление жилья, образования, помощь в трудоустройстве) и «нематериальным» (общение на темы несправедливости, злости, одиночества; анализ поведения; сравнение идеологических текстов и т.д.).

Взаимодействие с этноконфессиональными сообществами по программе RAN включает: 1) формирование лидеров сообществ посредством повышения навыков его членов, особенно молодежи (лидерские качества, наставничество, модели поведения); 2) организацию диалога, дискуссионных форумов, платформ; 3) обучение религиозных деятелей умению общаться с молодежью не только на темы, связанные с религией, но и на темы, связанные с общественной жизнью, семейными вопросами; 4) обучение умению выявлять лиц, подверженных радикализации; 5) улучшение отношений между сообществами и государственными, общественными институтами; 6) обмен информацией в целях координации мер по профилактике радикализма.

Работа с семьями экстремистов может осуществляться на различных стадиях радикализации и дерадикализации. На ранних этапах родители способны общаться с экстремистом, выясняя его переживания, предлагая альтернативные модели поведения и деятельности, создавая атмосферу «внутреннего кру-

га», безопасного пространства для человека. Когда экстремист нарушает закон и оказывается в тюремном заключении, семья может помочь ему реинтегрироваться в общество (поддержка в сфере образования, трудоустройства и т.д.). Однако следует учитывать, что значение семьи в дерадикализации может быть разным. Некоторые семьи отличаются тесными родственными связями, другие же сами могут порождать факторы радикализации. В отдельных случаях члены семьи негативно влияют на человека, идеологически обосновывая экстремизм и терроризм. Поэтому отбор членов семьи для целей программы должен быть обоснованным.

Согласно RAN, распространение альтернативных нарративов – это распространение информации, предназначеннной для опровержения экстремистской идеологии и предлагающей позитивные альтернативные идеи и модели поведения. Борьба с интернет-экстремизмом должна вестись не только в плане безопасности контента, но и включать в себя борьбу за общественное мнение, т.е. идеологическую составляющую. В таком случае экстремистские идеи, даже в случае обхода сетевых ограничений, не смогут найти отклика у большинства пользователей.

Создание инфраструктуры по борьбе с экстремизмом направлено на решение следующих задач: 1) выявление лиц из группы риска; 2) определение причин и масштабов радикализации; 3) разработка плана по поддержке лиц из группы риска; 4) доведение информации до заинтересованных участников программы и координация действий. В инфраструктуру по борьбе с радикализацией входят: 1) правоохранительные органы (полиция, тюремный персонал, работники миграционной службы и др.); 2) работники по делам молодежи (учителя школ, преподаватели университетов, сотрудники служб по защите детей, спортивные тренеры и т.д.); 3) социальные службы (сотрудники управлений социальной защиты, муниципальные власти, работники служб занятости и т.д.); 4) работники здравоохранения (медицинские службы, психологи, врачи); 5) представители гражданского общества (местные общины и диаспоры, благотворительные и

добровольческие организации, религиозные деятели и теологи, некоммерческие и иные организации).

Кроме программы RAN, которая скорее носит рекомендательный характер, существуют и проекты, реализуемые отдельными странами. Одной из самых разработанных программ располагает Великобритания. Она была первой страной, принявшей план контр-радикализации «Contest» в 2005 г. Изначально программа включала 4 компонента (так называемые «четыре «Р»»): 1) Prevent (предотвращение терроризма через исключение факторов радикализации); 2) Pursue (преследование террористов и их спонсоров); 3) Protect (защита британского общества и государства); 4) Prepare (подготовка к ликвидации последствий террористических атак). Первоначально разработчики программы делали основной упор на последних трех пунктах. С марта 2009 г., с принятием программы «Contest-2», больше внимания было уделено «Предотвращению». В итоге подробная стратегия действий под названием «Prevent» была утверждена Парламентом в июне 2011 г.²⁶⁵

«Prevent» предусматривает тесную коопérationию между полицией, местными органами власти и неправительственными организациями в борьбе с радикальным исламизмом; удаление из общества проповедников экстремизма; поддержку лиц, предрасположенных к радикализации или уже вступивших на путь экстремизма; расширение возможностей мусульманских общин по борьбе с радикализмом; работа с негативными общественными явлениями, которые эксплуатируются экстремистами в их пропаганде. В целом очевидно, что упомянутая выше программа RAN разрабатывалась Европейским Союзом под существенным влиянием британского опыта и во многом его повторяет.

Первоначально программа «Contest» предусматривала борьбу лишь с насильственным экстремизмом, в результате чего британское правительство охотно сотрудничало на своей территории с «Братьями-мусульманами» и салафитскими организациями, даже несмотря на то, что в долгосрочной перспективе они могут нарушить единство британского общества и внести

²⁶⁵ См.: Prevent Strategy. – London: The Stationery Office, June 2011. – 113 p.

разлад в межрелигиозные отношения. Но с 2005 г. власти страны начали дистанцироваться от них, начав более активное сотрудничество с неисламистскими группами. В частности, правительство отказалось от сотрудничества с «Мусульманским советом Британии» (Muslim Council of Britain), известной своей сетью мечетей и шариатских третейских судов в Англии и Уэльсе²⁶⁶.

Интересно, что в соседних Нидерландах при реализации программ дерадикализации, наоборот, пытались взаимодействовать со всеми мусульманскими религиозными организациями вне зависимости от особенностей их вероучения и деятельности. Одной из известных голландских программ стал проект, реализовывавшийся в районе Слотерваарт г. Амстердам, в котором проживает наибольший процент мигрантов-мусульман (из 48 тыс. населения 31% - марокканцы, 21% - турки). Уровень преступности и безработицы в районе существенно выше среднего уровня по стране, и по статистике из трех молодых людей один не посещает школу. После ряда инцидентов местные власти разработали ряд программ для снижения напряженности и предотвращения насилия. Инициатором проектов стал марокканец, бывший полицейский Ахмед Маркуш, член голландского парламента от партии труда.

Реализация программы и итоги работы А. Маркуша по оценкам экспертов достаточно противоречивы. Так, деятельность А. Маркуша в районе критикуется за отсутствие прозрачности и усиление активности «Братьев-мусульман» среди местного мигрантского населения (сам куратор проекта является последователем одного из идеологов «Братьев-мусульман» Юсуфа Кардави). После реализации проекта последователи «Братьев-мусульман» в районе Слотерваарт существенно усилились. В дополнение к марокканской мечети «ихванами» построено и контролируется еще две мечети: «Poldermoskee» и мечеть Федерации Исламских Организаций Нидерландов (FION)²⁶⁷.

²⁶⁶ См.: Deradicalizing Islamist extremists / Angel Rabasa, Stacie L. Pettyjohn, Jeremy J. Ghez, Christopher Boucek. RAND, 2010. – P. 124-125.

²⁶⁷ См.: Deradicalizing Islamist extremists / Angel Rabasa, Stacie L. Pettyjohn, Jeremy J. Ghez, Christopher Boucek. RAND, 2010. – P. 149-151.

Теракты 2015-2016 гг. в наибольшей степени затронули Францию, что сказалось и на программах дерадикализации. Долгое время французское правительство и силовые структуры не обращали внимание на возникающие этноконфессиональные анклавы (т.н. «особо чувствительные зоны»). Именно выходцы из подобных городских районов и составили основу сторонников ИГИЛ. Поставленное перед фактом радикализации значительной части молодежи, 9 мая 2016 г. правительство предложило «План действий против радикализации и терроризма», предусматривающий создание осенью 2016 г. 12 «центров реинтеграции и гражданственности». Данная программа является продолжением программы об учреждении «общественных учреждений обороны» (*Etablissement public d'insertion de la defense, EPIDE*), нацеленной на оказание помощи молодым людям, бросившим или собирающимся бросить школу, не имеющих профессионального образования и безработных. В каждом центре планируется задействовать примерно по 26 человек персонала, а содержание центров обойдется в 1 000 000 евро.

Центры в первую очередь предназначены для молодых людей, находящихся в группе риска и подверженных радикализации согласно данным полиции. Каждый центр будет рассчитан на 30 человек, со сроком пребывания примерно 10 месяцев и с возможностью проведения двухмесячных дополнительных курсов. В выходные дни лицам, пребывающим в центре, разрешается находиться дома со своими семьями, если только их родственники сами не являются фактором радикализации.

Программа заключается в «де-индоctrинации» и профессиональной подготовке. Де-индоctrинация включает общение с психологами, проведение диалоговых групп по темам геополитики, религии и т.д., а также «сепарационную работу» по дистанцированию человека от радикальных взглядов и влияния. Жизнь в центрах планируется построить по военному образцу: участники будут носить униформу, отдавать честь флагу, петь гимн Франции²⁶⁸. По сути дела, речь идет о запоздалых попыт-

²⁶⁸ См.: Uhlmann M. ICSR Insight – France Tests «Tough Love» De-radicalisation Approach. 15 June 2016 // <http://icsr.info/2016/06/france-tests-tough-love-de-radicalisation-approach/>

ках частичного решения проблем системы французского школьного образования, которая за последние десятилетия утратила такую важную функцию, как формирование единой идентичности через воспитание общих ценностей, чувства гражданственности и патриотизма.

В конце 2016 г. планируется открыть второй центр. Он будет предназначен для лиц, покинувших Францию для участия в боевых действиях, но о которых нет информации об их членстве в джихадистских группах. Участие в программе для таких лиц является альтернативой тюремному наказанию. Персонал центра попытается деконструировать джихадистскую идеологию, в том числе с привлечением сторонних организаций. Затем последует терапевтический этап, в ходе которого будут решаться проблемы, связанные с уходом из школы, безработицей, психическими болезнями. Лица, страдающие от серьезных психических расстройств, будут направляться в психиатрические клиники.

Власти обращают внимание на то, что единая униформа будет препятствовать, в частности, ношению участниками традиционной арабской одежды, а сами участники программы должны быть благодарны данной инициативе государства, так как в противном случае они столкнутся со всей тяжестью государственного аппарата. Данный подход рядом европейских СМИ и некоторыми экспертами уже назван «авторитарным».

Как видим, в настоящее время европейские страны все еще находятся в процессе нахождения оптимальных путей по борьбе с радикализацией. Изучение достоинств и недостатков зарубежного опыта актуально для Российской Федерации с учетом особенностей нашей страны, так как простое копирование иностранных программ не будет эффективным в силу объективных причин (особенности этноконфессионального состава населения, системы образования, государственного устройства и т.д.).

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕС)

А.Ф. Халирахманов

Противодействие терроризму и экстремизму является одним из важных и приоритетных задач в вопросах государственной и общественной безопасности. Экстремизм, как преступное деяние и метод политической борьбы, зародился еще задолго до появления нынешних проблем. Однако, наряду с научным прогрессом и развитием общественных отношений, это противоправное явление не перестает шагать в ногу со временем и приобретает новые формы. На сегодняшний день борьба с экстремистской пропагандой, осуществляемая правоохранительными органами, перешла из реального мира в виртуальный мир. Интернет стал одним из основных источников идеологической подпитки пользователей идеями радикального характера. Пропаганда радикальных идей посредством Интернета стала оружием в руках экстремистов, нацеленным на разум людей. К огромному сожалению, на сегодняшний день не существует официальной статистики лиц, завербованных в ряды террористических групп через Интернет. Однако, многие лица, вступившие в террористические организации, так или иначе, подвергались обработке через интернет-контент. Для профилактики подобного рода преступлений во многих западных и европейских странах стали приниматься соответствующие законодательные акты и меры для дерадикализации и пресечения радикально-экстремистской пропаганды. В Российской Федерации были внесены изменения в действующее законодательство и принят ряд мер, которые получили название антитеррористического «пакета Яровой». Другой актуальной проблемой, коснувшейся, прежде всего, стран Евросоюза стала проблема беженцев, а, в частности, их контрабандная транспортировка, рекламируемая через Интернет. В данном докладе рассмотрим меры, принятые Евросоюзом для решения этих проблем.

Надзор за Интернет-контентом.

Для борьбы с экстремистской деятельностью в интернет пространстве Европы, на базе Европола была создана специальная рабочая группа (подразделение) – *отдел по надзору за интернет-контентами* (Europol'sIRU)²⁶⁹. Основной приоритетной задачей данной группы является осуществление контроля и пресечение экстремистской деятельности и пропаганды в Интернете, на территории ЕС. Данная группа начала осуществлять свою деятельность с 1 июля 2015²⁷⁰. В основном на сегодняшний день работа сфокусирована на ослабление пропаганды псевдоисламских террористических организаций, таких как Аль-Каида, и ИГИЛ²⁷¹. В состав специальной рабочей группы (Europol'sIRU) вошли специалисты и эксперты различных направлений: религиоведы, переводчики, специалисты в области информационно-коммуникативных технологий, представители из правоохранительных органов и эксперты в области по борьбе с терроризмом. На сегодняшний день рабочий штат состоит приблизительно из 21 сотрудников. К 2017 году ожидается дальнейший рост штата сотрудников. Из числа государств ЕС, активно поддерживающих IRU ЕС, являются Нидерланды, Франция, Болгария, и Румыния²⁷². Эти страны заключили долгосрочные соглашения с Европолом о предоставлении и направлении своих специалистов для работы в группе.

Великобритания также проявляет интерес к этому проекту. Однако, Британским Королевством для исполнения 3 раздела закона Соединенного Королевства Великобритании от 30 марта 2006 года о борьбе с терроризмом²⁷³ в феврале 2010 года было создана собственная организация по борьбе с экстремизмом в Интернете именуемая подразделением по борьбе с террориз-

²⁶⁹ Europol'sInternetReferralUnit – Подразделение Европола интернет контроля.

²⁷⁰ См.: «ЕС с 1 июля 2015 года начнет проверять интернет-контент в борьбе с пропагандой экстремизма». Информационный портал «SecurityLab. Ru» /URL: <http://www.securitylab.ru/news/471997.php>. (Дата обращения: 16.09.2016).

²⁷¹ Запрещённые на территории России Верховным судом РФ террористическая группировка.

²⁷² Europol. EU Internet Referral Unit / YEAR ONE REPORT HIGHLIGHTS/URL: <http://statewatch.org/news/2016/sep/eu-europol-iru-one-year-on-report.pdf>

²⁷³ Terrorism Act 2006. <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/contents/enacted>

мом в интернет-пространстве (CTIRU)²⁷⁴ при Ассоциации руководителей офицеров полиции Англии, Уэльса, и Северной Ирландии (ACPO)²⁷⁵. Несмотря на то, что Великобритания не присоединилась к проекту Европола и решила создать собственное управление, между IRU EC и CTIRU были установлены рабочие каналы, обеспечивающие сотрудничество в данной области. По предварительным данным Британским подразделением за период деятельности с момента создания организации с 2010 по 2015 гг., было удалено порядка 75000 экстремистских контентов. К июню 2015 г. это число пополнялось с частотой в среднем 1000 контентов в неделю²⁷⁶. В Британии сложилась практика, когда в случае обнаружения материалов экстремистского содержания, отдел CTIRU на основании антитеррористического закона требуют Интернет-провайдеров удалить данные материалы. Однако существуют контенты, зарегистрированные за пределами Соединенного Королевства, что затрудняет их блокировку в связи с ограниченной юрисдикцией органов. В данном случае CTIRU вносит данные контента в черные списки или иными словами интернет-фильтр, используемый рядом крупных британских интернет-провайдеров²⁷⁷. Данный подход с применением внутренних ресурсов государства Великобритании был раскритикован некоторыми коллегами из числа государств-членов Совета ЕС. На их взгляд, подобный подход с применением императивных норм национального законодательства в вопросе ограничения интернет-контента, попавшего под подозрение в экстремистской деятельности, противоречит демократическим и либеральным основам ЕС²⁷⁸.

Относительно подразделений Европола по надзору за интернет-контентом тоже имеется немало критических высказы-

²⁷⁴ CTIRU—The Counter Terrorism Internet Referral Unit

²⁷⁵ ACPO—The Association of Chief Police Officers

²⁷⁶ Open Rights Group Wiki, ‘Counter Terrorism Internet Referral Unit’, https://wiki.openrightsgroup.org/wiki/Counter_Terrorism_Internet_Referral_Unit

²⁷⁷ Crown Prosecution Service, ‘FREEDOM OF INFORMATION ACT 2000 REQUEST’, 30 July 2013, <http://statewatch.org/news/2015/nov/uk-cps-ctiru-foi-answer.pdf>; , Open Rights Group Wiki, ‘Counter Terrorism Internet Referral Unit’, https://wiki.openrightsgroup.org/wiki/Counter_Terrorism_Internet_Referral_Unit

²⁷⁸ Terrorism Working Party and COTER, ‘Summary of discussions’, 14579/14, 6 November 2014, <http://statewatch.org/news/2015/nov/eu-council-terrorism-wp-minutes-14579-11-2014.pdf>

ваний, часть критиков считают деятельность подразделения неэффективным и бесперспективным. Однако представители Европейской комиссии готовы оказать поддержку в будущем данному проекту, а также поощрять интернет-провайдеров, содействующих данной работе Европола. По инициативе Европейской комиссии была принята европейская программа по безопасности от 28 апреля 2015 года. Программа представляет собой европейский аналог антитеррористического «пакета Яровой», предусматривающий эффективные действия для обеспечения безопасности ЕС от террористических угроз. Программа рассчитана на период с 2015 до 2020 годов. В рамках данной программы были организованы и проведены крупные форумы как, к примеру, «Интернет-форум ЕС», в котором приняли участие представители крупных интернет-сервисов, таких как, «Фейсбук», «Гугл», «Майкрософт» и др., в результате были приняты ряд соглашений о сотрудничестве в области информационной безопасности в интернет-сети²⁷⁹.

Незаконный ввоз мигрантов и беженцев в ЕС.

Евросоюз намерен активно использовать ресурсы Европола, в частности, отдела по надзору за интернет-контентами (Europol'sIRU) для обнаружения и удаления контентов и поисковых запросов, используемых некоторыми лицами для рекламы собственных услуг по незаконному ввозу мигрантов и беженцев на территорию ЕС²⁸⁰. Данная проблема, связанная с деятельностью так называемых «торговцев липовыми визами в ЕС», стала еще актуальнее и не осталась без внимания властей Евросоюза. Таким образом, Совет ЕС действовал Европол для того, чтобы ускорить создание Европейского центра незаконного ввоза мигрантов (EMSC)²⁸¹, одной из задач которого является поиск и удаление контентов в Интернет-пространстве, связанных с рекламой или агитацией контрабандных услуг. По предварительным данным было обнаружено и

²⁷⁹ Kirsten Fiedler, ‘EU Commission: IT companies to fix «terrorist use of the Internet」, EDRI, 6 October 2015, <https://edri.org/eu-commission-itcompanies-fix-terrorist-use-of-internet/>

²⁸⁰ European Council, ‘Special meeting of the European Council, 23 April 2015 – statement’, 23 April 2015, <http://www.statewatch.org/news/2015/apr/eu-council-med-crisis-prel.pdf>

²⁸¹ EMSC – European Migrant Smuggling Centre

обработано порядка 122 контентов, в которых предлагались контрабандные услуги²⁸². Также в борьбе с контрабандой мигрантов приняли участие Евроюст²⁸³ и Фронтекс²⁸⁴, которые занялись расследованием и уголовным преследованием за совершение данных преступлений и координацией пограничных зон Евросоюза²⁸⁵.

Обозревателями издания «Гардиан» было проведено краткое расследование, в ходе которого они пришли к выводу, что основным рекламным инструментом контрабандистов являются социальные сети, такие как, «Фейсбук» (Facebook), где активно размещаются их рекламные объявления. Помимо социальных сетей в последнее время стали часто использоваться приложения обмена сообщениями «Ватсапп» (WhatsApp) и «Вайбер» (Viber), в которых проще высыпать карту маршрутов и местности, а также необходимую информацию для встречи с контрабандистами²⁸⁶. Согласно докладу комиссара Совета Европы, чаще всего в категорию риска попадают представители женского пола. Женщины нередко подвергались насилию со стороны контрабандистов, преступных групп или отдельных лиц, в том числе насилию сексуального характера. Обычно жертвами становятся одинокие женщины или девушки, или женщины с детьми, в силу определенных обстоятельств оставшиеся без мужей, т.е. без защиты²⁸⁷.

²⁸² Europol: report on the first year of the Internet Referral Unit, 2 September 2016, <http://statewatch.org/news/2016/sep/eu-iru-one-year.htm>

²⁸³ Евроюст — (расш.) агентство Европейского союза, имеющее дело с судебными органами. Евроюст состоит из прокуроров, судей или сотрудников полиции, обладающих аналогичными полномочиями, от каждого государства, входящего в ЕС.

²⁸⁴ Frontex — (расш.) агентство Европейского союза по безопасности внешних границ («Фронтекс»).

²⁸⁵ Justice and Home Affairs Council, ‘Council Conclusions on Measures to handle the refugee and migration crisis’, 9 November 2015, <http://www.statewatch.org/news/2015/nov/eu-council-concl-refugees-15.pdf>

²⁸⁶ Patrick Kingsley, ‘People smugglers using Facebook to lure migrants into ‘Italy trips’’, The Guardian, 8 May 2015, <http://www.theguardian.com/world/2015/may/08/people-smugglers-using-facebook-to-lure-migrants-into-italy-trips>; ‘Migrants use Facebook, messaging apps to liaise with smugglers’, EurActiv, 4 September 2015, <http://www.euractiv.com/sections/infosociety/migrants-use-facebook-messaging-apps-liaise-smugglers-317338>

²⁸⁷ Council of Europe Commissioner for Human Rights, ‘Human rights of refugee and migrant women and girls need to be better protected’, 7 March 2016, <http://www.coe.int/en/web/commissioner/-/human-rights-of-refugee-and-migrant-women-and-girls-need-to-be-better-protected>.

Таким образом, можно говорить о том, что меры предпринятые руководством Евросоюза, верны. Разумеется, полностью решить проблемы, связанные с экстремизмом и контрабандой в интернет-сети не удастся, так как удаленный или заблокированный контент будет воссоздаваться преступниками снова. По мнению некоторых либеральных представителей ЕС, меры, принятые руководством Евросоюза, нарушают демократические принципы ЕС, в связи с тем, что для ведения борьбы с киберпреступностью необходимо иметь доступ к приватным данным пользователей. Следовательно, это говорит о том, что власти ЕС готовы пожертвовать некоторыми демократическими ценностями для обеспечения мер общественной безопасности. Из положительных особенностей можно выделить и факт того, что отдел по надзору за интернет-контентом (Europol'sIRU) активно ведет свою надзорную деятельность в социальных сетях, удаляя экстремистского характера контент, аудио-видео материалы и при возможности привлекая правонарушителя к ответственности. Что нельзя сказать о наших отечественных социальных сетях, например, «В контакте», в котором любой несовершеннолетний может найти и просмотреть видеоролики со сценами террористического акта или насилия. Некоторые меры, направленные для борьбы с экстремизмом в сети Интернет, можно использовать и в России.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ
ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА:
ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
(ДГУНХ)

Х.Г. Магомедов

Деятельность по профилактике и предупреждению проявлений экстремизма и терроризма в Дагестанском государственном университете народного хозяйства (ДГУНХ) имеет приоритетное значение в организации учебно-образовательного процесса и осуществляется в рамках Комплексного Плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы, а также Комплексной Программы противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан на 2016 год.

В первую очередь следует отметить, что в своей работе научно-практической лаборатории по вопросам противодействия идеологии экстремизма ДГУНХ (здесь и далее НПЛ) исходит из того, что «целевой аудиторией» идеологов экстремизма и терроризма является молодежь. Поэтому основными задачами лаборатории определены: – духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодёжи; – воспитание толерантности и интернационализма в молодёжной среде; – противодействие терроризму, межрелигиозному и межнациональному экстремизму; – организация научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работы в области противодействия идеологии терроризма.

Логика разработки и реализации Плана мероприятий НПЛ по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде ДГУНХ на 2016– 2017 учебный год совпадает с позицией

декана факультета психологии Южного федерального университета члена-корреспондента РАО профессора доктора биологических наук Ермакова П.Н.: «Для того, чтобы образование могло противостоять тем негативным влияниям, которые в настоящее время все больше воздействуют на юношей, необходимо разрабатывать технологии воздействия на ученика, студента со стороны учителя, преподавателя, ориентированные на убеждающий эффект. Существенным этапом убеждающего воздействия является формирование ценностно-смысовых установок, которое можно в данном контексте рассматривать как индивидуальную, личностную готовность субъекта учебной деятельности к толерантным способам поведения, устойчивой антитеррористической позиции»²⁸⁸.

Чрезвычайно важно отметить, что проявления экстремизма и терроризма в Республике Дагестан не являются следствием ни межэтнических, ни межконфессиональных конфликтов. Имеет место внутриконфессиональный конфликт. Исходя из этого, и осуществляется План мероприятий НПЛ.

При выборе тематики мероприятий применены ссылки на Коран и Сунну пророка Мухаммада (с.а.в.), актуальные для проблематики внутриконфессиональных дискуссий, а также использован практический опыт автора данной статьи в качестве руководителя рабочей группы Комиссии по адаптации лиц, оказавшихся от экстремистской деятельности на территории РД при президенте Республики Дагестан, а затем – начальника отдела администрации главы и правительства РД по обеспечению деятельности Антитеррористической комиссии в РД.

Мероприятия Плана НПЛ включают организацию и проведение встреч-бесед, круглых столов, республиканских и всероссийских научно-практических конференций,отовыставок, изготовление разнообразной раздаточной продукции и видео-

²⁸⁸ Ермаков П.Н. Высшее образование как компонент системы противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Роль федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества и СМИ в формировании системы противодействия идеологии терроризма, разработке и осуществлении мероприятий по информационному противодействию терроризму». стр. 99-105 Москва, МГУ, 13-24 октября 2011 г.

материалов, проведение анкетирования и других социологических исследований, организацию стажировок студентов юридического факультета ДГУНХ при аппаратах Антитеррористической комиссии (АТК) в муниципалитетах республики.

Исполнителями Плана НПЛ по противодействию идеологии экстремизма и терроризма обозначены кафедра гуманитарных дисциплин, тьюторы факультетов и другие сотрудники ДГУНХ. В соответствии с решением АТК в РД особое внимание уделяется работе с первокурсниками.

Так, встречи-беседы посвящены следующим темам: «Формирование гражданской идентичности молодежи РД», «Вопросы адаптации лиц, отказавшихся от террористической деятельности в РД с показом видеоматериалов (здесь и далее – с демонстрацией материалов видеоархива МВД по РД о преступной деятельности НВФ в Дагестане в 1990-2000-х годах с соответствующими комментариями)», «О добрососедстве в Исламе», «О принуждении в вере в Исламе», «О различиях в народах и религиях в Исламе», «О самоубийствах под видом джихада», «Об изменении своего нафса (Эго) в Исламе», «О неадекватных обстоятельствах экстремистского толкования Корана о справедливой войне», «Прекращение войны как милость в Исламе».

При организации круглых столов акцент делается на использование потенциала культуры, традиций, исторической памяти дагестанских народов. Отсюда и тематика: «Формы и методы реализации волонтерского потенциала молодежи в РД (на примере студентов ДГУНХ)», «Духовные ценности дагестанского общества», «Состояние, проблемы и перспективы военно-патриотического воспитания дагестанской молодежи на примере МО «Буйнакский район», «Казбековский район», «Роль и место традиционных женских головных уборов народов Дагестана в формировании культурной идентичности исламской молодежи», «Обвинение в куфре – теория и практика».

Тематика планируемых научно-практических конференций также представляется в высшей степени актуальной: «Этический кодекс молодого дагестанца, проживающего в немусульманской среде», «Критерии и термины джихада на территориях

Мира и Войны». К участию в конференциях приглашены также представители духовенства, в том числе члены республиканского Совета выпускников зарубежных исламских учебных заведений.

Организация и проведение фотовыставок на темы: «Кровавые следы религиозных экстремистов в истории Дагестана», «Моя малая родина – Дагестан», «Взорванный День Победы в Каспийске» призваны фотодокументально напомнить студентам о событиях совсем недавнего прошлого, которые формируют наше настоящее – лживость увещеваний вербовщиков из ИГ и логику действий правоохранительных органов.

Подготовка и распространение раздаточной продукции – листовок, самоклеек, буклетов, календарей, брошюр антитеррористического содержания, видеороликов, видеофильма на основе извлечений из Корана и Сунны, а также видеоархивов МВД по РД, а также оказание содействия в съемке сюжета для «1-го канала» ТВ о деятельности ДГУНХ в области противодействию идеологии экстремизма и терроризма в студенческой среде призвано противостоять распространению псевдорелигиозного терроризма.

Организовано и проведено анкетирование среди студентов университета по определению предпочтительных каналов получения информации молодежной средой. Проводится подготовительная работа по анонимному анкетированию по военно-патриотической тематике, а также противодействию идеологии экстремизма и терроризма.

Новшеством в Плане мероприятий НПЛ следует считать организацию стажировок студентов юридического факультета при аппаратах АТК в муниципалитетах республики. В частности, такая договоренность достигнута с МО ГО «Город Хасавюрт», с которым ДГУНХ по инициативе НПЛ подписал соглашение о сотрудничестве. Стажеры отобраны из числа уроженцев этого второго по величине города республики и в перспективе после окончания учебы они могут быть трудоустроены в местном аппарате АТК на постоянной основе.

Среди прочих мероприятий Плана НПЛ следует назвать участие в муниципальных, республиканских и всероссийских мероприятиях, посвященных противодействию идеологии экстремизма и терроризма, подготовку и издание учебной, методической, пропагандистской литературы по вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма, организацию встреч с представителями республиканских и муниципальных органов исполнительной власти, СМИ и правоохранительных органов.

ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ МОЛОДЕЖНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА

В.С. Гориунов, И.Ш. Гамиев

Современные возможности воздействия через Интернет сегодня активно используются силами, заинтересованными в дестабилизации политической обстановки в той или иной стране. Сегодня деструктивные лозунги о национальной дискриминации, которые использовались прежде для мобилизации сельской молодежи, являются полностью устаревшими. Эти идеи уже не актуальны для молодежной среды городов, где многие происходят из смешанных браков или живут в многоэтничной среде. В тоже время, в их среде, на сегодняшний момент, больший интерес вызывают праворадикальные идеи или религиозный радикализм, которые являются привлекательными в обосновании протesta против существующего конституционного строя.

Так с 09.09.2016 года в социальной сети «Вконтакте» начала работу открытая группа «Тюрки Национал Социалисты / Milliyetçi Sosyalist» (ТНС)²⁸⁹, которое позиционирует себя как

²⁸⁹ <https://vk.com/club128474927>

политико-военное движение Тюркских Национальных Социалистов. Место расположения: Istanbul, Турция.

Появление подобных проектов было ожидаемым после политического успеха движения «Мизантропик Дивижн» («Мизантропик Дивижн» – радикальное неонацистское движение, идеологией которого является синтез германского неоязычества, нацистских визуальных символов и агрессивного отношения к органам государственной власти) на территории Украины, и свержения конституционного строя этой страны в 2014 году. Даже, если предположить, что распространением подобных взглядов занимаются одиночки, показательным является общий вектор их усилий в этом направлении. В визуальном контенте группы создатели соединили нацистскую свастику, тюркские руны, волчью голову, символ «шынгырак», а также образ исторического политического деятеля Турции – Кемаля Ататюрка.

Администратором паблика является – Эйнар Буранов²⁹⁰ из Стамбула, который выложил своё обращение на стене группы к тюркским народам на русском языке. Сам он является, по его признанию, турком-месхетинцем, эмигрировавшим в 2006 году из Кыргызстана в Турцию и ставшим там пантюркистом.

Стоит отметить, что одной из первых попыток создать группу для лиц тюркских национальностей, проживающих в РФ, было начало работы с 2015 года публичной страницы – «Turanic» (место дислокации администраторов – США)²⁹¹, которая имеет целью своего воздействия такие этнические общности – как татары, башкиры, чуваши, используя пантюркистский термин «Туран»²⁹². На странице группы выкладывался «правый», агрессивный графический контент, смешанный с историей и культурой тюркских народов России. В связи с тем, что группа была пробной, и авторы данного паблика не смогли понять специфику мировоззрения тюркских народов, количество подписчиков за год не превысило 150 человек, но новости в данном проекте продолжают генерироваться и обновляться, а группа находится в режиме неактивного функционирования.

²⁹⁰ <https://vk.com/e.buranov>

²⁹¹ <https://vk.com/turanic>

²⁹² <https://vk.com/id315282237>

Публичная страница «Тюрки Национал-Социалисты» (далее – ТНС) на 06.10.2016 года состоит из 13 подписчиков, начала работу в сентябре 2016 года и находится в начале своего становления. Пока занимается привлечением новых подписчиков.

Статистика охвата подписчиков и реакция на выложенные материалы отображается в специальной колонке. Группа очевидно является тестовой и одной из первых, написанных в идеологическом ключе соединения национал-социализма, пантюркизма и тюркского язычества. Если сравнить аватары двух групп, то мы увидим единство созданных для подписчиков визуализаций в виде тюркских рун и шынгырака – элемента юрты.

Анализ связанных с администратором групп позволяет предположить, что реальная рабочая площадка проекта находится на Украине. В качестве основных мотивов такой локализации видятся: хорошая ориентация сотрудников из Украины в русскоязычном сегменте Интернета, невысокая экономическая себестоимость ведения пропагандистской деятельности и близость к адресату, дающая возможность оперативно реагировать на формирующиеся тенденции.

Проведенный контент-анализ позволяет сделать вывод о том, что материалы «ТНС» расчитаны, в первую очередь, на представителей тюркских народов, проживающих в городской среде и использующих в качестве основного средства общения русский язык. Проект расчитан прежде всего на граждан России, Казахстана, Азербайджана. Активнейшую поддержку, с начала проекта ему оказывают русскоговорящие граждане Казахстана, которые негативно относятся к Российской Федерации.

В подобном идейном ключе создана и группа «Орда» (г. Санкт-Петербург)²⁹³, которая ведет свою пропаганду с апреля 2016 года, используя тюркский национализм. Администраторы – граждане РФ азербайджанской национальности. Они обосновывают, что идентичность «тюрк» для России является протестной.

Высокое качество фотоматериалов и графики говорит о том, что они являются результатом усилий профессионалов. В про-

²⁹³ <https://vk.com/theturks>

шлые годы подобную работу выполняли энтузиасты. Основным фетищным образом в данных сообществах является волк, как существо стайное и агрессивное. Образ волка наиболее популярен в молодежных субкультурах, хорошо воспринимается этническими мусульманами, тогда как глубоко религиозные мусульмане считают его «нечистым» животным. Для создания визуализаций используются мусульманские символы, тюркский рунический шрифт, изображения волка, возвзвания к необузданной агрессии и идеям расизма, нацистские символы. Для сравнения – у правых движений – это северный рунический шрифт и его модификации к кириллице.

Набор разноплановых фотографий, графики и музыки представляет собой причудливый котейль, который должен визуально соединить термины тюрк, Туран, молодежь, агрессия, рок-музыка, национальный костюм, модная татуировка, тюркские руны и чувство превосходства над другими. Сравнительный анализ базовых установок и идей указанной группы и изученных ранее деструктивных групп («Мизантропик Дивижен») позволяют предположить, что под эгидой тюркской солидарности авторы группы формируют идеологию вполне совместимую с праворадикальной идеологией. Это подтверждает и схожий стиль и манера подачи материалов, аналогичные «Мизантропик Дивижен», что видно по материалам страниц этих групп²⁹⁴.

Материалы этих групп в последующем активно поддерживаются «лайками» и «репостами» в различных националистических группах, существующих в субъектах Российской Федерации, например в башкирской нацгруппе «Başkurttar-Horo Burelar»²⁹⁵.

²⁹⁴ https://vk.com/club128474927?z=photo-128474927_433799942%2Fwall-128474927_66; https://vk.com/turanic?z=photo-98726864_378326604%2Falbum-98-726864_00%2Frev; https://vk.com/turanic?z=photo98726864379547422%2Falbum-98-726864_00%2Frev; https://vk.com/turanic?z=photo98726864_38971537%2Falbum-98726864_00%2Frev; https://vk.com/turanic?z=photo98726864_374151940%2Falbum-98726864_00%2Frev; https://vk.com/club128474927?z=photo128474927_429996749%2Fwall-128474927_28; https://vk.com/theturks?z=photo-119604181_429703197%2Falbum-119604181_00%2Frev; https://vk.com/theturks?z=photo-119604181_433401824%2Falbum-119604181_00%2Frev; https://vk.com/th_turks?z=photo-119604181_433273733%2Falbum-119604181_00%2Frev

²⁹⁵ <https://vk.com/club2277811hrburelar>

Для «сближения» администраторов группы с лицами из числа националистов и «неязычников», в данных группах регулярно публикуются фотографии в этническом и фольклорном стиле, что, по мнению создателей группы, находит эмоциональный отклик в национальной среде. Отклики подписчиков анализируются и делаются попытки убедить подписчиков в своих взглядах через комментарии: Россия по сравнению с Западом характеризуется как «Азиопа» и тирания.

Очевидным является тот факт, что создатели подобной протестной технологии пытаются выработать общий смысловой и визуальный ряд у отдельных представителей тюркских и финно-угорских националистических групп (башкирских, казахских, татарских, булгарских, ногайских, чувашских и др.), который будет способен перекрыть их исторические разногласия и выступить фактором мобилизации против официальных властей. Контент в новом графическом дизайне и рунические символы являются фактором новизны для этих националистических течений. В результате внутри подобных молодежных протестных групп образуется определенная субкультура. Это становится понятным после анализа селфи-фотографий и фото с изображением татуировок, с использованием образа волка и тюркских рун. Ранее, подобная демонстрация татуировок, как исключительно западной привычки, была нехарактерна для тюркских сообществ²⁹⁶.

Идеологией деструктивных тюркских сообществ теперь становится как ислам, так и «туркское язычество». С этой целью выкладывается контент, который не имеет отношения к религиозным взглядам, а прославляет войну, смерть, оружие, протест к существующему строю и государственным институтам. Все это выдаётся за элементы «турецкой истории». Дополнитель-

²⁹⁶ https://vk.com/wall-98726864_250?z=photo-98726864_380823617%2Fwall-98726864_250; https://vk.com/wall-98726864_250?z=photo-98726864_380823618%2Fwall-98726864_250; https://vk.com/wall-98726864_250?z=photo-98726864_380824965%2Fwall-98726864_250; https://vk.com/wall-98726864_256?z=photo-98726864_381033160%2Falbum-98726864_00%2Frev; https://vk.com/wall-98726864_250?z=photo-98726864_380823616%2Fwall-98726864_250; https://vk.com/turanic?z=photo-98726864_374713981%2Falbum-98726864_00%2Frev; https://vk.com/turanic?z=photo-7356001_380050088%2Fwall-98726864_210; https://vk.com/turanic?z=photo-98726864_374146052%2Falbum-98726864_00%2Frev

ным приложением к основному контенту являются аудиофайлы с «тяжелой» рок-музыкой, которая, по мнению администраторов, по-видимому, должна привлекать молодёжную аудиторию. Возможна также реклама других различных неоязыческих, а также неонацистских движений²⁹⁷.

С 8 октября 2015 года в сети Интернет начинал активную работу сайт «ОРДА 1313»²⁹⁸, администрируемый из Стамбула, группой так называемых «русских мусульман» (организация «НОРМ» Национальная Организация Русских Мусульман). Одновременно также начинают ретранслироваться новости сайта в социальной сети «Вконтакте», в «Фейсбуке» и «Твиттер», в «Живой Журнал». Идеологическое обоснование данного ресурса претендует на некую «историчность». Данная идеология рассчитана быть привлекательной для всех деструктивных сил, имеющих тюрко-мусульманский компонент. Она направлена на работу против развития российской идентичности. Итак, на сайте мы читаем следующую информацию: «*Орда* — это сайт **Исламского движения Северной Евразии**. Почему Орда и какое отношение она имеет к Исламу? Ведь Чингис-хан, Баты-хан не только не были мусульманами... Однако в 1313 году хан Орды Узбек принял Ислам и объявил его религией своего государства. А это территория почти всей современной России. Таким образом, в XII веке не отдельные Татарстан или Кавказ, а почти вся нынешняя Россия вошла в Дом Ислама (Даруль-Ислам). А, по мнению ряда мусульманских правоведов, земля, которая раз в него вошла, должна ему принадлежать до конца времен»²⁹⁹.

Редакторы вышеуказанного паблика не озабочились теоретическим обоснованием своего синкретизма сделав своеобразный «микс» из: культового числа «13», слов – «ORDA», «Ислам», «Евразийская революция», красно-белым визуальным фоном состоящим (похоже на клубные цвета ФК «Спартак»).

²⁹⁷ https://vk.com/turanic?z=photo-34109849_376025279%2Fwall-98726864_236; https://vk.com/turanic?z=photo-48398393_381293330%2Fwall-98726864_214

²⁹⁸ <http://orda1313.com>

²⁹⁹ <http://orda1313.com/about/>

Число «13» в мусульманском мире не несет какой либо особенной смысловой нагрузки, но в то же время в западной массонской и оккультной традиции наполнено большим содержанием. Причем изначально неверно указана дата принятия Ислама ханом Узбеком, который он принял по научным данным в 1320-1323 годах. Данный информационный «продукт» создан для этнических мусульман, проживающих на территории Российской Федерации, и, видимо, претендует на возможность создание «мусульманского» оппозиционного диссидентского движения из жителей крупных урбанизированных агломераций. Контент состоит из аналитических материалов, дополняемых иллюстрациями и коллажами. В них обсуждаются животрепещущие вопросы современной политики и исторические проблемы и вопросы.

Интересные результаты показывает географический анализ участников, в соцсети «Вконтакте», который подчеркивает, что деятельность группы рассчитана прежде всего на повышение вероятности конфликтов между гражданами РФ. Даже те, кто не указал страну проживания, судя по косвенным данным, проживают в России и этих подписчиков в группе подавляющее большинство (статистика на 1 января 2016 года).

№	Страна	Количество участников
1.	Россия	115
2.	Украина	22
3	Казахстан	15
4	США	2
5	Израиль	2
6	Азербайджан	2
7	Беларусь	1
8	Германия	1
9	Узбекистан	0
10	Кыргызстан	0
11	Туркмения	0

Российские подписчики по городам:

№	Город РФ	Количество участников
1	Казань	13
2	Москва	21
3	Санкт-Петербург	9
4	Уфа	5
5	Краснодар	3
6	Ростов-на-Дону	3
7	Набережные Челны	2
8	Волгоград	2
9	Оренбург	1
Всего		60

Проведенный анализ показывает, что основной целью деятельности является создание новой, объединенной общим смыслом и символами, деструктивной молодежной субкультуры, стоящей на идеологических позициях нигилизма и протестных настроений, которая имеет сходную базу с движением «Мизантропик Дивижен». Особенно актуально будет приобщение к данному движению тех лиц, которые происходят от смещанных браков, из урбанизированной среды и не имеют возможности или желания оторваться от полиэтничной городской среды и приобщиться к «традиционным» сельским национальным ценностям, к которым на современном этапе интерес у молодежи потерян.

Необходимость создания подобной группы обусловлена тем, что методы деятельности «традиционных» националистов и пантюркистов не дают, в настоящее время, ощутимых результатов в молодежном сегменте Российской Федерации и Казахстана. Есть определённые результаты националистической пантюркской агитации в Азербайджане. Например, группа «Голос тюрков»³⁰⁰, которая пропагандирует «османизм» среди русскоязычных пользователей Интернета. Количество подписчиков этой группы перевалило за восемь тысяч человек. Традиционные националистические идеи, такие как общение только

³⁰⁰ https://vk.com/azeri_nationalist

на родном языке, не являются привлекательными для урбанизированной молодежи, а отсутствие у них ярких символов, с опорой на визуальный ряд, не приносит массового отклика в целевых группах. В результате «старый подход» находится в стагнации. В перспективе этнический состав участников подобных технологий будет расширяться, охватывая и представителей смешанных браков.

О целевом единстве, едином «дирижировании» финансами и идеологией подобных групп говорит использование одинакового контента. Так, 18 апреля 2016 года в группе «Орда» было опубликовано «Обращение к тюркам» создателя группы «Тюрки Национал Социалисты». И, несмотря на то, что официально создатели и администраторы группы «Орда» критикуют национал-социализм, это не мешает им лично «лайкать» нацистские символы в группе «Тюрки Национал Социалисты». Таким образом, в сети активно ведется работа по внедрению в мышление определенных слоев молодежи экстремистских, деструктивных националистических идей, требующих нейтрализации и встречной пропагандистской работы.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ В ТАТАРСТАНЕ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Р.Г. Галихузина

Сегодня мусульманские электронные средства массовой информации являются не только каналом информирования аудитории о значимых событиях, происходящие в мире ислама, они все активнее становятся инструментом выражения общественных интересов мусульман.

Появление в Интернете искаженной информации об исламе, распространение идеологии радикализма в социальных медиа, являются той неблагоприятной средой, в которой существуют

мусульманские сайты. В результате ислам, все чаще ассоциируют с терактами, дискриминацией женщин, невежеством. Зачастую сами мусульмане своими непродуманными действиями дискредитируют истинный смысл религии. В этой связи возрастает значимость в содержательном наполнении и продвижении исламских ресурсов, популяризирующих идеи срединности и умеренности.

Создание позитивного образа ислама и мусульманского сообщества Республики Татарстан в Интернет – пространстве является важным направлением в деятельности исламских общественных организаций. Рост мусульманской интернет-аудитории, получающей информацию об исламе на различных мусульманских сайтах, ставит перед мусульманскими организациями задачу создания электронных ресурсов и сервисов, способных конструировать образ российского мусульманина, служащего интересам своей религии, государства и общества.

Возрастание экстремистских проявлений на почве ислама актуализирует вопрос организации идеологической работы в сети Интернет, направленной на разъяснение опасности и античеловеческого характера идеологии насилия и снижения рисков вовлечения молодых людей в деструктивные организации.

Мусульманское духовенство республики осознает необходимость реагирования на изменения, происходящие в обществе, в том числе связанных с распространением информационных технологий и активным внедрением мобильных устройств. В частности муфтий Татарстана Камиль Самигуллин указывает на то, что «молодежь убежала с улиц в Интернет, в Facebook, Twitter. Если молодежь убегает в Twitter, то мы побежим за ней. Если в Facebook, то мы должны идти за ней»³⁰¹. Ответом на поведенческие стратегии молодежи в интернет-пространстве становится предоставление площадок для коммуникации и создания сайтов.

Анализ обширного сегмента российского мусульманского Интернета в рамках одной статьи не представляется возможным, в этой связи остановим свое внимание на основном субъ-

³⁰¹ Камиль Самигуллин: «У нас есть свои герои, которых мы просто не знаем» // Умма. 2014. № 139. С 13.

екте применяющий информационные технологии в процессе донесения религиозных канонов до широкой аудитории – Духовном Управлении мусульман Республики Татарстан. Интернет-площадки создаваемые ДУМ РТ, раскрывающие исламскую тематику, имеют различные формы и содержание. Аудио-, видео – и текстовая информация об истории и культуре ислама, современном состоянии ислама в России и мире призваны повысить не только религиозную грамотность, но и формирует религиозное сознание посетителей сайта.

Официальный сайт www.dumrt.ru, является источником информации о состоянии ислама в Татарстане, о мероприятиях (семинары, конференции, учебно – практические курсы, встречи), посвященные раскрытию механизмов сохранения толерантности, поддержанию межнационального и межконфессионального согласия. На сайте размещен баннер «Экстремизм, конфликты на религиозной и национальной почве» для обращения граждан о конфликтных ситуациях. Систему мусульманских Интернет-ресурсов дополняет большое количество сайтов мухтасибатов Татарстана, в которых широко представлена работа по религиозному просвещению, возрождению мусульманских традиций, воспитанию молодежи в традициях ислама, что само по себе является мощным инструментом для духовного развития. Ограниченность объемом не позволяет полностью охарактеризовать деятельность приходов, данные аспекты найдут отражение в последующих работах автора.

Знакомство интернет-аудитории с оценками, позициями, богословским толкованием тех или иных явлений данными лидерами мнений по событиям происходящих в исламском мире, их влияние на российских ислам в историческом контексте и на современном этапе занимает особое место в формировании образа ислама в России. Муфтий Татарстана Камиль Самигуллин как лидер мусульман использует Интернет для наставления собственной паствы. На созданных им аккаунтах в социальных медиа («Вконтакте» – <http://vk.com/id211305144>, «Facebook» – <https://www.facebook.com/profile.php?id=100006514790578>, «Instagram» – <http://instagram.com/kamilsamigullin>)³⁰² отражены

³⁰² Муфтий Татарстана открыл аккаунты в социальных сетях // Умма. 2013. № 117. С. 1.

текущие мероприятия, проводимые ДУМ РТ, фото и видеоматериалы, точка зрения по актуальным вопросам современной социальной действительности. Позиция татарстанского духовенства, озвученная в Интернете, превращается в дискуссионную площадку, где собирается спектр мнений по отношению ислама к различным проблемам современности.

Перейдём к рассмотрению мусульманских ресурсов, освещающих те аспекты жизни российских мусульман, которые направлены на профилактику экстремизма и терроризма. С целью сохранения и популяризации татарского богословского наследия в июне 2013 года был создан Издательский дом «Хузур». Направления работы Издательского дома выходят далеко за пределы традиционной издательской деятельности (выпуск периодической печати, переводческой деятельности с арабского, турецкого, старотатарского языков), он осваивает такие инновационные формы как создание интернет-сайтов, интернет-радио. По справедливому утверждению Якупова В. М., ставшего жертвой деструктивных сил, «в основу борьбы с салафитизацией должны быть заложены усилия научной и творческой интеллигенции, развитие электронных инструментов – всего того, что обеспечивает комфортное восприятие мусульманским населением исламского наследия своего народа»³⁰³.

Просвещению и приобретению знаний об исламе придается особое значение в системе исламского мировоззрения. Получение фундаментальных религиозных знаний служит единственным механизмом противодействия религиозному экстремизму. В рамках этого направления Издательский дом «Хузур» в том же 2013 году создал первый медийный портал, представляющий собой интернет-медресе [baytalhikma.ru](http://www.baytalhikma.ru). – <http://www.baytalhikma.ru/>. Пользователи в дистанционной форме могут приступить к освоению исламских наук на разных языках. На сайте размещены видеоуроки и передачи об истории распространения ислама в Татарстане. Такая информация особенно востребована в связи с тем, что часть мусульман, не зная о формах бытования ислама в регионе, возвышают и усваивают исключительно арабскую

³⁰³ Якупов В. М. Выход – в книгах! //Умма. 2011. №1(001). С. 1.

традицию, что приводит к возникновению ценностных конфликтов. При помощи различной образовательной продукции, размещенной на сайтах, можно откорректировать сложившиеся ложные представления о российском исламе.

Научные разработки, процесс образования осуществляется на основе Корана и Сунны, в рамках маликитского, шафиитского, ханбалитского мазхабов, при этом положения ханафитской школы в силу исторически сложившихся традиций бытования ислама в Поволжье является доминирующими. Религиозное образования предполагает изучение таких дисциплин как «Коран», «Сунна», «Исламское вероучение», «Исламское право», «История», «Языки». Электронное медресе содержит преимущественно труды и учебные пособия видных татарских мыслителей Ш. Марджани, М. Бигиева, Г. Баруди, Р. Фахретдина. Таким образом, возрождается связь времен, и при опоре на российское отечественное богословие формируется слой конкурентоспособных, современных исламских ученых.

Данный проект создан выпускниками высших учебных мусульманских заведений России, Турции, Египта, Иордании, Сирии, Саудовской Аравии, Малайзии, что говорит о высоком научном уровне. Слушатели медресе имеют возможность слушать лекции как отечественных, так и зарубежных признанных специалистов (ректор Российской исламского института Мухаметшин Р.М., муфтий РТ Камиль хазрат Самигуллин, заведующий кафедрой Корана и Сунны шариатского факультета Дамасского университета Нуруд-дин Итра, Верховный Муфтий Египта Шейх Али Джум, основатель суннитского исламского образовательного портала *Darulfikr.ru* Абу Али аль Ашари)³⁰⁴.

В структуре сайта ДУМ РТ так же существует второй сайт, посвященный исламскому просвещению и образованию, что свидетельствует о значимости образовательного компонента. На сайте www.magarif.ru можно получить информацию о мусульманских образовательных учреждениях, действующих в Татарстане, которые выпускают религиозных служителей, формируя будущую мусульманскую элиту. Аналитические статьи

³⁰⁴ Презентация ИД Хузур в ИТ – Парке //Умма. 2013. № 117. С.2.

о состоянии и перспективах развития мусульманского образовательного вскрывают возможности исламской учёности в процессе создания новой генерации российских мусульман. Полагаем, что данная информация ориентирована на родительское сообщество, абитуриентов, исследователей.

Книжная традиция представлена на сайте электронной библиотеки «Darul-Kutub com», идея создания которой так же принадлежит ИД «Хузур». Сайт знакомит с оригиналами наиболее известных работ, принадлежавших перу татарских богословов. На сайте существуют рубрики «Исламская энциклопедия», «Наша библиотека». По замыслу создателей ресурса, «的独特性» данной библиотеки в том, что в ней будут собраны книги на всех языках мира, а обновляться «веб-читальня» будет постоянно»³⁰⁵. Уже сейчас на сайте размещены отсканированные версии трудов известных богословов преимущественно на старотатарском и арабском языках, что свидетельствует о начавшемся процессе освоения и возрождения интеллектуального наследия татар – мусульман, для которого был присущ коранический гуманизм и умеренность.

Популяризация на мусульманских ресурсах достижений имамской мысли дореволюционного периода, мусульманской юридической практики, разъяснение основ ханафитского мазхаба, проповеди современных имамов призваны обратить внимание нового поколения мусульман к истинным ценностям и предоставить качественную информацию об исламе. В целом на сайте библиотеки и медресе пользователи могут найти ответы на спорные вопросы, ознакомиться с правилами совершения религиозных обрядов, тем самым очерчивается канонические границы, нарушение которых является недопустимым. Создатели библиотеки стремятся размещать книги, отвечающие запросам мусульман. Ответом мусульманского духовенства на чудовищные акты насилия боевиков и действия вербовщиков стало появление брошюры «ИГИЛ – армия Сатаны», электронная версия которого доступна для чтения в режиме онлайн.

---

³⁰⁵ Там же.

В 2015 году на сайте так же был размещен труд Усама ас-Сайдид Махмуд аль-Азхари «Явная истина в ответ, тем, кто играет с религией и прикрывается ею, экстремистским течениям (от «Братьев-Мусульман» до ИГИЛ) с точки зрения исламских ученых, переведённый с арабского языка. В издании раскрываются такие понятия, как «хакимийя» (судейство), «джаилийя» (невежество), «джихад» (усердие) и ватан (родина) с точки зрения исламских ученых и искаженное толкование данных явлений экстремистскими течениями. Уникальность образовательных ресурсов заключается в том, что представленные книги на русском, английском, арабском языке можно скачать, а предметы и уроки в видео-формате изучать.

Для формирования положительного образа ислама в декабре 2013 года ИД «Хузур» была запущена еще одна новая площадка – интернет-радио «Азан» (с араб. призыв к молитве) или «Голос Ислама» radioazan.ru, находящееся на сайте [«islam-today.ru»](http://islam-today.ru). Интернет-радиостанция вещает круглосуточно на русском и татарском языках, в сетки радиовещания звучат программы по исламскому праву, исламской нравственности, истории, хадисам, Корану. В ночном эфире звучат аяты Корана и нашиды. Благодаря разнообразным рубрикам «Фетвы», «Международное обозрение», «Женская среда», «Ислам, наука, технологии», «Кстати говоря», «Путь сердца», «Энциклопедия Ислама», проповедям татарстанских имамов слушатели получают понимание того, чем должен руководствоваться мусульманин при принятии решения, и каковы общественные интересы мусульманской общины. Для удобства на сайте выложен аудиоархив программ, радио можно слушать через мобильные приложения созданных для IOS и Android.

Мусульманская нравственность закладывается и формируется благодаря семейному воспитанию, где определяющая роль принадлежит матери. Мусульманский женский портал www.annisa-today.ru, предоставляя информацию по различным сферам воспитания детей в духе ислама, отвечает на актуальные вопросы, которые волнуют мусульманок, – религия, семья, общественная жизнь. Читательницы имеют возможности поделиться

своим социальным опытом и публиковать собственные материалы. Не остается в стороне и юная интернет-аудитория, для которой существует мусульманский молодежный сайт. Появление мусульманского молодежного сайта www.youngmuslims.ru связано с необходимостью воспитания подрастающего поколения в рамках традиционной для российских мусульман богословской школы, информационным давлением, которому подвергается молодежь при поиске информации об исламе. Как отмечают сами создатели сайта, ресурс станет основой создания волонтерского движения и поможет выявлять талантливых ребят для привлечения их к деятельности ДУМ РТ. Среди рубрик по интересующей нас проблематике выделим рубрику «Нравственность и этика», «Истории и притчи», «Вопрос Алиму».

Одним из последних интернет проектов ДУМ РТ является создание информационно-аналитического федерального портала «Ислам против терроризма» (<http://terrogra-net.ru>). Примерная посещаемость сайта по данным <http://pr-su.ru/> составляет 50 посетителей и 200 просмотров за день³⁰⁶. Данный проект направлен на разъяснение сущности терроризма и противодействие ему на правовом, богословском уровне. Сайт содержит несколько разделов, в том числе новостную ленту и «Мульти-медиа», включающую в себя видео-, аудиоматериалы и мотиваторы. Раздел «Законодательство» предлагает ознакомиться с основами законодательными актами РФ. Раздел «Безопасность» представлены ответы на часто задаваемые вопросы, телефоны горячих линий и правила безопасности и действия при угрозе совершения террористического акта.

Нельзя не отметить работу информационно-аналитического, федерального портала об исламе Islam-today.ru, который ведёт свою работу с 2012 года. За год работы портал вышел в лидеры среди исламских порталов России и стран СНГ. Сайт содержит аналитику, новости, репортажи, интервью, фетвы, исторические очерки, обзоры на русском и английском языках.

Республиканским агентством по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» совместно с Негосударственным обра-

³⁰⁶ URL: <http://pr-su.ru/site-statistics/> (дата обращения: 29.01.2017).

зовательным учреждением высшего профессионального образования «Российский исламский институт», находящемся в ведомстве ДУМ РТ, осуществляется поддержка ранее созданного сайта islam-portal.ru, целью которого является сближение людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания. На сайте публикуются новости из исламского мира, проповеди, интервью с известными богословами, философами и учеными.

Значимым событием в институционализации мусульманского Интернета стала организация ДУМ РТ в 2012 году первого круглого стола по теме «Исламский интернет: к созидательному диалогу», что стало первым шагом на пути развития мас-смедиа для мусульман и их координации. Основными вопросами, вынесенными на обсуждение, стали выработка единых идеологических рамок, информационной политики, проблема повышения профессионализма исламских журналистов. Для реализации данных задач предполагалось создать Ассоциацию исламских сайтов. Характеризуя информационное поле российских мусульман, на круглом столе было отмечено, что в России около «80 муфтийатов, а у половины из них нет собственных сайтов»³⁰⁷, к недостаткам мусульманской журналистики были отнесены слабость материалов, недостаток аналитических материалов. Присутствующие выразили идею принять соглашение, согласно которому исламские сайты должны предоставлять информацию, придерживаясь единой богословско-правовой школы. Создание богословских рамок (ханафитских мазхаб) придает работе мусульманских журналистов упорядоченность, единообразие, которые они будет транслировать своей аудитории, тем самым подтверждая приверженность и верность традициям предков, значимость которой не осознает часть мусульман.

Важным шагом в развитии мусульманских медиа стала организация Союзом мусульманской молодежи Республики Татарстан в 2014 году Первого международного мусульманского онлайн-фестиваля, который должен был «собрать до 35 тысяч слушателей из пяти континентов, на пятнадцати языках»³⁰⁸. Данный формат отражал предпочтение молодежи в способе по-

³⁰⁷ Бадаева А. Ассоциация исламских сайтов // Умма. 2012. № 79. С.2.

³⁰⁸ Первый мусульманский онлайн-фестиваль // Умма. 2014. № 138. С. 7.

лучения информации и отвечает интересам продвинутых и активных молодых людей, которые стремятся расширить знания в области ислама. На форуме обсуждались вопросы фикха (мусульманское право), разъяснялись положения шариата, мусульманского вероубеждения, рассматривалась теории и практика и исламской экономики и финансов в российских условиях. Особое внимание было направлено на очищение нравов и советы по саморазвитию. В рамках тематики «Ислам и спорт» ведущие спортсмены из среды мусульман представили мастер-класс по укреплению духа и тела. Участвовать в фестивале выразили готовность многие известные мусульманские деятели России и мира.

Новым явлением для мусульманского виртуального пространства республики стало создание документальных фильмов в серии «Подвиг веры», которые популяризируют жизнь и духовный путь религиозных деятелей республики, стоявших у истоков возрождения ислама в регионе.

Анализ содержания рассмотренных мусульманских сайтов, касающийся профилактики экстремизма, позволяет разделить весь контент на несколько тематических направлений:

- обучающий блок (аудиопродукция, цифровые учебники, книги, посвященные основам мусульманской религии, исламской педагогике, этике);
- информационный (новости из духовной жизни, празднование памятных для ислама дат),
- аналитика (мнения экспертов, исследования проблем взаимоотношений внутри мусульманской общины, социальные связи между светским обществом и мусульманами, концептуальные документы).

Четко выражена тенденция к освещению важных событий, происходящих в повседневной жизни муфтията, приходов, мусульман республики, а так же просвещению различных целевых групп – молодых мусульман, мусульманок, исламоведов. Ресурсы в той или иной форме привлекают внимания общественности к проблеме экстремизма и терроризма, информируют пользователей сети о проблеме распространения радикаль-

ных течений. Рассматриваемые сайты и сервисы могут создавать предпосылки для глубокого погружения мусульман в суть исламской теологии, которое возможно только при опоре на базовые знания, получаемых на качественных мусульманских сайтах.

Мусульманские сайты содержат в себе потенциал для поддержания стабильной информационной политики по исламской проблематике, предлагая для интернет-аудитории электронные версии периодических, учебно-просветительных изданий, публикуя аналитические материалы, создавая сайты и интернет-порталы. Освещая усилия общественных институтов по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, рассматривая угрозы духовной безопасности, они во многом формируют у населения республики такие необходимые качества личности как бдительность и способность сопротивления чуждому идеологическому влиянию в условиях вербовки, появления в медийном пространстве различных религиозных течений. В тоже время отсутствие на сайтах форумов, комментариев, малая представленность блогов, осложняет процесс выстраивания коммуникации и обмена мнениями между пользователями сайта. Важно не только представить на исламских сайтах основы ислама, а добиться формирования у посетителей сайта стойкого интереса к духовно-нравственным традициям предков.

Таким образом, мусульманские сайты участвуют в процессе общественного противодействия распространению идей насилия. Выстраивая нравственные и теологические границы для участников исламского дискурса, осуждая разногласия, продвигая идеи запрета на вынесения суждения о степени греховности мусульманина, давая исчерпывающие богословские доводы, сайты становятся публичной площадкой для выражения личной и коллективной позиции по насущным вопросам, формируя общественное мнение об исламе, как среди мусульман, так и вне мусульманского сообщества.

ЭКСТРЕМИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АГНИ)

Р.М. Рахимова, Э.А. Иванова, М.Н. Христинина

В последние годы проблема экстремизма является одной из самых обсуждаемых представителями властных структур, научного сообщества, гражданского общества всего мира. Данная проблема носит глобальный характер, о чем свидетельствует динамика роста террористических актов в мире: если с 1968 г. по 1980 г. было совершено около 700 терактов³⁰⁹, то в 2012 году – 8500 терактов по всему миру, которые унесли жизни почти 15,5 тысячи человек³¹⁰. В России в 1995 г. количество жертв терактов составило более 300 человек, в 2000 г. – более 750 человек, в 2005 г. – 1900 человек, в 2010 г. – более 2100 человек³¹¹.

Экстремистские, радикальные группировки пытаются активизировать свою деятельность не только на Северном Кавказе, но и перенести ее в другие регионы нашей страны: Поволжье, Центральную Россию, стремятся провоцировать межнациональные и межрелигиозные конфликты, используя современные информационные системы коммуникации, прежде всего Интернет и социальные сети, ведут агрессивную пропаганду среди молодежи.

В Татарстане приняты программа «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на

³⁰⁹ Двойные стандарты в борьбе против терроризма // Интернет-портал Медиа-холдинг «Чархи Гардун»: электронный ресурс. 11.11.2010, URL:<http://www.gazeta.tj/dr/881-dvojnye-standarty-v-borbe-protiv-terrorizma.html> (дата обращения: 12.10.16)

³¹⁰ В 8500 терактах по всему миру в 2012 году погибли около 15,5 тыс. человек – данные нового доклада в США // Интернет-портал ИА ИТАР-ТАСС: электронный ресурс. 29 октября 2013, URL:<http://tass.ru/arhiv/712729> (дата обращения: 12.10.16)

³¹¹ Исмаилов О. М. История возникновения и становления терроризма как преступного явления: уголовно-правовой анализ террористического акта [Текст] / О. М. Исмаилов // Наука и образование: современные тренды: коллективная монография / гл. ред. О. Н. Широков. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — № X. — С. 22–29. — (Серия "Научно-методическая библиотека"). — ISSN 2313-6189. https://interactive-plus.ru/article/15902/discussion_platform

2014-2020 годы», подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма в РТ на 2014-2016 годы»³¹². В «Стратегии Молодежной политики в РТ до 2030 г.»³¹³ рост проявлений молодежного экстремизма, обострение конфликтов на религиозной и национальной почве определяются как одна из наиболее актуальных проблем молодежи. Совершенствование деятельности по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде занимает четвертое место в рейтинге приоритетных направлений государственной молодежной политики РТ.

Согласно результатам мониторинга «Молодежный экстремизм в Республике Татарстан: состояние, предпосылки и последствия» молодежь республики проявляет средний уровень этнической толерантности (92,5%), для которого характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. Представителей молодого поколения с низким уровнем толерантности – 2,8%, с высоким уровнем толерантности – 4,8% от числа опрошенных.

Более половины респондентов (53,1%) считают, что в молодежной среде имеет место распространение экстремизма. При этом 17,6% лично сталкивались с проявлениями экстремистских действий по отношению к представителям других национальностей, религий, политических взглядов. В целом молодежь республики негативно относится к проявлениям экстремизма: 25,4% респондентов характеризуют экстремистов как «банальных наемников, чьи хозяева остаются в тени», а 32,6% – считают их «безумцами, заблуждающимися людьми». В то же время, у довольно большой доли молодежи – 12,4%, наблюдается романтизация экстремизма.

На сегодняшний день около 10% молодежи республики входят в те или иные молодежные неформальные группы или объединения. Большинство (60%) молодежи считает, что в мо-

³¹² Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014-2016 годы. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 16 октября 2013 года № 764. // URL: prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_201985_enc_29547.doc (дата обращения: 10.09.16)

³¹³ Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики Республики Татарстан до 2030 года. (Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 4 февраля 2016 года N 63) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/432869121> (дата обращения: 10.10.16)

лодежных группах, представляющих определенные субкультуры, часто встречаются проявления экстремизма³¹⁴. В связи с этим, одной из важных задач реализации «Стратегии молодежной политики в Республике Татарстан до 2030 года» является формирование современной системы ценностей с учетом многонациональной основы Татарстана, предусматривающей создание условий для воспитания и развития молодежи, знающей и ответственно реализующей свои конституционные права и обязанности, обладающей гуманистическим мировоззрением, устойчивой системой нравственных и гражданских ценностей, проявляющей знание культурного, исторического, национального наследия народов Татарстана и уважение к его многообразию, развитие в молодежной среде культуры созидательных межэтнических отношений³¹⁵.

С целью выявления отношения студентов, как наиболее активной части молодежи, к проблеме распространения экстремизма в современной России и определения мер противодействия его распространению в 2016 году в Альметьевском государственном нефтяном институте (АГНИ) было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса. Анкетирование реализовывалось на основе квотной выборки (расчет квот производился по курсам). Объем выборочной совокупности составил 295 человек.

Результаты исследования позволили сделать выводы по следующим задачам.

Задача 1. Выявить представления студентов АГНИ о наиболее актуальных проблемах современного российского общества.

Иерархическая структура актуальных проблем современного российского общества, вызывающих у студентов АГНИ наибольшее беспокойство, выглядит следующим образом: безработица (49,8%); рост наркомании и алкоголизма (48,1%); коррупция (43,1%); терроризм (40,7 %); низкий уровень жизни (36,9%);

³¹⁴ Социологический мониторинг «Молодежный экстремизм в Республике Татарстан: состояние, предпосылки и последствия» // URL: <http://www.nchti.ru/index.php/home/1535-2016-10-04-13-48-04> (дата обращения: 10. 09.16)

³¹⁵ Там же.

упадок нравственности, культуры (26,4%); рост преступности (22,4%); пропаганда насилия, жестокости в СМИ (17,6%); отношения между людьми разных национальностей, религий (16,9%); недостаток демократии, свободы слова (12,2%).

Задача 2. Выявить степень активности студентов АГНИ в антиэкстремистских акциях, формы возможного участия в них в будущем.

Согласно результатам социологического опроса, лишь 1% респондентов регулярно участвует в акциях против терроризма и различных проявлений нетерпимости. 10,8% опрошенных принимали участие в подобных акциях несколько раз. 22,4% респондентов не были участниками данных мероприятий, но хотели бы в них участвовать. В качестве причины неучастия в антитеррористических мероприятиях около трети опрошенных (32,3%) отметили отсутствие времени. Немногим более пятой части респондентов не участвуют в данных акциях, так как считают их бессмысленными (22%). Вызывает озабоченность, что среди студентов более старших курсов высока доля тех, кто не участвует в антиэкстремистских мероприятиях, считают их бессмысленными (если на 1 курсе таких 14,7% респондентов, то на 2 курсе 2,5%, на 3 курсе – 23,7%, на 4 курсе – 23,9%).

Задача 3. Выявить оценку студентами АГНИ уровня конфликтности социальных, межэтнических, межконфессиональных отношений (в Республике Татарстан в АГНИ) и определить наличие/отсутствие у студентов АГНИ негативных установок к различным категориям населения.

Опрос показал, что 43,4% опрошенных студентов оценивают социальные отношения в Республике Татарстан как спокойные; немногим менее трети респондентов отметили, что время от времени проблемы возникают (31,9%); 6,8% участников опроса считают, что социальные отношения в Республике Татарстан напряженные. Оценивая межэтнические и межконфессиональные отношения в АГНИ, абсолютное большинство респондентов (82,7%) отметили отсутствие в них напряженности. 6,8% опрошенных указали, что чувствуют межэтническую и межконфессиональную напряженность.

Респондентам также был задан вопрос: «В каких формах акций против экстремизма и терроризма Вы могли бы принять участие?». Опрос выявил следующую структуру предпочтений: сдача крови (38,3%); сбор средств в пользу пострадавших, их родственников (31,2%); посещение выставок концертов, посвященных солидарности против терроризма (29,5%); митинги, демонстрации, шествия (18,6%); сбор подписей в знак осуждения терактов (17,3%); 15,6% опрошенных отметили, что данные акции бесполезны.

Для выявления наличия негативных установок к различным социальным категориям населения респондентам был задан вопрос: «Представители каких групп вызывают у Вас раздражение, неприязнь?». Наибольшую неприязнь у студентов АГНИ вызывают невоспитанные, некультурные люди (53,7%), а также люди из преступного мира (36,4%); раздражение вызывают работники правоохранительных органов, а у 9,9% респондентов – представители власти; негативные установки к бомжам – у 10,5% опрошенных, а к людям иных убеждений, образа жизни – у 8,5% респондентов; 5,8% участников опроса негативно относятся к представителям иных национальностей; 2,7% – к представителям других и приезжим из других регионов, а 3,7% – к представителям других рас. При этом выявлен больший негативизм к представителям преступной субкультуры у студентов 1-го и 2-го курсов (45,6% и 40,5% соответственно), чем у опрошенных 3-го, 4-го курсов (32,9% и 26,8% соответственно). Вместе с тем, неприязнь к представителям других национальностей несколько чаще отмечают респонденты 3-го и 4-го курсов (10,5% и 8,5%), чем опрошенные студенты 1-го, 2-го курсов (1,5% и 2,5% соответственно).

Задача 4. Выявить степень солидарности студентов АГНИ с идеями экстремизма, их представления о детерминантах и агентах распространения идеологии экстремизма в России.

У абсолютного большинства респондентов (81,8%) среди близких, знакомых нет радикально настроенных людей, оправдывающих применение насилия. Лишь 3,1% опрошенных отметили, что таких людей в их окружении много, у 4,4% респон-

дентов имеются такие знакомые, но их немного; 4,7% опрошенных студентов затруднились ответить на данный вопрос. Существенных отличий в ответах респондентов разных курсов не выявлено.

Для выявления степени солидарности студентов АГНИ с экстремистскими идеями респондентам был задан вопрос: «Насколько близки Вам идеи, которые разделяют радикально настроенные люди, оправдывающие насилие?». Как показал опрос, большинство респондентов (67,1%) абсолютно не разделяют этих идей; 16,3% опрошенных не состоят в радикальной организации (групп) и не вполне согласны с идеями экстремизма; 5,1% опрошенных отметили, что хотя и не состоят в радикальной организации (группе), но согласны с этими идеями; 2,7% респондентов отметили, что полностью разделяют идеи экстремизма, и сами состоят в радикальной организации (группе); 8,1% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. При этом первокурсники несколько чаще указывают на солидарность с идеями экстремизма, несмотря на то, что не состоят в радикальных организациях (10,3%), чем студенты второго, третьего и четвертого курсов (5%, 3,9% и 1,4% соответственно).

В качестве основных факторов распространения экстремистских идей и настроений в России опрошенные отметили следующие: бедность большинства населения (40%); подверженность чужому влиянию (37,3%); желание заработать любой ценой (32,9%); религиозная нетерпимость (28,8%); деятельность на территории России зарубежных экстремистских организаций и спецслужб (28,8%); неэффективность власти (25,8%); неравномерность экономического и социального развития регионов страны (25,8%); низкий уровень нравственной, духовной культуры (23,1%); национальная нетерпимость (21,7%).

Так же, к причинам распространения экстремистских идеологий на территории России респонденты отнесли: чрезмерную ориентацию СМИ на показ жестокости, насилия (20,3%); несправедливость властей к национальным или религиозным группам населения (18%); обилие компьютерных игр, основанных на жестокости и насилии (16,3%) и др.

Основными агентами распространения экстремизма в России опрошенные студенты считают террористические группировки (64,7%); преступные сообщества (34,9%); СМИ (27,1%); националистические организации (23,4%); 16,9% респондентов полагают, что пропаганда насилия и террора в России способствуют в большей степени зарубежные спецслужбы. При этом религиозные организации в качестве агентов распространения идеологии экстремизма чаще выделяют студенты 1-го и 2-го курсов (27,9% и 30% соответственно), чем студенты 3-го и 4-го курсов (22,4% и 19,4% соответственно).

С целью выявления случаев вербовки студентов АГНИ в экстремистские группировки республики был задан вопрос: «Были ли случаи, когда кто-либо вел с Вами беседы экстремистской направленности, либо через интернет-сайты пытался вовлечь Вас в радикальную группировку?» Согласно полученным данным у абсолютного большинства опрошенных (89,8%) не было подобных случаев. 6,1% респондентов отметили, что такие попытки вовлечения в экстремистские группировки были.

Задача 5. Выявить представления студентов АГНИ о факто-рах, механизмах вовлечения молодежи в экстремистские организации (группировки); определить степень и условия готовности студентов участвовать в массовых акциях, акциях протеста.

Анализ результатов социологического опроса выявил следующую структуру факторов вовлечения молодежи в экстремистские организации, группировки в представлениях студентов АГНИ: сильная пропагандистская деятельность вербовщиков радикальных организаций (47,1%); материальное вознаграждение (37,6%); влияние ближайшего окружения (33,9%); отчаяние, безысходность (32,9%); желание отомстить (30,2%). Условиями, способствующими вхождению молодых людей в террористические группы, по мнению респондентов, являются так же невозможность решить проблему законными, мирными способами (27,1%); наркотики (24,7%); несправедливость, произвол властей (22,7%); служение религиозным идеям (21,4%); желание самоутвердиться (21%).

Респондентам был задан вопрос: «На Ваш взгляд, как вовлекаются молодые люди в террористические группы?» По мнению студентов АГНИ, основным инструментом вовлечения молодежи в экстремистские организации, группировки является Интернет (63,1%). В качестве актуальных способов вовлечения молодых людей в радикальные организации так же были отмечены следующие: через наркосреду и другие преступные сообщества (45,5%); через религиозных наставников (43,1%); через случайных людей (32,2%); через друзей, соседей (26,1%). Печатные агитационные материалы, а так же родственники являются, по мнению студентов, менее эффективными механизмами и агентами вовлечения молодежи в данные организации, группировки (их отметили лишь 7,8% и 6,8% респондентов соответственно указанным вариантам).

Задача 6. Определить наиболее эффективные меры профилактики и противодействия распространению экстремизма среди российской молодежи (по оценкам студентов АГНИ).

С целью выявления роли образовательной среды в АГНИ в формировании антиэкстремистского сознания и поведения студентов респондентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете влияние образовательной среды в АГНИ (гуманитарное образование, патриотическое воспитание, научная, спортивная, творческая деятельность студентов, работа кураторов, гражданские акции, волонтерство) на формирование антиэкстремистского сознания и поведения?». По результатам исследования, 65,1% респондентов отмечают влияние образовательной среды ВУЗа как эффективное в противодействии распространению этих явлений. Данная оценка, по мнению авторов статьи, имеет реальные основания, поскольку приоритетной задачей внеаудиторной работы в АГНИ является создание социокультурной среды, которая способствует оптимизации жизненных и культурных ресурсов молодежи, развитию социальной активности студентов, формированию межэтнической и межконфессиональной толерантности. Важными принципами ее развития являются солидарность, социальная справедливость, гуманистические ценности межличностного общения и

профессионализм профессорско-преподавательского состава. Основными направлениями развития социокультурной среды являются духовное развитие студентов через приобщение к российским, мировым культурным ценностям, формирование исторического сознания, патриотизма, нравственное воспитание, противодействие распространению радикализма и терроризма в студенческой среде. Особое значение в этой работе имеет гуманитарное образование, которое позволяет понять молодому человеку роль страны в системе мировой истории, перспективы ее развития³¹⁶.

В АГНИ обучаются студенты из разных стран: Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Украины, Белоруссии. В институте систематически проводятся мониторинговые исследования по выявлению радикальных настроений и их факторов (результаты данных исследований нашли отражение в ряде работ авторов)³¹⁷. Поэтому одна из задач воспитательного процесса гуманитарного образования в вузе состоит в развитии их духовного сближения, взаимообогащении студентов разных национальностей.

В качестве наиболее эффективных мер профилактики и противодействия распространению экстремизма среди российской молодежи опрошенные студенты выделяли следующие: повышение уровня жизни, борьба с безработицей (59%); ужесточение наказания за распространение экстремистских идей и участие в террористических организациях (39,7%); активизация государства по трудоустройству молодежи (35,6%); активиза-

³¹⁶ Рахимова Р.М., Алиева Р.Х. Социокультурная среда вуза, как условие формирования успешной личности студента. // Развитие гуманитарной среды в техническом вузе: материалы VI всеросс. научно-практ. конф. – Альметьевск: типография АГНИ, 2015. – С. 182.

³¹⁷ Христинина М.Н. Гаврилова Т.В., Садеева А.Р. Южная Осетия и Грузия: неофициальные причины конфликта в августе 2008 года // Материалы научной сессии ученых Альметьевского государственного нефтяного института. 2009. Т. 1. С. 356-359; Иванова Э.А. Социальный портрет современного студента провинциального вуза // Материалы научной сессии ученых Альметьевского государственного нефтяного института. 2010. Т.1. С.294– 296; Иванова Э.А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации студентов провинциального вуза // Адлеровские социологические чтения. 2012. Т.1. № 1. С.153– 156; Апряткина С.Г.,Гараева М.Ф., Гималетдинов И.И., Михайлова А.Н., Иванова Э.А. Факторы и механизмы формирования межнациональной толерантности в современном российском обществе в представлениях студенческой молодежи // Адлеровские социологические чтения. 2014. Т.1. № 1. С.215-219.

ция работы правоохранительных органов (28,8%); активизация работы спортивных, культурных и иных учреждений для молодежи (27,8%); пропаганда гражданско-патриотического воспитания (26,4%); активизация борьбы с коррупцией (25,8%); привлечение молодого поколения к деятельности молодежных общественных организаций (23,4%).

Таким образом, по результатам исследования, можно отметить, что студенты АГНИ озабочены тяжелым материальным положением населения, нарушением принципов социальной справедливости в обществе, углубляющейся имущественной дифференциацией; высказывают недоверие в отношении органов власти. Ряд социальных противоречий в обществе студенты института квалифицируют как антагонистические. Опасность в том, что электронные СМИ чутко реагируют на настроения молодежи, могут вовлечь ее в различные виртуальные сообщества, создавая ситуации «значимых других» и т.д. В этой связи особенно важно развитие вузовской социокультурной среды, социального пространства, формирующего на основе мировоззренческой культуры гражданскую ответственность. Большинство студентов института демонстрируют гражданскую позицию неприятия экстремизма как идеологии и политического действия, высказывают, традиционное для российского общества, Татарстана, дружелюбное отношение к другим народам и их культуре. Однако, значительная часть студентов считает участие в антиэкстремистских акциях бессмысленным и ориентированы больше на участие в преодолении последствий проявления экстремизма (сдача крови, сбор средств в пользу пострадавших и другое).

Подытоживая анализ результатов социологического исследования, можно сделать вывод, что антиэкстремистская деятельность будет эффективной только при системном взаимодействии всех социальных институтов, организаций, гражданского общества в реализации указанных мер.

КРАТКИЙ ОБЗОР РАБОТЫ СЕКЦИЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В.Т. Сакаев, Д.Ш. Мурзина, А.Е. Денисов

С 17 по 18 ноября 2016 года в городе Казань (Россия) прошла международная научно-практическая конференция «Россия и исламский мир: поиски ответа на глобализацию экстремистских движений», которая была организована группой стратегического видения «Россия – исламский мир», Академией Наук Республики Татарстан, Центром исламоведческих исследований (АН РТ), Ресурсным центром по развитию исламского и исламоведческого образования ИМОИиВ КФУ и Казанским институтом евразийских и международных исследований. Участие в ней приняли более 50 человек – политики, учёные, эксперты, аспиранты и студенты из разных городов России (Казань, Грозный, Севастополь, Ростов-на-Дону, Москва, Набережные Челны, Екатеринбург, Махачкала), а также гости из зарубежных стран (Иордания, Армения, Казахстан).

Открыл работу конференции президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ М.Х. Салахов, который выразил большую благодарность учёным и специалистам-практикам за то, что они вносят свой посильный вклад в противодействие экстремизму и терроризму. От лица академической общественности Республики Татарстан президент АН РТ поблагодарил Группу стратегического видения «Россия и исламский мир» в поддержке проведения конференции и лично президента РТ Р.Н. Минниханова, который возглавляет данную группу. М.Х. Салахов также подчеркнул важность использования опыта Татарстана в выстраивании гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений на своей территории.

Далее с приветственным словом к гостям конференции обратился заместитель руководителя Аппарата Президента РТ А.М. Терентьев. В своём выступлении он затронул вопрос о Грозненской фетве 2016 года, которая была посвящена проблеме распространения псевдоисламских течений. Данная фетва

ещё раз выявила влияние такого фактора, как отсутствия единого центра координации жизни исламской уммы в России, что провоцирует, в том числе, её конфликтность и идеологическую фрагментарность. Г-н А.М. Терентьев отметил чрезвычайную важность такой задачи как интеграция мусульманской общины в России.

Проблеме распространения радикальных исламских идеологий посвятил свое выступление председатель Духовного управления мусульман РТ, муфтий К.И. Самигуллин. Было отмечено, что представители традиционных политических конфессий должны объединить свои усилия для борьбы с глобальной угрозой радикализации и попытками извращения доктринальных догматов религии. Муфтий при этом метафорично отметил, что мусульмане, примкнувшие к террористической деятельности, «вылетают» из религии, словно стрела из лука, без возможности возвращения обратно.

После официальной церемонии открытия участники конференции перешли к обсуждению трех блоков вопросов. Первый из них был связан с проблемой распространения религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока.

Одним из докладчиков выступил доцент кафедры исторических, философских и социальных наук Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета А.М. Канах. В центре его внимания оказались особенности тактических изменений в деятельности экстремистских организаций на Ближнем Востоке, которые, в частности, привели к трансформации общественно-политического сознания и обеспечили переход к позитивной модели самопрезентации членов террористических организаций.

Директор Казанского института евразийских и международных исследований Б.М. Ягудин посвятил свой доклад религиозному радикализму как способу политической борьбы на Ближнем Востоке в период «арабской весны».

Большой интерес слушателей вызвал доклад и.о. заместителя декана историко-филологического факультета филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе А.В. Мартынкина о

феномене трансграничных угроз безопасности со стороны исламских террористических организаций. По его мнению, наличие подобных движений на территориях, неподконтрольных мировому сообществу, создает прямую угрозу для соседних стран. В данном контексте вмешательство российских военно-космических сил и сил международной коалиции является совершенно оправданным.

Все участники конференции сошлись во мнении о существовании большого комплекса проблем в данном регионе, ставшим одним из главных источников международной нестабильности.

Второй блок вопросов, рассмотренных на конференции, был посвящён анализу опыта дерадикализации в странах Западной Европы, СНГ и в ряде российских регионов.

Философский подход к проблеме дерадикализации присутствовал в докладе первого заместителя муфтия Республики Татарстан Р.Г. Батрова, обозначившего смену фундаментальной парадигмы понимания природы религии в качестве главной причины распространения радикалистских настроений среди мусульман.

Сотрудник аппарата Антитеррористической комиссии в Республике Татарстан Ш.Г. Асадуллин рассказал об опыте противодействия экстремистской и террористической деятельности в регионе. По словам г-на Асадуллина, борьба с экстремизмом не заканчивается ликвидацией террористической группы и вынесением судом приговоров.

Особое внимание в целях предотвращения рецидива должно уделяться работе в пенитенциарных учреждениях и в период ресоциализации вчерашних заключенных. Сообщение И.А. Мухаметзарипова, заместителя директора Центра исламоведческих исследований, было посвящено обзору программ дерадикализации в странах Европы. Практически все программы включают в себя три момента: подготовка работников «первой линии», которые вступают в непосредственный контакт с объектом дерадикализации, стратегии реинтеграции в сообщество и взаимодействие с группами.

В ходе секционной работы (секция 1 – «Проявление религиозного радикализма: международные аспекты и российский опыт») был заслушан ряд докладов, посвященных анализу особенностей восприятия межконфессиональных отношений в Татарстане, что позволяет диагностировать уровень радикализации разных этнических и социальных групп, проживающих на территории региона. Гости и участники конференции также ознакомились с докладами, посвященными результатам историко-сравнительного анализа деятельности радикальных мусульманских группировок в Волго-Уральском регионе и проблемам социальной поддержки джихадизма в странах ЕС.

В рамках работы второй секции «Практический опыт противодействия религиозному радикализму» внимание было уделено технологиям противодействия экстремизму, в частности обсуждались технологии изменения религиозной идентичности молодёжи, вопросы противодействия экстремистской идеологии в молодежной среде, создания в России молодёжных праворадикальных движений, использующих исламистскую атрибутику. Научный сотрудник Российского института стратегических исследований А.А. Хохлов поделился опытом противодействия экстремизму в студенческой среде Республики Татарстан, подчеркнув особую уязвимость отдельных категорий студентов, в частности девушек, в силу социальных и биологических особенностей. Руководитель научно-практической лаборатории по вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма Дагестанского государственного университета народного хозяйства Х.Г. Магомедов в своём выступлении поделился богатым опытом противодействия экстремизму в Республике Дагестан, акцент при этом он сделал на необходимость организации адресной работы с молодёжью и использования индивидуального подхода к переубеждению экстремистов. Опыт центральноазиатских республик по противодействию религиозному экстремизму был рассмотрен в докладе эксперта по противодействию религиозному экстремизму А.М. Киманова (г. Астана), который обозначил специфику радикальных течений и технологий противодействия им в регионе.

Третий блок вопросов связан с профилактикой религиозного экстремизма в обществе. Наряду с деятельностью государства в этой области ряд докладчиков рассмотрели специфику профилактического воздействия со стороны институтов гражданского общества. Ряд докладов были посвящены особенностям профилактики нетрадиционных религиозных взглядов среди студентов мусульманских образовательных учреждений, а также причинам распространения радикальных настроений среди мусульман.

В частности, ректор Российской исламского университета Р.М. Мухаметшин в рамках своего выступления на пленарном заседании, подчеркнул необходимость использования международного опыта в системе исламского образования России. Было отмечено, что качественное мусульманское образование является решением многих современных проблем уммы в России. Главной же проблемой, по мнению Р.М. Мухаметшина, является определение современных духовных ориентиров мусульмана и ответ на вопросы: «Кто мы? По какому пути мы идём?»

Главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН В.Х. Акакеева (г. Грозный) в своем докладе обозначил причины, которые обуславливают привлекательность нетрадиционных исламских религиозных течений для молодёжи. Среди них были выделены: идеологический вакуум, возникший после распада СССР; религиозная неграмотность населения; материальные стимулы вербовщиков, апеллирование к несовершенству мира, к созданию мирового халифата по шариатским канонам жизни.

Директором Центра исламоведческих исследований АН РТ Р.Ф. Патеевым был дан анализ субкультурного дискурса радикальных джихадистских групп. Одним из истоков радикальной джихадистской субкультуры, по его мнению, является разрыв между традиционной культурой родителей этих молодых людей и фрустрацией в современной среде. В связи с этим, с целью профилактики девиантного поведения среди молодежи следует уделять особое внимание вопросу воспитания и социализации детей.

Заведующий кафедрой теологии Уральского государственного горного университета А.Н. Старостин (г. Екатеринбург) поделился опытом противодействия религиозному экстремизму в Уральском регионе, и в частности в вузе, сотрудником которого он является. А.Н. Старостиным была подчеркнута важность взаимного обмена антиэкстремистской методической литературой среди научного сообщества. В заключении А.Н. Старостин продемонстрировал видеоролики, подготовленные в рамках работы по противодействию экстремизму студентами УГГУ, которые получили высокие положительные оценки всех участников конференции.³¹⁸

Неподдельный интерес вызвал доклад ведущего референта Исполкома Всемирного конгресса татар И.Н. Хайсарова о необходимости активизации взаимодействия с общинами татар-соплеменников за рубежом, для пресечения попыток представителей радикальных исламских течений создать негативный образ России за рубежом.

Доклад старшего научного сотрудника Центра исламоведческих исследований АН РТ К.И. Насибуллова был посвящен роли образовательных технологий как инструменту предотвращения радикализации мусульманского сообщества. В выступлении говорилось о необходимости использования идеологически выверенных учебников по исламским наукам и проведения аттестации преподавателей медресе с целью выявления лиц с радикальными взглядами.

В завершающей части конференции развернулась дискуссия об этноконфессиональной ситуации в современном Татарстане, о роли различных течений в жизни мусульманской уммы республики; участники конференции также ознакомили присутствующих с опубликованными учебными и методическими пособиями, посвященными рассматриваемой проблематике.³¹⁹

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках работы конференции «Россия и исламский мир: поиски ответа на

³¹⁸ Впервые опубликовано в журнале «Ислам в современном мире». – 2016. – Том 12. – №4. – С. 131–138.

³¹⁹ «Группа риска». Уральские студенты сняли социальное видео о противодействии ИГИЛ (деятельность запрещена на территории РФ) 11.02.16 Режим доступа: <http://pressa.ursmu.ru/4305.html> Дата обращения: 01.12.2016

глобализацию экстремистских движений» имела место попытка комплексного рассмотрения проблемы религиозного радикализма. Религиозный радикализм был рассмотрен участниками конференции с позиций различных исследовательских подходов (религиоведческого, философского, исторического, социологического, политологического, педагогического), что позволило выявить новые грани этого феномена как предмета научного анализа и расширить исследовательское поле.

Наряду с теоретическими аспектами были рассмотрены и практические (прикладные) аспекты проблемы религиозного экстремизма. Так были выявлены особенности его распространения в различных географических зонах, в частности в наиболее конфликтогенном регионе – в странах Ближнего Востока, в странах СНГ и отдельных регионах России. Был дан анализ опыты противодействия религиозному экстремизму в различных странах, выявлены преимущества и недостатки некоторых подходов, сформулирован ряд рекомендаций по повышению эффективности этой деятельности. Отдельное внимание было уделено особенностям работы различных субъектов противодействия религиозному экстремизму, например экспертно-академического сообщества, этнических диаспор, религиозных общин, религиозных учебных заведений и т.д.

В резолюции конференции было сформулировано предложение предпринять усилия, чтобы сделать данную площадку обсуждения проблем противодействия религиозному экстремизму ежегодной.

РЕЗОЛЮЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПОИСКИ ОТВЕТА НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ» (17 – 18 ноября 2016 г., город Казань)

1. В современном мире одними из главных угроз обществу являются экстремизм и терроризм. В свете этого представляется целесообразным, в частности, объединение усилий России и стран исламского мира с целью преодоления деструктивных тенденций в глобализации экстремистских движений, прикрывающихся исламской терминологией.

2. Значимыми детерминантами экстремизма и терроризма становятся процессы глобализации и связанные с этим конфликты различных культурных ценностей и установок. Происходят глубинные социокультурные трансформации современных сообществ, порождающие сложные мировоззренческие изменения, связанные с распространением нигилизма, потребительской культуры и превалированием гедонистических ориентаций человека. В этих условиях экстремизм становится радикальной реакцией отдельных групп и лиц на кризис морально-нравственных ориентиров в современном обществе.

3. Проблема глобализации экстремистских движений усугубляется такими факторами, как социально-экономический кризис; мировой дисбаланс демографических потенциалов; неравенство в обладании ресурсами и технологиями; проблемы социализации молодежи, деятельность проповедников деструктивного характера; индивидуальные особенности челове-

ка (психологическая неустойчивость, агрессивность), которые часто проявляются в условиях мировоззренческой дезориентации.

4. Проявления экстремизма и терроризма могут носить разнонаправленный характер: от непосредственного участия в вооруженных формированиях до поддержки радикализма на политическом, экономическом, социальном уровнях. Имеет место также заинтересованность в существовании радикальных групп со стороны отдельных государств и их политических элит.

5. Наиболее уязвимой, с точки зрения склонности к приверженности радикальным идеям и моделям поведения, является молодежь, а также лица, оказавшиеся в тяжелых жизненных условиях (отбывающие наказание в тюрьмах; одинокие граждане и т.д.).

6. Одним из направлений противодействия экстремизму и терроризму является профилактическая работа, которая должна осуществляться государством и общественными институтами. Она включает в себя укрепление общегражданской идентичности, воспитание патриотизма, традиционных ценностей (семья, труд, уважение к старшим и др.), получение достоверных знаний о гуманистических ценностях религий, исторически представленных на территории России и других стран, распространение позитивных альтернативных видов деятельности, досуга (спорт, культурные мероприятия, образовательные кружки, система доступного непрерывного образования для широких слоев населения и т.д.).

7. Необходимо объединять усилия академического и экспертного сообществ с активным привлечением представителей религиозных общин, представляющих традиционные конфессии. Религиозные организации различных вероисповеданий должны не только заниматься социальным служением, благотворительностью, просвещением своих последователей, но также профилактической работой: разработкой и распространением морально-этических концепций, направленных на религиозное обоснование важности уважения к людям различных конфессий.

8. Требуется усилить взаимодействие, обмен опытом и координацию совместных усилий между экспертными центрами в России и странах СНГ в плане противодействия распространению идеологии религиозного радикализма.

9. Следует обратить внимание на работу с зарубежными диаспорами коренных народов Российской Федерации, в том числе по линии Всемирного конгресса татар, с целью оказания им информационного содействия в деле противодействия проникновения в их среду сторонников радикальных религиозных течений.

10. Для усовершенствования механизмов профилактики экстремизма в современных условиях и обмена опытом между научными, экспертными и религиозными организациями предлагаем руководству Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир» принять решение о ежегодном проведении на базе Академии наук Республики Татарстан тематической конференции, посвященной тому или иному вопросу в этой сфере.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акаев Вахит Хумидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник КНИИ РАН, академик Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный). Для связи с автором: akaiev@mail.ru

Галиев Ильдар Шамилевич, заведующий отделом по обеспечению деятельности Совета Безопасности Республики Татарстан - руководитель Аппарата Антитеррористической комиссии Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: Ildar.Galiev@tatar.ru

Галиева Гузель Илгизовна кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: guzaka@mail.ru

Галихузина Резеда Гильмутдиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань). Для связи с автором: garezeda@yandex.ru

Гафиятова Альбина Асхатовна, бакалавр Российского исламского института (г. Казань). Для связи с автором: albina1101@mail.ru

Гибадуллина Миляуша Рустамовна, научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: g.milya@mail.ru

Горшунов Валерий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: d2413@mail.ru

Денисов Андрей Евгеньевич, научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: count-denisov@yandex.ru

Добаев Игорь Прокопьевич, доктор философских наук, профессор, эксперт Российской академии наук, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону). Для связи с автором: dobaev@gmail.com

Евстратов Антон Геннадьевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета (г. Ереван). Для связи с автором: anton_nastoyashiy@mail.ru

Закиров Айдар Азатович, научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: aydarzak1@yandex.ru

Иванова Эльвира Абдулбариевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и социологии, ГБОУ ВО «Альметьевский государственный нефтяной институт» (г. Альметьевск). Для связи с автором: ivanova_ia@list.ru

Касимова Анастасия Валериановна, научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: kasimova.nastia@yandex.ru

Колесников Павел Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань). Для связи с автором: kolesnikovlawer@mail.ru

Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович, кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры религиоведения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань). Для связи с автором: ildarmav@yandex.ru

Магомедов Хабиб Гаджиевич, руководитель научно-практической лаборатории по вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма Дагестанского государственного университета народного хозяйства. Для связи с автором: hmagomedov@mail.ru

Мурзина Диляра Шамилевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: mulyukovadi@yahoo.com

Мухаметгалиев Инсаф Ильдусович, магистрант ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань). Для связи с автором: mukhametinsaf@mail.ru

Мухаметзарипов Ильшат Амирович, кандидат исторических наук, заместитель директора ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: muhametzaripov@mail.ru

Озтюрк Хайреттин (ÖZTÜRK Hayrettin), доктор PhD, доцент теологического факультета Университета Ондокуз майыс (г. Самсун, Турция). Для связи с автором: hayrettin.ozturk55@hotmail.com

Патеев Ринат Фаикович, кандидат политических наук, директор ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: pateev@bk.ru

Рахимова Расима Миннахметовна, доктор социологических наук, профессор, проректор по УВР, заведующий кафедрой гуманитарного образования и социологии ГБОУ ВО «Альметьевский государственный нефтяной институт» (г. Альметьевск). Для связи с автором: gumanitarii@rambler.ru

Сакаев Василь Тимерьянович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: sakaev2003@mail.ru

Силаева Зоя Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры религиоведения ФГАОУ ВО «Казанский (Приолжский) федеральный университет» (г. Казань). Для связи с автором: silaeva-zoya@mail.ru

Файзуллин Гаяз Габделисламович, кандидат юридических наук, доцент кафедры исламской экономики и управления Российского исламского института (г. Казань). Для связи с автором: gayaz-fajzullin@yandex.ru

Халирахманов Айдар Фадирович, научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: xalidar@mail.ru

Христинина Марина Николаевна, старший преподаватель кафедры гуманитарного образования и социологии, ГБОУ ВО «Альметьевский государственный нефтяной институт» (г. Альметьевск). Для связи с автором: gumanitarii@mail.ru

Шерстобоев Владислав Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Для связи с автором: vladislav.scherstoboev@yandex.ru

Элибегова Анжела Георгиевна, кандидат политических наук, старший преподаватель Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Брюсова, Научно – учебный центр информации и коммуникативных технологий (г. Ереван). Для связи с автором: elibegova@gmail.com

ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Коллективная монография

Подписано в печать 01.12.2017.
Формат 60x84 1/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 13,48.
Тираж 500 экз. Заказ № 178/2.

Отпечатано в ООО «Фолиант»
420111 г. Казань, ул. Профсоюзная, д. 17в

